

Рыжков Александр (Украина, Николаев). Образование: магистр экологии, кандидат технических наук. Место работы: Национальный университет кораблестроения имени адмирала Макарова; должность – руководитель центра международного сотрудничества.

Следите за последними новостями автора в его официальном ЖЖ:

<http://sergheev.livejournal.com>

Александр Рыжков Красавица Мирил, чудовище Мирил

С благодарностью Андрею Валентинову,
лучшему Мастеру романного семинара «Партенит 2011».
Без Вас этот роман был бы хуже...

В ДГР вторую неделю царят проливные дожди.

В плексигласовый тазик мерно падают капли из трещины в крыше. Кап, кап.

Светловолосая девушка задумчиво всматривается в окно. Что она хочет там увидеть? Чего она ждёт? Почему она здесь?

Кап, кап. Падают слёзы на подоконник...

На старой пружинной кушетке спит мужчина, свернувшись в позу эмбриона. Он сосёт свой палец и время от времени поскуливает.

– Одноухий... – тихо вздыхает девушка. – Мне так тебя не хватает...

Словно рассыпавшись шёпот, просыпается мужчина. Аметистовые зрачки полны досады и страха. Они смотрят на девушку, как на единственное, что имеет хоть какой-либо смысл.

– Богиня ты моя, магиня, – более-менее связно произносит мужчина. Дальше не разобрать его слов. Он что-то бубнит, а потом жалобно стонет.

Смотрит на девушку, как нашкодивший пёс.

С промокшего матраса течёт моча. Кап, кап.

– Я не могу так больше! – истерично вопит девушка. – Я просто больше не могу, фарлить меня в дрот!

Она выбегает из домика, хлопнув дверью.

Уж лучше намокнуть под холодным дождём, чем вновь стирать матрас...

Мужчина приурковато смотрит в дверь. Из его полуоткрытого рта течёт слюна.

Кап, кап...

Часть 1. Вынужденное путешествие из ниоткуда в никуда

Глава 1: *Про то, как жизнь Миррил пошла под откос*

– Вставай, грязная ябранка! – раскроил пелену сна раздражённый голос. За голосом последовал толчок в спину. Не успела Миррил прорвать глаза, как рука в шершавой перчатке впилась в плечо и свалила с лавки.

Грубый сапог пнул нежное лицо.

– Проваливай отсюда, дрянь, пока я не выколотил из тебя дух! – не унимался полицейский – высоченный брин со свойственной всем северным бринам жилистой худобой и короткой фиолетовой шерстью. Бордовая форма патрульного висела на нём, как на вешалке. Беззаботно поднятое плексигласовое забрало шлема; золотой жетон на груди – звезда с девятью лучами и гравировкой дубинки в центре.

Типичная себе патрульная шваль...

– Это, экхм, должно быть, кхэ-кхэ, недоразумение, – отплёвываясь кровью из разбитой губы, заговорила Миррил. Она полулежала, упёршись локтями в каменистую землю. Её большие, голубые и глубокие, словно воды Бесконечного Океана, глаза слезились от боли, умоляющие глядели из-под тонких светлых бровей на мучителя. – Я приехала из Видрина... – она сплюнула, – обошла с десяток гостиниц, но мест нигде не было, кхэ, – она сплюнула ещё раз. – К тому же, пока ходила, какой-то ворюга вытянул из моей сумочки кошелёк с паспортом и деньгами. Все, к кому я обращалась за помощью – отводили взгляды... – после короткой паузы Миррил попыталась вновь сплюнуть, но у неё не очень хорошо это получилось – кровавая слюна вязкой нитью прилипла к подбородку. – Мистор, пусть и столица нашего славного государства, –

говорила девушка, вытирая подбородок рукавом, – но жители в нём отнюдь не славные. Все злые, надменные и черствые! Мне ничего не оставалось, как заночевать на этой лавке в парке...

Фикар (а именно так звали патрульного) с ненавистью глядел на говорящую и всё удивлялся: чего это он слушает её оправдания, а не мордует дубинкой? Смена проходила как обычно. Избиение бездомных, вымогание дани у наркоторговцев и проституток, выколачивание денег из подлых должников благородных ростовщиков... Видимо, с целью хоть как-то скрасить серость рабочих будней, Фикар ответил словом, а не сапогом. Попеременно поглаживая пристёгнутые к поясу резиновую дубинку, стальные наручники, газовый баллончик и ручной болтострел, он заговорил:

– Полны улицы Мистора такими бедными жертвами как ты! Ни паспорта, ни денег. И все приезжие... Засоряете чистоту нашего города своими грязными мордами! А ну иди-ка ты отсюда вон, пока моя дубинка с тобой тесно не познакомилась!

– Я настоятельно прошу со мной не разговаривать подобным тоном! – пелена шока сошла на нет, и уверенность вернулась к Миррил, заодно невыносимо защемило самолюбие, и без того втоптанное в грязь за последние сутки: – Я посланница видринского крыла Ордена Восьми Старейшин! Прибыла в ваш город по очень важному поручению! И вот как меня встречают?! – Миррил злилась всё больше. Она вскочила на ноги, но даже так была полицейскому лишь по грудь. – Не встретили на вокзале! Обокрали! Мало того, что пришлось ночевать под открытым небом в этом проклятом Святой Ненавистью парке, так ещё и какой-то молокосос обращается со мной как с последней бомжихой! – её голос сорвался на истерический крик: – Немедленно отведи меня в резиденцию виконта Горколиуса! Немедленно отведи к этому тупому склерозному пни!

Фикару надоело слушать истерику странной дамочки, и он брызнул ей в лицо порядочную порцию слезоточивого газа.

– Уходи отсюда! – завопила дико трущая глаза Миррил. – Беги прочь! Беги! Спасай свою никчемную жизнь!

В ответ Фикар только звонко рассмеялся.

И зря...

Одежда девушки разорвалась под растущим, бугрящимся телом. Тело задрожало, подобно громадному студню. Заросло шерстью. Слизкие щупальца вырвались из живота и раскрытого в крике рта. Выползли белёсыми червями из ушей и глазниц...

...Кровь...

...Вкусная кровь...

...Плоть...

...Тёплая плоть...

...Страх...

...Сладкий страх...

– ЧУДОВИЩЕ! МОНСТР! – визжали жалкие людишки.

Миррил вернулась в себя и ужаснулась: она была загнана в тупик тесного переулка. Прячущиеся за широкими плексигласовыми щитами полицейские боязливо подступали к ней.

Она была нага. Рядом лежало изувеченное тело Фикара. Недолго думая, Миррил отстегнула ручной болтострел от ремня, чудом оставшегося на изодранной плоти. Рукоять холодила руку – значит, сжатый газ в баллоне есть, стрелять можно.

– Убирайтесь все отсюда! – завизжала Миррил. – Идите прочь! Я не хочу вашей смерти!

В подтверждение серьёзности намерений, она выстрелила в толпу патрульных. С сухим хлопком из ствола вылетел болт и увяз в плексигласе щита.

Но какой-то там болт, пусть и смертоносный, не напугает полицейских после того, что им пришлось повидать за последний час. Вырвавшееся из магических недр чудовище Миррил хорошо потрудилось над этим…

– Брось ствол, пещатня! – пробасил командир полицейских – пухлый низкорослый фарк по имени Трипарон.

– Захлебнитесь в гневе Святой Ненависти! – ответствовала преступница и выстрелила ещё раз.

И опять на пути смертоносной развязки стал плексиглас.

Медленно, но верно, стенка патрульных приближалась к Миррил. Закрывшись щитами, держа резиновые дубинки наготове.

– Умирать, так красиво! – завизжала магиня и принялась разряжать обойму в надвигающихся блюстителей правопорядка.

«Почему они не стреляют в ответ?» – кровавой молнией блеснуло в голове магини. Но больше размышлять не пришлось: полицейский с торчащим из щита болтом выбил дубинкой болтострел. Больно, Святая Ненависть всё испепели! А после набросился на девушку, как бульдог на кошку.

Что может сделать хрупкая женщина со здоровенным детиной? Нет, мозги тут не пополощешь… Обращение, как и всегда, осушило магические силы до последней капли – этим тоже не спастись. Патрульный с лёгкостью скрутил Миррил, заковал в наручники. Остальные налетели следом, что стая голодных стервятников, придавив девушку тяжестью своих потных тел. И без того измученная, магиня потеряла сознание.

– Вставай, грязная ябранка! – раскроил пелену сна раздражённый голос. За голосом последовал толчок в спину. Миррил испуганно подскочила с постели. Кругом никого: широкая, освещаемая электрическим светом комната без окон и дверей, шкура медведона на полу, высокий ореховый шкаф в дальнем углу и шёлковые gobelены с изображениями редких птиц на стенах.

Приснилось, что ли?

Нет, было бы наивно полагать, что приснилось и *Обращение*. Такие вещи не могут присниться. Вернее, даже если они снятся, то происходят на самом деле.

Ей приснился лишь раздражённый голос и толчок.

Миррил с удивлением обнаружила, что одета в домашнее платье; просторное и уютное, из атласной ткани, ласкающей тело. Гудела голова. Ныли следы от наручников на запястьях, на правой руке напухла продолговатая гематома – от удара резиновой дубинкой.

Сон медленно проходил, возвращалось осознание действительности: чудовище вырвалось из магических недр. Скольких жителей Мистора оно успело обезглавить или разорвать на части? Оставалось только с ужасом гадать…

Неприятные мысли спугнули, что стаю трусливых рыбёшек, возникший из воздуха – прямо на шкуре медведона – йорк.

– Хм, – хмыкнула Миррил с любопытством разглядывая шкуру, – и много бессонных лет колдовства ты потратил на эту безделушку?

– Не так уж и много, – йорк ответствовал басом, несуразным для себе подобных коротышек, – ведь мне помогали мои ученики… Разрешите представиться, я…

– Виконт Карманаан Пиркон Горколиус Восемнадцатый Великолепный? – перебила его магиня.

– Имею честь вам служить, мадам… – ответствовал приосанившийся йорк, но даже так он приходился по колено среднему человеку. – Первым делом, я хочу принести свои извинения за досадное недоразумение…

– ДОСАДНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ? – переспросила Миррил, потирая запястья. – Из-за этого «досадного недоразумения» поплатились жизнью граждане вашего тупого города!

– Да, да, я понимаю… – развёл щупальцами Горколиус и почесал пунцовую голову, излишне бугристую для йорков. – Этот вопрос я взял на себя… Всем семьям пострадавших будет выплачена достойная компенсация. С вас, как с лица дипломатически неприкосновенного, снимаются все обвинения…

– Да ты, жалкий членистоногий коротышка, так просто говоришь о чудовищных вещах! – голубые, что аквамарины, глаза магини сверкнули яростью. – *Достойная компенсация!* Да ведь они мертвы! Мертвы! Ты слышишь, лилипут паршивый?! Горят в вечном загробном костре! Их ничто не воскресит! И всё из-за тебя! Из-за тебя, лысая ты мерзость!

Миррил разрыдалась.

Подождав, пока собеседница успокоится, Горколиус продолжил учтивую беседу:

– Да, возникло небольшое недоразумение. Но совершенно не по моей вине. Паж, посланный вас встретить, не справился с управлением паровой машины и разбился. Сейчас он лежит в больнице с оторванной рукой… Никогда не доверял я этим паровым машинам, если спросите меня. Ни флаерам, ни наземным. Нет ничего надёжнее старых добрых лошадей, запряжённых в двуколку! Ну, или пони, если такому *лилипуту паршивому* как я верхом ехать…

Миррил молча вытерла слёзы с покрасневших щёк.

– И вообще, разлюбезнейшая Миррил, – продолжал йорк, – не тебе меня судить за pragматичные взгляды на жизнь. Нашему Ордену прекрасно известно, сколько смертей на твоём кровавом счету. Ты совсем не умеешь контролировать магический дар! Ты не достойна быть одной из Избранных… Собственно, поэтому ты и здесь…

Глаза магини округлились, по спине пробежали мурашки, а сердце стянуло ледяными тисками.

– Да, думаю, ты всё поняла правильно, пещатня волосатая, – зловеще подытожил Горколиус, – мне выпал жребий лишить тебя дара…

Миррил издала воинственный клич, мгновенно заглянув внутрь себя: магические силы восстановились примерно на десятую долю. Но и этого хватило, чтобы обволочь себя защитной магической пеленой и выпустить из рук поток ледяных змей. Но всё это было напрасно: Горколиус попросту растворился в воздухе. Магиня совсем и забыла, что он стоял на заряженной магией шкуре медведона. Знающий заклинание способен

перемещаться в любую точку планеты, лишь бы там был – подобно шкуре – заряженный магией предмет.

Змеи какое-то время бесцельно ползали по шкуре, пока не рассыпались на сотни ледяных осколков.

Положение более чем критическое: магических сил больше ни на что не хватало. Бежать некуда – ни окон, ни дверей. Раздобыть оружие? Но какое? В отчаянии магиня попыталась оторвать ножку кровати, но та даже и не скрипнула.

Воздух над шкурой сгустился. В комнате появился Горколиус. Только на этот раз он был облачён не в домашний багровый халат с вышитой золотом эмблемой восьми змей, пожирающих хвосты друг у друга – символом Ордена Восьми Старейшин. Сейчас на нём была чёрная мантия с накинутым на голову капюшоном – церемониальное одеяние палачей Ордена.

Сопротивляться бесполезно. Пусть палач ростом не намного выше колена своей жертвы, но его магия молниеносно сковала девушку, развеяв защитную пелену.

Горколиус вынул золотой жезл с изумрудной головой льва в качестве набалдашника. Шепча проклятие на неизвестном Миррил языке, палач медленно приближал жезл к жертве. Изумрудный лев открыл глаза и зарычал, грифа его угрожающе вздыбилась. Прокусив атлас платья, холодные клыки впились в живот Миррил. Боль? Нет, не физическая. Гораздо хуже – боль душевная. Магиня ощутила себя графином с вином, к которому жадно присосался пьяница. Глоток за глотком, и ей всё меньше, глоток за глотком, и пустота всё больше, глоток за глотком, и остаётся от тебя только оболочка. Пустая, никому не нужная. Скорлупа...

Лев постепенно переливался оттенками красного, пока не превратился в рубин. Дело сделано – магические силы перетекли в жезл. Там они и останутся до тех пор, пока Совет Ордена не подберёт новую кандидатуру на роль одного из Избранных.

Миррил без сознания повалилась на пол.

Очнулась магиня уже на вокзале. В кармане неясно откуда взявшейся походной куртки она нашла билет на скорый локомотив в родной город Видрин. Магиня? Нет. Теперь-то Миррил была простой смертной. Нет сомнений, что эхо смертей горожан Мистора ещё даст о себе знать. Так случалось и раньше: обозлённые родственники оплачивали наёмных убийц или шли мстить сами. Но раньше Миррил могла защищаться при помощи магии. А сейчас...

Да, сейчас она одна. Нет никого, кто заступится.

Нет старины Сика...

До прибытия локомотива оставалось чуть больше часа. За это время мало ли что произойти может. Но куда деваться? От судьбы не сбежишь. Остаётся только ждать её появления, положив голову на плаху своих злодеяний.

Или всё же попытаться противостоять?..

Миррил выбрала пустующую скамью на перроне. Присела, потупив взгляд, задела рукой книжку, забытую на скамье каким-то невнимательным пассажиром. Или наоборот, оставленную там специально – так бывает, если книжка настолько убога содержанием, что вы хотите от неё избавиться как можно скорее, но выбрасывать в мусорное ведро как-то не с руки, а вот «случайно забыть» – всегда пожалуйста.

Книга оказалась сборником стихов некоего Барона Отрицательного. Многозначительное название «Вы все пары мой сосать будете» не вызвало у Миррил

никаких эмоций. Да и откуда взяться этим эмоциям, после всего, что с ней сегодня произошло? С обратной стороны обложки со средненького качества цветной фотографии на Миррил смотрел отталкивающего вида мужчина в затасканном камзоле. Ничего примечательного, если не брать в расчёт глаз. Они были цвета аметиста. У людей не бывает таких зрачков. Должно быть, попутали краску в типографии. Это бывает.

Миррил открыла на произвольной странице и прочла:

*Ты со мной нежна, моя богиня,
Я ж с тобою буду грубым волком,
Ты теперь моя всегда, отныне,
Не сбежать тебе, моя красотка...*

Миррил захлопнула книгу и отправила её в мусорное ведро. Бездарная дрянь, а не стихи. И рифмы никакой. К тому же, «богиня» вначале прочиталась как «магиня»...

Прибыл скорый локомотив на Видрин. Миррил поднялась по самовыдвигающемуся трапу и без особого удивления обнаружила, что в вагоне кроме неё больше никого нет. Не было даже вездесущего кондуктора.

Стая унылых мыслей проносились в голове: вся привычная жизнь была разрушена. Кто Миррил без магии? Ноль без палочки. И этому нулю нужно научиться жить заново. И при этом расхлёбывать ошибки прошлого, трупами случайных жертв стелящиеся по покрывалу совести.

— Я справлюсь... — обречённо вздохнула Миррил.

Издав истощный свист, Локомотив тронулся.

Глава 2: *Беды только начинаются*

Скорый локомотив ехал медленно. Даже мучительно медленно, как казалось Миррил. Не превышая средней для монорельсового транспорта скорости в пятнадцать фирм (*прим. автора: фирма – единица измерения скорости наземного транспорта, равная пяти милям в час*), состав продвигался от перрона к перрону. Даже пятиминутная остановка казалась Миррил задержкой длиною в вечность. Ведь это время оттягивало встречу бывшей магини с её родным городом Видрин.

Родным городом...

Во время очередной остановки на безликом пригородном перроне, Миррил нервно поглядела в окно. То, что она увидела, вызвало жалость, стыд и душевную боль.

Разношёрстная толпа, состоящая из людей, бринов, ифров и жупатов, избивала молодого йорка. Разумеется, избивали они его за дело – в этом сомнений быть не могло. Йорки часто промышляют воровством, пользуясь своим низким ростом и невероятной ловкостью щупальцев. Но как толпа избивала его – в голове Миррил не укладывалось! Дикая звериная жестокость искривляла лица, глаза искрились ненавистью и злобой. В ход шли сапоги, кулаки, клешни, металлические прутья, деревянные палицы, камни, кирпичи, трости и даже один зонтик. Неудачливый воришко корчился от невыносимой боли, а полицейские стояли рядом и злорадно наблюдали за самосудом.

Локомотив тронулся с места, оставляя позади живописную картину избиения. С каждой секундой он набирал скорость, и с каждой секундой настроение Миррил портилось всё больше. Хотя, казалось, куда уже хуже?

Звери! Мы все – только жестокие звери!

Бывшей магине было наплевать: останется тот йорк жив или издохнет на перроне от многочисленных травм, словно битая собака. Если и умрёт, то полицейские по своему обыкновению не накажут убийц – спишут всё на несчастный случай или что-то в этом духе. Вообще с ворами в Чикроге не церемонятся...

Но та неистовая лють, с которой на йорка накинулись незатронутые его злодеянием люди – ведь не мог он одновременно обворовать каждого – выходила за рамки здравого смысла.

А может быть, поэтому кровожадное чудовище так часто вырывалось из магических недр Миррил? Девушка и раньше отмечала приступающую, что зловонный нарост, общую для всех рас ничтожную сущность. Но справедливости ради, она не ставила себя выше других, вполне даже осознавая и свою ничтожность. Нет, не то, чтобы ничтожность... Ведь нельзя про себя так говорить, верно? Мы все самые уникальные, самые умные, самые образованные и справедливые. Мы никогда не поддаёмся вкрадчивым шёпотам зависти и лени, никогда не идём на поводу наших похотливых инстинктов. Мы ведь идеальны? Ну правда же?

От противоречивости, от лжи, гнойными оспинами покрывшей душу, от притворства и обмана – хотелось бежать. Хотелось бежать, и как можно дальше. Постоянное чувство недовольства собой липко и приторно заполняло всё внутри, давило, щемило, кололо. От него нельзя было избавиться. Нет, почему же нельзя? В те благодатные минуты хаоса и зла, когда чудище прорывало плоть и выплёскивалось наружу – тогда-то всё становилось на свои места. На душе делалось легко и свободно. Убивая, чудовище очищалось, сбрасывало с плеч Миррил невыносимый груз.

Неужели это конец? Неужели Миррил больше никогда не сможет очистить душу от терзаний? Неужели ей придётся до конца своих дней прогибаться под тяжестью своей ничтожности?

Без магических сил Миррил – никто...

Нет, конечно же, был шанс остаться чем-то большим, чем простой человек. Был замечен побочный эффект у некоторых лишённых магии – в них просыпался дар видеть будущее. Но это случалось настолько редко, что надеяться на подобное то же самое, что надеяться на судьбу в зуруской rulette, когда все семь пустых пуль отстреляны и остаётся лишь одна – боевая, и ствол направлен на тебя, и только осечка может спасти твою жизнь... Но всё-таки это случалось. Были люди, способные видеть будущее всегда и везде, по одному лишь желанию, по малейшей прихоти: одни могли видеть только своё будущее, другие – только чужое, третья видели всё без разбора. А были и такие, чьему сознанию открывалась лишь крошечная частичка будущего, а то и лишь размытый островок возможного... В общем, всякое бывало... Такие бредни любил рассказывать старина Сик теми далёкими и прекрасными вечерами у домашнего камина. Ох, как бы Миррил хотела вновь вернуться в то беззаботное и прекрасное время...

Мощное, невыносимое желание залить душевые терзания чем-то невероятно крепко-алкогольным разгорелось в ней, будто сухой хворост от непотушенной сигаретты. Девушка поднялась с опостылевшего места и направилась в конец вагона. Но дверь в соседний тамбур была заперта. Чувство клаустрофобии прорвалось наружу, смывая всё на своём пути. Заперта в этом вагоне, Святые Уродцы всё изрежь, одна, законсервированная в нём, что большая гнойной проказой нищенка! Еле сдерживая подступавшие слёзы отчаяния, Миррил прошла в другой конец вагона. Самые страшные опасения оправдались – и там дверь заперта.

Подавленная и разбитая, бывшая магиня рухнула на койку, выплакалась и, когда сил и слёз больше не осталось, провалилась в сон.

Сны? Разве в них есть смысл? Разве что-то могло означать зашедшее солнце и сменивший его беспросветный мрак? И лишь крошечная звезда, смутно-проступавшая сквозь чернь, словно стыдившаяся своей наготы девственница...

Проснулась Миррил от неприятного чувства, что за ней кто-то наблюдает. С ужасом она поняла, что это чувство не ложное. Её глаза округлились.

На койке напротив сидел долговязый мужчина, одетый в бордовый кожаный плащ и чёрные кожаные штаны. Его некрасивое лицо было вытянутым и неправильным. Половина левого уха отсутствовала, серые, отдающие вечным холодом, низко-посаженные глаза, тонкий и длинный нос с торчащими из громадных ноздрей чёрными волосками, лысая голова с пигментными пятнами и прыщами на белой, что мел, коже, и скрюченные в нелепой ухмылке бледные тонкие губы. Было в этом человеке что-то от змеи – холодное и отвращающее. Не нужно особо разбираться в оружии, чтобы угадать под кожей плаща рубленные очертания болтострела с правого бока, чуть выше пояса, и выпирающий эфес с левого.

Миррил испуганно глядела на попутчика, а тот пронизывающе глядел на неё. Подавив девушку взглядом, человек заговорил:

– Прекрасная нынче погода в Мисторе, вы не находите? Особенно ночи...

Миррил молчала. Её тряслось.

– Вам привет от Ордена, – хриплый голос незнакомца звучал тихо и зловеще. – Как вы поживаете?

«Подлый низкорослый ублюдок Горколиус! – пронеслось в голове Миррил. – Зачем тебе понадобилось устраивать весь этот цирк с локомотивом? Не хотел пачкать моей кровью свои покои? Какая же ты всё-таки мелочная мразь! Лучше б это тебя на перроне забила толпа!»

– Я спросил, как вы поживаете? – вырвал из мрачных раздумий одноухий мужчина.

– Какое тебе дело, палач? – рявкнула в ответ Миррил и её сердце сжало ледяные тиски: до того её голос звучал обречённо...

– Палач? – бледные тонкие губы попутчика скривились в отвратительной улыбке. – Что ж... меня можно и так называть... но это не моя основная работа...

– Ах да! – на глаза затравленной девушки выступили слёзы; она мрачно забубнила себе под нос: – Не основная. В свободное от убийств беззащитных женщин время ты занимаешься с оравой детишек вырезанием деревянных бычков и лошадок лазерным лобзиком, будь ты проклят. Или преподаёшь искусство сакранской рифмы в школе для умственно-отсталых бринов... – Она осеклась, а после коротких раздумий прорычала: – Как же я тебя ненавижу, безжалостный ты одноухий урод!

Локомотив ехал не спеша, тихо покачиваясь и перестукиваясь колёсами в месте стыков монорельса. В окне мелькали пожелтевшие деревья.

Всё это время придуроватая улыбка не сходила с лица мужчины. Он заговорил лишь когда Миррил выплакалась и подняла на него глаза, полные страха и душевной боли:

– Ты очень импульсивная и неуравновешенная девушка – Марконий предупреждал об этом. Но чтобы *настолько неуравновешенная* – я и не подозревал. Бьюсь об заклад, я был бы уже давно мёртв, не отбери они у тебя магическую силу...

«Марконий? Это тот, который Один из Восьми, граф Марконий Трипар Виктос? Он-то тут при чём? Ах да, ты ведь просто издеваешься надо мной! – мысленно давилась горькой правдой Миррил. – Играешься со своей жертвой, что кошарок с крысой? Тебе доставляет это удовольствие, долговязый ты гад? Ну, давай же, убей меня, хватит мучить! Покончи со мной и сделай очередную зарубку на своём эфесе! Чего ты ждёшь?»

– Теперь я полностью понимаю и одобряю всю суровость твоего наказания, – лицо собеседника стало серьёзным и напряжённым, от улыбки не осталось и следа. – Лишить тебя магического дара было необходимостью. Ради твоего же блага.

– Ну давай! – не выдержала Миррил. – Хватит! Отрежь мне голову, вспори живот, прошай десятком-другим болтов – как ты там привык это делать?!

– Да успокойся ты, истеричка! – прорычал долговязый человек и влепил бывшей магине хорошую пощёчину.

Сработало. Миррил затахла и поглядела на мужчину то ли со страхом, то ли с ненавистью, то ли с уважением, потирая покрасневшую щёку.

– Если бы тебя хотели убить, то, поверь мне, в этом поезде ты бы не ехала, – процидил он сквозь зубы, – а если бы и ехала, то давно уже трупом...

Лицо Миррил застыло в гримасе презрения.

– И не смотри на меня таким взглядом, – человек отвернулся к окну, в котором виднелось засеянное желтеющим рапсом поле. – На своих телохранителей так нельзя смотреть...

В тот миг в Миррил что-то умерло и вновь родилось.

– Да, дорогая Миррил, граф Марконий нанял меня в качестве твоей охраны, – говорил одноухий, вновь пронзая собеседницу льдом глаз. – Обладая магическими силами, ты успела наломать немало дров. Было бы глупо и опасно полагать, что в твоём родном городке тебя встретят с распростёртыми объятьями. Твои заслуги перед Орденом Восьми Старейшин никто не списывал со счёта: ты верно служила ему, выполняла законы, трудилась во благо и прочая чушь. Поэтому-то меня и наняли присматривать за твоей аппетитной задницей, – он улыбнулся, и его улыбка показалась бывшей магине не такой уж отталкивающей, как прежде.

– У тебя не будет сигаротты? – после напряжённой паузы спросила Миррил.

– Курить вредно, – пожал плечами человек, достал из внутреннего кармана плаща округлую пачку и протянул её собеседнице, откинув в сторону крышку доведённым до совершенства движением большого пальца.

Миррил без колебаний взяла сигаротту и, облизнув пересохшие губы, поднесла её конусообразный конец ко рту. Дрожь в руках она старалась скрыть напускной вальяжностью, но от пронизывающего взгляда мужчины что-либо скрыть было весьма затруднительно.

– Огня? – невозмутимо спросил он всё тем же тихим хрипящим голосом.

– Нет, спасибо, я сама, – отмахнулась Миррил и по привычке щёлкнула пальцами. И тут же отчаяние вновь овладело ей – магический огонь не вспыхнул на кончике пальца. Ведь Горколиус отобрал у неё этот дар, будь он проклят Святой Ненавистью...

Мужчина без слов поднёс к широкому концу сигаротты электрическую зажигалку. Сухой треск выключателя: электрический ток прошёлся по тонкой металлической спирали, в несколько секунд разогрев её до бела.

Миррил сделала неумелую тягу и закашлялась – последний раз она курила лет пять назад.

— Глупая это привычка... — сказал собеседник.

— Хех, — попыталась ухмыльнуться Миррил, но получилось это, по меньшей мере, жалко. — Если так не любишь курево, чего с собой его носишь? — бывшая магиня затянулась, подержала отраву в лёгких и выдохнула. Её глаза заслезились от густого сизого дыма. — Да ещё и такие крепкие...

— Это долгая история, Миррил, — говорил незнакомец, не отводя пронизывающего, как шило, взгляда от девушки, — может быть, когда-то я тебе её и расскажу... Но не сейчас. Мы с тобой ещё не так близки...

— Так ты меня всё-таки не убьешь? — Миррил сама поразилась своей инфантильности.

— Меня зовут Дирок Мистафиус, — сделав вид, что не рассышал глупый вопрос, представился долговязый мужчина.

— Очень приятно, — покривила душой Миррил, которая к незнакомцу не испытывала ничего кроме слегка осевшего страха и животной неприязни. — Моё имя тебе известно.

«Как у меня хватило смелости попросить у него сигаретту?» — с ужасом подумала она и потушила окурок о гладкую металлическую поверхность выдвижного столика.

— Граф Марконий Трипар Виктос заплатил за твою охрану, — сказал Дирок. — И весьма-весьма неплохо заплатил... В течение года я не имею права отойти от тебя и на шаг. И первым делом, что я должен сделать — стащить тебя с локомотива на следующей остановке. Тебе никогда уже не побывать в своём родном Видрине...

— *Что?!?* — глаза Миррил округлились, а полураскрытый рот скривился, словно девушка только что проглотила что-то невероятно тягучее и отвратительное. — *Что ты сказал?*

— Я не собираюсь с тобой тут спорить — у меня прямой приказ охранять твою жизнь, — Дирок говорил монотонно, бесцветно, словно уставший судья, выносивший приговор по опостылевшему ему делу. — Вести о твоей потере магических способностей распространяются по свету быстрее, чем ты можешь себе это представить. На вокзале Видрина уже собралась толпа жаждущих голыми руками покопаться в твоих кишках, пока ты будешь ещё жива... Мне, если честно, наплевать на тебя — пусть вершат самосуд, если ты этого заслуживаешь, — его глаза кровожадно блеснули, — но у меня контракт, понимаешь?

Миррил парализовало от накатившей злости. Проступившие вены на лбу вздулись и стали похожи на дождевых червей, готовых вот-вот разорваться. Вцепившиеся в край койки пальцы побелели.

— Ты должна запомнить раз и навсегда: я не собираюсь с тобой панькаться, истеричка, — всё продолжал монотонно уничтожать Миррил Дирок. — Целый год я буду беречь тебя, но это не значит, что я получу от этого хоть какое-то удовольствие... Ты мне неприятна. Нет, ничего личного, я просто не люблю магических зазнаек. Вы все — слишком большого мнения о себе. Вы слишком переоцениваете свою роль в этом мире... — Дирок осёкся. — Впрочем, к делу это не относится. Этот год, если нам повезёт, конечно... этот год ты будешь подчиняться моим указаниям — ради спасения своей же аппетитной задницы.

Миррил наконец-то вышла из оцепенения:

— Что? Как! Да что вы там с этим дебильным графом навыдумывали? Да никогда! Я не собираюсь тебя слушать! Я...

Дирок Мистафилиус так больно схватил предплечье Миррил длинными и тонкими, но невероятно сильными пальцами, что девушка аж вскрикнула и тут же замолчала.

— Ты что, не поняла ещё, дура? — прорычал одноухий. — На тебя объявлена охота...

Глава 3: *Две стороны одной медали*

Ночь была тёмной, словно боги вылили на звёзды чудовищный чан дёгтя. Мрак растекался по небу зловещей кляксой, и только изредка в её просветы поглядывали бледно-красные огоньки звёзд и зелёные точки искусственных спутников. Пунцовый семиугольник луны проплывал над Мистором только тринадцать дней в году — когда это случалось, те жители столицы, в душах которых осталась хоть капля романтичности, не могли оторвать свои зачарованные взгляды от неба. Но сейчас луну из-за её сложной орбиты разглядеть мисторцам не удалось бы при всём желании, не будь даже на небе ни одного крохотного облачка.

Мор любил мрак.

Там, внизу, город горел мириадами газоразрядных и магических ламп. Суeta, не прекращающаяся ни на секунду. Мистор всегда напоминал Мору лишённый матки пчелиный улей — хаотичное движение, без каких-либо видимых целей и необходимостей. Шумное, глупое и бесплодное место.

Как всё-таки Мор ненавидел пчёл...

Он был выше этого. Он парил над городской суетой, ловил воздушные потоки углепластиковыми крыльями; нажатиями на кнопки рычагов управления, он подавал магоний на нужные сопла — то поднимался вверх, то стремительно пикировал к земле.

Мор никогда не одевал защитный шлем или очки. Ему нравилось, как ветер хлещет его по лицу, как воздушные насекомые бьются об его кожу, царапают, погибают, растекаясь зеленоватым месивом хитина и внутренностей по щекам. Ему нравилось, как слезятся глаза. Не редки случаи, когда то или иное насекомое попадало ему в глаз, вызывая жуткую боль и кровоподтёки. Но Мор и не думал одевать защиту.

Он любил боль.

Всё чётче виднелась цель полёта — пирамидальный небоскрёб, высокомерно возвышающийся над крохотными по сравнению с ним зданиями. Горящий синими, белыми и жёлтыми огнями подсветки, небоскрёб рос, превращаясь из игрушечной продолговатой пирамидки в исполинское строение со своими окнами, балконами, люками и трубами, тысячами всевозможных червей-паразитов ползущими по стенам. Из многочисленных патрубков время от времени выплёывался зеленоватый дым, зловеще светящийся в темноте. В свете ламп здания то и дело мелькали паровые флаеры, с оглушающим шипением извергающие клубы пара из дюз.

«Неповоротливые воздушные уродцы, Орден мог бы позволить себе что-то и посолидней...» — с презрительной ухмылкой на испещрённых шрамами от собственных укусов губах подумалось Мору.

Мор пошёл на снижение. В одном из верхних ярусов небоскрёба на посадочной площадке его дожидался заказчик, посыпая световые сигналы.

Металлические подошвы лязгнули о металл. Крылья за спиной Мора сложились, он отстегнул тугие ремни. Сладкая боль растекалась по телу — дорога была довольно сложная и ремни успели хорошо надавить и натереть.

Облачённый в чёрную мантию йорк отложил в сторону сигнальный фонарь. Его голова была скрыта капюшоном и виднелась лишь часть лица ниже носовых отверстий. Безгубый рот открылся и из него потекли слова, рождающиеся где-то в горле:

– Ты прибыл вовремя, экзекутор... – в темноте под грубой материей капюшона блеснули жёлтые огни пытливых глаз. – А ты не такой, как я себе представлял...

Мор презрительно поглядел на собеседника и, нарочито медленно отстёгивая заклёпки, сбросил с плеч плащ. Жилет был увшан метательными звёздами и ножами, по бокам чернели воронёной смертью кинжалы. Мор вынул кинжал из прозрачных плексигласовых ножен. Холод чёрной, что антрацит, стали внушил трепет даже великому боевому магу. Кинжал весь был чёрным – от начала рукояти до кончика острия, способного легко и спокойно войти в плоть жертвы, словно непрошенный гость в распахнутую дверь...

Мор закатил рукав сорочки свободной от кинжала руки и провёл лезвием вдоль вен чуть ниже запястья. Плоть разошлась, словно треснувшая по шву ткань. Багряное мясо в мёртвом свете газоразрядных ламп казалось чем-то нереальным, неестественным... из надорванных вен пульсировала густая зелёная жижа; она медленно заливала руку и жирными блестящими на свету каплями разбивалась о металлический пол.

– При жизни Проклятый... – пробасил йорк и в его голосе странным образом переплелись восторг и страх.

Ни один мускул на грязном от остатков насекомых бледном вытянутом лице экзекутора не дрогнул, словно его раскрывшаяся рана была лишь крохотным порезом. Но вскоре лицо его изменилось – расплылось в тошнотворной улыбке удовольствия и счастья.

«Если этому уроду собственная боль причиняет такую радость, то сколько наслаждения ему приносят чужие страдания?» – страшной мыслью пронеслось в голове Горколиуса.

Рана заживала на глазах. Разрезанные ткани, сухожилья и вены срастались, зелёная жижа крови затвердевала, оставляя после себя уродливые бурье струпья. Вскоре струпья отпали. На запястье остался отвратительный шрам – один из сотен...

– Внешность обманчива... – совладав с собой, заключил Горколиус. – Но кому, как ни мне, йорку, это знать?

Тяжёлый взгляд экзекутора застопорился на собеседнике, от чего тот вздрогнул, хоть всячески пытался держаться уверенно и твёрдо.

– Я вижу, ты не любишь лишних разговоров, – уняв предательскую дрожь, сказал Горколиус. – В общем, её зовут Миррил, – делая невероятные усилия над собой, он подошёл к Проклятому и протянул голопроектор. – Она...

Мор сделал жест рукой, взывающий к молчанию, и принял из щупальца Горколиуса голопроектор – небольшой блин из сероватого металла и пластика. Тонкие, но крепкие пальцы скользнули по панели управления и вызвали записанный на мягком диске прибора графический образ.

На блине голопроектора, словно на постаменте, возникла фигурка стройной девушки; глазами цвета штормовой волны Бесконечного Океана она глядела на экзекутора. На того, чьей жестокой руке предстоит оборвать хрупкую нить её жизни. Мор глядел в ответ, предвкушая столь знакомую сладость умерщвления женского тела.

– Она много лет позорила наш Орден своей необузданной импульсивностью, – подождав, пока Мор налюбуется будущей жертвой, заговорил Горколиус. – За время

обладания магическим даром она сотни раз позволяла ему выходить из-под контроля. При этом страдали и умирали многие невинные люди – любых рас и верований... Но это не так страшно... Страшно то, что за положенный для адептов срок Миррил так и не смогла обуздеть свой магический дар. И нам пришлось пойти на решительный шаг – отобрать его... – поднявшийся ветер трепал края капюшона, закрывая обзор, и виконт снял этот треклятый капюшон, обнажив пунцовую лысую голову. Заметив, что собеседник слушает невнимательно, Горколиус переменил тактику разговора: – Я не стану погружаться в громоздкие детали интриг нашего Ордена Восьми Старейшин – тебе это попросту будет неинтересно... Важно то, что моя пожизненная заноза в мозгу – граф Марконий, этот родак фарлинский, мулёк кобковый! – вообще хотел эту девку отпустить с простым выговором. Когда я всё переиграл, он не остановился. Мои шпионы донесли мне, что Марконий нанял телохранителя, который будет на протяжении года защищать Миррил ценой своей жизни. Как говорят, телохранитель с известным именем, хотя несколько последних заказчиков им не были полностью довольны. Что-то связанное с излишней любовью к спиртным напиткам или чем-то в этом духе. Но в любом случае, я бы на твоём месте не расслаблялся, он может стать серьёзной преградой. Его зовут Дирок Миста...

Мор сделал пренебрежительный жест, и его тонкие, испещрённые шрамами губы скривились в насмешливой улыбке. На общепринятом языке жестов он показал:

Меня. Нельзя. Остановить.

Горколиуса прошиб ледяной пот, хоть йорки в меру своей анатомии потеют очень редко... это атавизм, доставшийся от предков и проявляющийся лишь в минуты безудержного и животного страха.

Жертва.

Дрожащим щупальцем виконт вытянул из-под плаща нагрудную сумку и протянул её Мору:

– Здесь вся затребованная сумма, – выдавил он из себя, – и жетон на пожизненный запас магония... – он перевёл дух. – Также карта с маршрутом локомотива в Видрин, на котором ехала заказанная с её телохранителем. Сойти они могли на любой станции, но я бы начал поиск...

Мор выхватил сумку и вновь остановил волнительный поток слов Горколиуса характерным движением руки. Пересчитал деньги. Выбросил карту, тут же подхваченную ветром и жадно унесённую прохладным потоком в гущу ночного города.

Накинув плащ, облачившись в углепластиковые крылья, Мор спрыгнул в ночь. И, как подхваченную карту, ветер подхватил и его.

Экзекутор вышел на охоту.

Йорк следил за быстро отдаляющейся точкой Мора до тех пор, пока она не растворилась в черноте ночного неба. Следил и ненавидел себя за тот необъяснимый и неконтролируемый страх, который ему довелось испытать. Да чтобы сам виконт Карманаран Пиркон Горколиус Восемнадцатый Великолепный – великий боевой маг, на чьём счету не один десяток смертей достойных соперников и ещё больше смертей недостойных – испугался какого-то там экзекутора?! При жизни Проклятого?! Смешно!

Но вот почему-то не хотелось смеяться...

Меня. Нельзя. Остановить. – Пронеслись зловещие жесты Мора в голове Горколиуса, и йорка вновь бросило в ледяной пот.

Глава 4: *Побег*

— Если мне суждено погибнуть в родном городе, то так тому и быть! — резко заявила Миррил. — И мне плевать на твой контракт с тем умалишённым граffом! Считай, что я его разрываю! Твои услуги мне не нужны!

Дирок не слушал её, задумчиво взглядываясь в окно.

— Я не просила меня спасать! — Миррил вся тряслась от нахлынувшей злости. — Это моя жизнь! Какое право имел Орден в неё так нагло встrevать? Да, они имели право отобрать магический дар — я не оправдала их доверия, — она сделала жадный глоток воздуха. — Святые Уродцы, как плохо без него! Я ведь совсем забыла как это — жить без магии... Но дальше лезть в мою жизнь они не имеют права! Жизнь мне даровали родители! И даже они никогда не имели право указывать мне место...

Миррил стало грустно и одиноко, как ещё никогда: она вспомнила о родителях. О том, с каким скандалом покинула убогую квартирку в полуразваленной пятиэтажке и отправилась на поиски лучшей жизни. Двенадцатилетний подросток, жаждущий получить всё и сразу... Гордость не позволяла вернуться обратно. Эх, глупая, никому не нужная гордость...

С тех пор с родителями она никогда большие не виделась...

Два чёрных, злых, голодных и унизительных месяца. Клоака Видрина поглотила Миррил. Ей пришлось жить на улице, копаться в мусорных баках, отлавливать для пропитания бродячих животных. Она никогда не воровала — это было ниже её морали, пусть и втоптанной в грязь бедных кварталов.

Но нелёгкая жизнь бродяжки оборвалась так же внезапно, как и началась: пожилой фарк заметил тощую человеческую девочку с поразительно голубыми глазами. Миррил была одета в лохмотья, в которые превратилась её когда-то чистая и аккуратная одежда; от неё разило немытым телом и помоями, светлые волосы потемнели и слиплись от грязи. Девочка копалась в мусорном баке. Трудно сказать, что именно побудило его забрать девочку с собой: жалость или вожделение...

Стоит ли говорить, что измученная недоеданием и вшами Миррил без раздумий пошла следом за солидным и хорошо одетым господином — стоило ему только поманить конфеткой?

Фарку было уже давно за восемьдесят. Для своих лет он неплохо сохранился: кожа ещё не начала терять упругость, а белое, что известно, лицо изредка посещал пунцовыи румянец, хотя волос на его разжиревшем теле практически не оставалось — первый признак старения фарков.

Сик — так звали благодетеля Миррил — спас её от верной голодной смерти, или куда хуже — от неизбежности проституции...

Он помог Миррил вернуть своё почти до остатка растерянное достоинство, но самое главное — он, будучи архимагом Ордена Восьми Старейшин видринского крыла, передал девушке свой магический дар. Конечно, произошло это не сразу. Два года Миррил жила в его доме, даже не подозревая, какую громаднейшую и двойственную роль Сику суждено сыграть в её жизни.

Часто девочка ловила на себе озадаченный, полный какого-то необузданного желания взгляд. Сейчас-то она прекрасно понимает, чего хотели глаза Сика, и уж тем более, чего хотело его тело... Но тогда... она просто удивлённо смотрела в ответ, ещё

сильнее разжигая этим в старице похоть. Но ни разу – НИ РАЗУ! – Сик не посягнул на девственность Миррил.

Остаётся только гадать, зачем архимаг выбрал своей преемницей нервную и импульсивную девочку, к тому же совершенно непригодную для изучения большинства наук, без которых дальше адепта в Ордене не продвинешься по иерархической лестнице.

Но выбор был сделан и не нам его осуждать.

Прошло чуть больше двух лет, как Миррил переселилась с помойки в уютный пригородный домик старого фарка. Сик подошёл к ней и поставил перед фактом: «Сегодня тебе, худышка, суждено стать магиней. Я уже стар и в любой момент могу рас проститься с душой. Мне нужно передать свой магический дар тебе, пока это ещё не поздно. И не думай возражать – всё равно другого пути нет...»

А через полгода он умер от тяжкой хвори, которую ему удавалось сдерживать при помощи собственной магии...

Молодая магиня Миррил была единственной на похоронах, если не считать двух пьяных гробокопателей. Орден Восьми Старейшин отдаёт почести только своим действующим членам. Коль передал магический дар, то ты уже не состоишь в Ордене...

В ящике рабочего стола Миррил нашла завещание. Сик передал всё движимое и недвижимое имущество, банковские счета (пусть и скромные, но всё же...) любимой «худышке».

Кроме Миррил у него никого не было.

Странно, добрые черты лица Сика отлично отбились в памяти Миррил тёплыми и цветными образами, а черты матери и отца были размытыми и серыми. Но самое странное, Миррил не испытывала от этого никаких угрызений совести или ещё каких-либо чувств...

– Нам выходить, – вырвал из грустных воспоминаний бесцветный голос Дирока.

– Я ведь сказала, что поеду в Видрин! – Миррил была вне себя от ярости.

Легко и непринуждённо, наёмник выписал бывшей магине уж слишком больную и унизительную пощёчину. Кровь вскипела в Миррил; издав нервный вопль, девушка набросилась на мучителя. Она хотела выцарапать ему глаза, хотела истоптать его в месиво, хотела избить, изничтожить, разорвать на мелкие кусочки и выбросить их в унитаз. Но из задуманного удалось выполнить всего ничего – расцарапать до крови правую щёку, чуть ниже глаза.

Дирок резко выбросил кулак вперёд, в солнечное сплетение девушки. Задыхаясь от нехватки воздуха и дикой боли, кипятком растёкшейся по груди, Миррил рухнула на койку. Её глаза помутнели от ненависти.

– Моли своих богов или кому ты там поклоняешься, чтобы нам удалось выбраться живыми с этой станции, – прошипел Дирок. – С видринской станции уж точно не уйти.

Что-то в Миррил сломилось. То ли это сказалась боль в солнечном сплетении, растекающаяся по телу, пульсирующая, непринуждённо-неизбежная боль... То ли виной всему слова наёмника – даже не сами слова, а та исполненная обречённости и рока интонация, с которой они были произнесены.

– Не смотри на меня такой волчицей, – попросил Дирок и вытер ладонью кровь с щеки. – Я ударил тебя лишь потому, что так было надо... На лучше, одень его, – наёмник достал из внутреннего кармана кожаного плаща что-то серое и бросил на койку Миррил.

– Что это ещё за дермо? – Миррил хоть и признала неизбежную власть телохранителя-мучителя, но от этого любезничать с ним не намеревалась.

– Это то, что может спасти твою соблазнительную задницу от смерти, – ответствовал Дирок Мистафиус и попытался выдавить из себя улыбку, но вышло что-то отталкивающее и злобное.

Миррил сделала над собой усилие и взяла серый предмет, который оказался лишь аккуратно сложенной в несколько раз сорочкой с коротким рукавом.

– Ты, должно быть, смеёшься надо мной? – вопросила Миррил, а сама мысленно улыбнулась: боль в солнечном сплетении почти перестала беспокоить.

Локомотив начал замедлять ход.

– Контрабанда из Республики Теней, – сказал Дирок и небрежно вытер вновь пропустившую из царапины кровь, глаза его заблестели: – Бронежилет новейшего поколения – используется только элитой штурмовой полиции РТ. Материал на ощупь как обычная синтетическая ткань, но его сверхпрочная потенциальная структура ничем не уступит бронежилету из кевлара. Ткань податливая и легко принимает форму тела, но стоит пуле, болту или стреле к ней прикоснуться, как ткань затвердевает, спасая тем самым жизнь тому, кто её носит. Правда, от лазера и плазмы она вряд ли чем-то сможет помочь… Да, и опытный боец легко может пронзить её клинком – стоит лишь правильно нанести удар, резко снизив скорость перед входом в плоть… Ну ладно, заговорился я. Через минут десять будет станция. Одевай быстрой жилет.

– И ты не отвернёшься, пока я буду надевать его? – спросила Миррил не так со злости, как с пытливости.

– У нас нет времени на тупые предрассудки! – отрезал Дирок.

Миррил фыркнула и нарочито небрежно сняла с себя походную куртку. Под курткой обнаружилось домашнее платье из атласа. В области живота на платье виднелись две дырочки, словно от укуса крошечного льва… Сбросив платье с тела, словно римбаранская змея старую шкуру, Миррил оголила упругие груди, плоский животик и… синяк, фиолетово-жёлтой кляксой растёкшийся по солнечному сплетению. Она специально не надевала бронежилет – чтобы этот женоненавистник телохранитель полюбовался на продукт своих длинных рук… Дирок поспешил отвлечь взгляд от синяка и то ли пристыжено (как показалось Миррил), то ли безразлично (как было на самом деле) принялся разглядывать пейзажи в окне.

Миррил была готова.

И вовремя – скорый локомотив подъезжал к станции городка Димарк.

– Значит так, я выйду из вагона первым, – говорил Дирок, проверяя свой болострел, – ты идёшь за мной. Держиесь как можно ближе. И без тупых глупостей – если побежишь, то плакала твоя аппетитная задница…

«Какой ведь он всё-таки уродливый! – думала Миррил, переводя пренебрежительный взгляд с обрубка левого уха на волоски, чёрными короткими кустиками торчащие из длинного носа, на покрытую пигментными пятнами и красными точками прыщей белую, что сахарная кость, кожу головы… – И я – Я!!! – должна подчиняться этому ничтожеству?! К тому же задолбал он уже, похотливый гад, всё ему моя задница «аппетитная» и «соблазнительная»! Должно быть, никто ему не даёт, – Миррил ухмыльнулась, поймав в этот момент взгляд серых льдин глаз Дирока, от чего улыбка тут же сошла на нет: – Святые Уродцы, будь он проклят вашей Святой Ненавистью!»

Локомотив остановился, издав истошный паровой вопль.

– Не дури, – сказал Дирок и, сжав запястье Миррил, поволок её за собой к выходу. Бывшая магиня особо не сопротивлялась.

Вокзал был пустынным, как и ожидал наёмник. Локомотив задерживаться не стал и через несколько минут сорвался в путь, словно убегая прочь от предстоящего кровопролития. А кровопролитие предстояло знатное...

– Сейчас начнётся, будь спокойна, – сказал Дирок: да так обыденно сказал, словно беседа была не важней обсуждения погоды. – Станут стрелять – падай на пол...

Но Миррил совсем не хотелось, чтобы «стали стрелять». Мало того, она не видела никакой угрозы: перрон был пуст – не велика редкость для обеденного часа в провинциальном городишке.

«Этот одноухий специально страху на меня напускает!» – рассердилась Миррил и открыла было рот, чтобы высказать всё, что на душе накипело, но тут произошло что-то из ряда вон выходящее.

В приоткрытом окошке билетной кассы что-то сверкнуло металлическим блеском, Дирок завопил «ложись» и швырнул Миррил на холодный бетон перрона. Тишина разодралась на мелкие части оглушающим хлопком двуствольного обреза. Густое, несущее смерть облако дроби настигло Дирока, закрывшего руками лицо, отбросив наёмника на пол. В нескольких метрах от него истерически визжала Миррил.

По телу Дирока прошлась дикая судорога... отпустила...

– Вы его убили, долбаные родасы, убили, убили, убили!!! – давясь слезами вперемежку с соплями, вопила Миррил. Ох, как хорошо сейчас было бы оказаться в тёплом домике уже как семь лет покойного добряка Сика... Как бы было хорошо...

Миррил окружили четверо: один человек, два брина и фарк. Человек в руках держал двуствольный обрез. У обоих бринов в покрытых короткой иссиня-чёрной шерстью руках солидно блестели в лучах обеденного солнца длинноствольные болтострелы. Пухлый фарк – самый низкий из всех – кривил толстые синие губы в уж совсем не подходящей для случая блаженной улыбке, позывая тяжёлыми металлическими цепями с утяжелёнными шипастыми наконечниками; держал он цепи во всех трёх руках (да, даже вrudиментарной, что коротким отростком торчала из низа живота).

Миррил сковал ужас. Теперь-то это конец...

– Ну что, пристрелим её, как кобку драную? – поинтересовался щуплый брин, и для убедительности направил дуло болтострела прямо на лицо Миррил.

Перед глазами бывшей магини всё поплыло. Её бешено колотящееся сердце вдруг остановилось, замерло, притихло, словно своим стуком боясь заставить узловатый палец брина надавить на гашетку.

– Экхм, – обратил на себя внимание человек с обрезом, – а может мы это... позабавимся немного...

– А что, идея здравая, – фарк скользнул похотливым взглядом по стройным ножкам Миррил.

– Только чур я первый, – потребовал человек с обрезом и принял расстёгивать брюки. – Это моя идея.

– Эге-гей, какой шустрец, – прошипел фарк и его приудруковатая улыбка превратилась в звериный оскал. – Я после тебя не хочу пачкаться...

— Это моя идея! — рявкнул человек и направил стволы обреза на пах фарка. При чём свободной рукой человек поддерживал расстёгнутые брюки. — Пошёл ты, бочка с жиром, знаешь куда!

— Ну-ну, я погляжу, как ты курочек-то нажмёшь, сухощавый глист, — в холодном голосе фарка прозвучало что-то металлическое, — ну что же ты, жми, если кишкa не тонка...

— А вот возьму и нажму! — сорвался на истерический крик человек. — Вот возьму и нажму! Нажму, чтоб тебя так! Яйца тебе отстреляю! Нажму! Нажму! Нажму! Нажму!

— Нажми... — хладнокровно произнёс фарк, покрепче сжимая свои цепи.

— Да вы вообще здесь все обурели! — гневно встрял молчавший всё это время брин.

— Нам дело делать надо, а вы тут перебить друг друга задумали? Мулёки кобковые! Я вас поделю — я буду первым!

— Так ты ведь не по женщинам, — человек не смог сдержать улыбки, после чего опустил обрез: напряжение спало. — Силор, ты что, ради нашей дружбы на такую жертву готов пойти?

— Ну, надо же когда-нибудь попробовать женской пещатни... — смущился Силор. — Почему бы и нет?

— Решено! — умильная улыбка расплылась по лицу человека с обрезом. — Ты будешь первым. Ради твоего обращения на путь истинный, я готов потерпеть немножко...

Миррил лежала на бетоне. Навыкате глаза Миррил глядели на наёмных убийц. Уши Миррил слышали, как мужчины расписывали очередь на её изнасилование. Но Миррил было наплевать. Миррил сковала жгучая ледяная дрожь близости смерти. Миррил молила Святых Уродцев не забрасывать её душу в Чан Раскалённых Грехов. Хотя бы сразу не забрасывать...

— Ой мамочка, ой мамочка!!! — завизжал человек, его обрез упал где-то рядом с его коленями. Человек держался за хлещущие кровью обрубки ног и визжал: — Ой мамочка, ой мамочка!!! До чего же больно, моя родная мамочка!!! А-а-а-а-а-а!!!

Оба брина не успели даже по одному разу выстрелить — они повалились почти одновременно на холодный бетон перрона, как подкошенные лесорубом сосны. Одному брину болт раздробил череп, высвободив чудовищную струю месива раскрошенной кости, крови и мозгов. Другому — первый болт прошил шею, застряв в позвонке, второй вошёл аккурат в правый низ торса — как раз туда, где расположено у бринов сердце...

— Ой мамочка, ой-й-й ма-а-амочка-а-а-а!!!

Фарк сумел уклониться от смертоносного выпада клинком и нанёс контрудар цепью. Воскресший Дирок без проблем увернулся, сделал обманный выпад и нанёс боковой удар мечом. На вид неуклюжий и медлительный фарк действовал более чем уверенно и резко: он увернулся (лезвие прошло в миллиметре от его руки) и взмахнулrudиментарной конечностью, обкрутив цепью клинок противника. Дироку пришлось выпустить меч из рук — иначе никак не уклониться от шипастого наконечника цепи, направленного прямо в висок.

Раздался громкий хлопок выстрела обреза. Но двум сражающимся было не до этого.

— Сейчас-то я сделаю из тебя отбивную, сейчас-то я тебя накормлю металлом, — прошипел фарк, раскручивая цепи.

— Это уж вряд ли, — вздохнул Дирок, достал болтострел и разрядил обойму.

Все болты достигли цели, превратив грузное тело фарка в обмякшее кровавое нечто, мёртвым мясом повалившееся на бетон.

Дирок повернулся к Миррил. Она стояла над изувеченным телом человека: ноги ему снёс коварный и точный удар мечом Дирока, а вот половину головы ему содрала дробь. Стволы обреза в руках Миррил ещё дымились...

— Он собирался подобрать оружие и убить тебя, — сорвала Миррил.

Это было её первое убийство при здравом рассудке...

Дирок ничего не ответил. Он подошёл к останкам человека и снял с пояса ленту патронов. Протянул её Миррил. Бывшая магиня взяла ленту без колебаний, словно девушка была в тот момент лишь оболочкой человека, мишурой, бездумной куклой — дают бери, бьют — убивай...

— У тебя такой же жилет, как и у меня? По всему телу? Да, наверняка... Я знала, что ты не умер, — говорила Миррил. — Где-то в глубине души знала, хотя в то же время и знала, что сама я умру...

— Пока я жив — ты не умрешь, — всё тем же спокойным тоном, что и всегда, сказал Дирок, будто бы и не было всей этой кровавой резни. Но потом уточнил: — По крайней мере, в течение года. А теперь пошли отсюда. И чем дальше — тем лучше. Наверняка у этих профанов на стоянке остался какой-нибудь транспорт.

Дирок высвободил из цепи меч, вытер лезвие о незапятнанный кровью край камзола фарка и спрятал оружие в ножны. Быстрыми и умелыми движениями рук и пальцев он обшарил карманы убитых. Ключи от паровой машины, деньги, болты...

— Нужно спешить, — вырвал Миррил из оцепенения монотонный голос, и повлек за собой, — станция пуста, но вскоре здесь будет полно полиции. Проверенная схема легальных охотников за головами — чтобы избежать случайных жертв, место боя изолируется. Оставляется один нейтральный наблюдатель. Он-то и вызывает по телеграфу полицию, скорую помощь, труповозов и тому подобные службы.

У выхода с вокзала стояли две наземные паровые машины. Ключи из кармана брина подошли к первой машине — иссиня-чёрной, как смола, длинной, угловатой, с тупым рубленым передом и заострённым задом.

Миррил послушно села на потрёпанное сиденье. Её глаза были отрешёнными. Всё, что происходило, казалось чудовищным кошмаром, настолько нереальным, что зашкалившее чувство страха просто отключило себя, оставив место лишь холодному безразличию.

— Погони не должно быть, если ещё и полиции не заплатили за твою голову... Да, ехать нужно как можно быстрее — наверняка другие наёмники вскоре вычислят на какой машине мы передвигаемся, — сказал Дирок, вставил ключ и дёрнул рычаг стартера до упора: по салону прошлась вибрация: искры магония разожгли антрацит и вода в котле быстро разогрелась, взбурлила; образовавшийся пар ударил в лопатки, и главная ось принялась вращаться, набирая обороты. Медленно отпустив педаль сцепления оси с колёсами, Дирок запустил машину в действие. Непокорно дёрнувшись, заскрипев застоявшимися колёсами, паровая машина тронулась с места.

Машина набирала скорость. Заданная до предела мощность котла делала своё: не прошло и минуты, как телохранитель Миррил выставил максимальную третью передачу скорости на колёса.

Вдоль дороги мелькали деревья и телеграфные столбы — машина взяла предельную для неё скорость в двадцать две фиры.

«Я всё ещё жива» – устало подумала Миррил и провалилась в неспокойный сон.

Глава 5: *Rapсовое поле*

Миррил снилась смерть... Летающий урод... Чудовищный жнец души...

Она проснулась в плохом настроении. Очень плохом.

Дирок оторвал взгляд от дороги и посмотрел на бывшую магиню. Его лицо было таким же безобразным, как всегда. Покрытая пигментными пятнами и прыщами лысина блестела в лучах рассветного солнца. На бордовом рукаве кожаного плаща едва заметны пятна засохшей крови.

– Антрацита хватит ещё на полдня, – сказал он, – магония хватит на один, максимум два раза завести двигатель. Я, знаете ли, не люблю это делать вручную... На следующей стоянке заправимся и поедим – спасибо за дополнительные денежки нашим богатеньким друзьям-профанам... Ты ведь голодна?

– Ты действительно всех убил? – отрешённо спросила Миррил, не в силах оторвать взгляд от обреза, лежащего на передней панели. На поясе девушка ощущала тяжесть патронной ленты.

– Не всех, – признался Дирок. – Ты...

– Хватит! – рявкнула Миррил. – Я и до этого была убийцей – мне не привыкать!..

– Как знаешь, – пожал плечами Дирок и прибавил скорости.

– Да, знаю! – не унималась Миррил. – Да знаю, чтоб тебя! Думаешь, я получала от этого удовольствие? Думаешь, я кончила, когда снесла тому ублюдку голову?! Считаешь меня бессердечной дрянью? Чудовищем, с лицом ангела?! Да будь ты проклят Святыми Уродцами! Это ты получаешь удовольствие от убийств. Ты! Ты, а не я!

– Я не испытываю удовольствия от убийств, – отрезал Дирок. – Это всего лишь работа, ничего большего.

– Ничего большего! – перекривляла Миррил. – Да у тебя ведь на прыщавой лысине жирными кровавыми буквами написано: «МЯСНИК»! Ты настолько уродлив; и это твоё обрубленное ухо...

– Цыц! – гаркнул Дирок (Миррил вздрогнула). – Ещё раз скажешь что-то про моё ухо – я порежу твою аппетитную задницу на лоскутки для брачных повязок на молоки ифров!

Эта угроза сработала на Миррил как хорошая пощёчина. Она испуганно поглядела на телохранителя.

– Ты меня порядком утомляешь, – пугающе спокойным тоном признался Дирок Мистафилиус. – Нам следует свести все наши разговоры до необходимого минимума...

Наступило молчание.

Салон переполнялся неприятным гулом и вибрацией колёс. Миррил пробежалась взглядом по передней панели, не обнаружила музыкофона и недовольно повернулась к боковому стеклу. Солнце только всходило, разбрызгивая красноватое масло света на рапсовые поля и телеграфные столбы, мелькающие перед глазами.

– Где мы сейчас? – не выдержала Миррил, никогда не любившая оставаться в неведении.

– На трассе между Димарком и Либасом, – ответил Дирок.

– И что... – колесо попало в выбоину и машину тряхнуло; обрез сбросило с панели прямо на колени Миррил. – И что мы будем делать, – спросила она, рассматривая смертоносные стволы.

– Наш план прост, как и твои сиськи, – начал Дирок (вот ведь мужлан недоделанный, подумалось Миррил), – мы едем на запад, в Демократическое Государство Римбаран.

– Куда-куда, Святые Уродцы нам помоги? – внутри Миррил всё похолодело. Римбаран!!! Страна, дающая приют мрази, разбойникам и ворам всего мира! Страна, словно Исполинская Клоака, жадно поглощающая в себя нечистоты других государств! В списке всех стран, в которых хотелось бы укрыться бывшей магине – ДГР занимало самое-самое последнее место...

– Ты слышала куда, – Дирок был беспристрастен. – Поверь мне, это твой единственный шанс. И это... перестань быть наивной – богов нет. Ничего нет. Есть только мы. И кроме нас никто нам самим не поможет. Святая Ненависть ничего не испепелит, а Святые Уродцы ничего не изрежут и уж тем более – никак не подсобят...

– Я знала, что ты тупой, но не настолько же, – сделала вывод Миррил.

– Мы едем в Римбаран, – повторился наёмник.

Некоторое время Миррил молчала, буравя собеседника недобрый взглядом, но потом всё-таки не выдержала:

– Но там ведь больные психопаты и убийцы. Это бандитская страна! Если и ехать куда, так только в Восточный Феникс.

– Это исключено! Ну да, в ДГР полно такого сброда, – согласился Дирок. – Вообще, я не знаю, зачем с тобой разговариваю. Я не вижу в этом нужды. Ты должна подчиняться моим приказам – для тебя это жизненно важно. Мои решения не оспариваются и не обговариваются, ясно?

Миррил некоторое время боролась с собой. Её лицо покраснело; и пришлось приложить немало усилий, чтобы унять охвативший её гнев. Пускаться в словесную перепалку было бессмысленно – Дирок мог запросто избить Миррил, даже не моргнув и глазом. Нужна другая тактика разговора. Успокоившись, собравшись с духом, девушка вкрадчиво заговорила:

– Ну как же, я совсем не пытаюсь оспаривать твои решения. Конечно же, я буду подчиняться ВСЕМ твоим приказам... После того, как ты убил тех уродов... Я перед тобой в долгу – конечно же я об этом помню...

– Чего ты добиваешься? – спросил Дирок. Его пальцы до белизны в костяшках сжали рулевые рычаги.

– Я боюсь, Дирок, я очень сильно боюсь, – призналась Миррил и прижалась к его плечу. Рука наёмника дёрнулась от неожиданности, рулевой рычаг ушёл вниз, и машину повело вправо. Миррил отпрянула от его плеча, словно от зловонного трупа. Дирок резко дёрнул рычаг на себя – правое зеркало заднего вида с треском отлетело, бок паровой машины прошёл в нескольких миллиметрах от телеграфного столба.

Машина вновь ехала по трассе, и если не оторванное зеркало – ничто бы не напоминало о возможности ужасной катастрофы...

– Ты совсем уже сдурела? – сквозь зубы прошипел Дирок.

– Я не хотела, честно, – глаза Миррил были чисты и наивны, как лоно девственницы...

– Ещё бы чуть-чуть... – Дирок не закончил мысль; приоткрыл окно – прохладный ветер залетел в салон, играясь волосами Миррил – харкнул в отверстие и вновь поднял стекло.

– Дир, – наивным голосом позвала Миррил, – ну скажи, Дир, зачем нам ехать в бандитскую страну, а?..

– И ради этого вопроса ты была готова нас угробить? – Дирок Мистафилиус повидал за жестокую жизнь наёмника очень и очень многое, но с такой неуравновешенной женщиной ему пересекаться не доводилось. Вопреки крепости и мужеству духа, от неё у Дирока время от времени по спине пробегали ледяные мураски.

– Ди-и-ири... – капризно протянула Миррил.

– Да будь ты проклята, женщина! – не выдержал наёмник. – Ты то и дело проклинаешь меня при любом удобном случае, но на самом деле проклята здесь только ты! Ты мне противна! И да, теперь-то сомнений нет: я действительно считаю, что за твоей красотой прячется настояще чудовище. Уродливый и мрачный монстр твоей беспечности и безответственности! Даже лишившись магических сил, он всё равно рвётся наружу!

Миррил разрыдалась в ответ. И это были настоящие слёзы отчаяния. Нет, по плану она и хотела поплакать, тем самым растопив чёрствую душу наёмника. Но притворяться не пришлось – слова Дирока действительно задели бывшую магиню за живое...

До самой дорожной станции они больше не перемолвились и словом.

Работники станции заполняли грузовые отсеки машины мешками с антрацитом. Сам начальник станции заливал в бак магоний из узкой плексигласовой леечки с чёткой миллиметровой шкалой – ещё бы, ведь сотня грамм магония стоит не меньше, чем все загружаемые мешки вместе взятые!

В столовой кроме Миррил и Дирока никого больше не было, если не считать моющего полы йорка в красной униформе работника станции. Но маленький рост и бесшумные движения шваброй делали его больше неотъемлемой частью интерьера, чем живым существом.

Подносчица ифрийка принесла в своих клешнях кушанья и раскачивающейся походкой, свойственной всем ифрам, удалилась. Было что-то в этой расе от ракообразных, но при более детальном рассмотрении проглядывались и черты жуков – панцирь, тонкие конечности...

Дирок с завидным аппетитом налёг на змеиное мясо, нарезанное мелкими ломтиками, щедро запивая не фильтрованным белым элем. Еда не лезла в рот Миррил, хоть она и была невероятно голодна. Через силу она жевала баранину и запивала бонгером – слабоалкогольным напитком из кактусового сока. К рису она так и не притронулась.

На сытый желудок, да ещё и после пятой кружки крепчайшего, что только бывает, пива – Дирок смягчился и заговорил:

– У легальных охотников за головами там нет лицензии.

Миррил без труда оторвалась от баранины и вопросительно поглядела на своего мучителя-спасителя.

– В ДГР то есть, – ответил он на взгляд. – Там свои законы, вопреки всем международным соглашениям. И легальная охота за головами в Римбаране запрещена. А

именно охотники за головами – наша головная боль, – он ухмыльнулся получившемуся каламбуру.

Глаза красавицы глядели на него не до конца понимающим взглядом.

– Да, страна не самая чистая и ухоженная… – кивнул Дирок. – Люди в ней злые и жестокие. Большинство из них, как и мы, прячутся отластей других стран. Но проверенный факт – до приезжих там дела никому нет, – ифрийка принесла ещё две кружки эля. Дирок подождал, пока она уйдёт, сделал смачный глоток и продолжил: – Уж поверь мне, намного проще на место поставить обозлённую стаю беженцев, чем организованный отряд наёмников. И заруби себе на носу: головорезы на станции Димарка – были обычновенными профанами, новичками. Лучше, чтобы тебе никогда не довелось встретиться с матёрым отрядом охотников…

Глаза Миррил хищно сверкнули – смысл слов Дирока постепенно проникал в её разум. Она недоверчиво поглядела на йорка, моющего пол.

– Не обращай на него внимание, – беспечно махнул рукой Дирок. Уж слишком коротковат он для шпиона. А если и так – то профессиональные наёмники и без него догадаются, куда мы держим путь. Да, коротышка?

Йорк испуганно поглядел на Мистафилиуса, не выдержал взгляда и побежал вон из столовой, позабыв о швабре и ведре.

– Ну, теперь… эээ… На чём я вообще остановился?

Хоть речь Дирока была связной, но в глазах отчётливо читался густой дурман хмеля.

– Да ты ведь пьян, – зло сказала Миррил.

– Пьян? Хм, – Дирок почесал обрубленное ухо, – пожалуй, я действительно пьян… Думаю, машину лучше повезти тебе. Ты ведь умеешь это делать, сладенькая попка?

Миррил не ответила.

Стоило Дироку осушить последнюю кружку белого эля, как появилась подносчица с четырьмя дорожными пищевыми пакетами. Дирок щедро оставил чаевых, взял пакеты и зигзагами направился к выходу. Буравя его спину осуждающим взглядом, следом шла Миррил.

А тем временем йорк выступив молоточком телеграфа послание:

мишень едет в дгр одноухий сопровождает осторожно

Водить паровую машину Миррил никогда ещё не доводилось, но это оказалось не так сложно, как думалось. От Дирока помощи не дождаться – он громогласно храл на откинутом до предела пассажирском кресле. Первые минуты были самыми напряжёнными: девушка судорожно перебирала в памяти, что и как делал её телохранитель, чтобы сдвинуть эту чёрную бандуру с места. Миррил долгое время не могла найти скважину активации, нетерпеливо примеряя ключ к всевозможным отверстиям на панели. После девушка долго улыбалась самой себе: скважина находилась на самом видном месте между двумя рычагами управления колёсами. И как Миррил её не заметила?

Дальше было не проще – из многочисленных рычагов управления нужно найти стартер. Методом проб и ошибок (ох и испугалась бывшая магиня, когда вместо него сняла ручной тормоз...) она его (рычаг стартера) таки нашла. Главная ось принялась вращаться. Миррил перевела рычаг скоростей на первую скорость (почему-то из всех назначение именно этого не вызвало у девушки сомнений), медленно выжала рычаги управления до упора – машина тронулась с места.

Набрав рекомендуемую начинающим водителям скорость в девять фирм, Миррил выехала по объездной дороге вдоль промышленного гиганта Либаса на Западный Тракт. Ошибиться невозможно, ведь через каждые несколько миль дорожные указатели напоминали о неизбежности судьбы: путь ведёт в Демократическое Государство Римбаран.

Время от времени Миррил обгоняли машины. Некоторые делали это молча, некоторые подавали при этом световые или звуковые сигналы. А один хам на сельском грузовике умудрился даже выкрикнуть в окно что-то непристойное. Всех слов Миррил не разобрала, но суть возмущения была понятна: «блондинка за рулём – хуже обезьяны с чем-то колючим в попе». Ещё один повод пожалеть о потере магического дара. Миррил бы с радостью превратила того сельского хама в им же заявленную «обезьянку с чем-то колючим в попе».

Сама же бывшая магиня на обгон не шла. Прямо ехать не составляет труда, но уж очень боязно на встречную полосу выезжать, да ещё и скорости подбавлять при этом...

Раздался зловещий лязг металла. Машину тряхнуло. Дирок расшиб лоб о переднее стекло – сон, а вместе с ним и хмель, как рукой сняло.

– Что ты наделала, тупая дура! – выкрикнул он.

– Это не я! – завопила Миррил, – это не я!

Ещё один удар. На этот раз машину тряхнуло ещё сильнее и повело в бок, на встречную полосу – Миррил выпустила из рук рычаги управления, закрыла лицо руками и забормотала первую попавшуюся на язык молитву Святым Уродцам.

– Пошла прочь, истеричка! – Дирок без церемоний стащил девушку с водительского сидения и занял её место. Перехватил рычаги управления и в самый последний момент разминулся с мчащейся навстречу, обречённо сигналящей грузовой повозкой.

Чёрная клиноподобная машина пошла на третий таран.

– Вот это – настоящие профессионалы, – только успел сказать Дирок; их паровую машину круто развернуло, повалило на бок и с диким скрежетом металла протянуло несколько десятков метров по бетону дороги. Когда машину перевернуло – Миррил повалилась на Дирока, руки которого смертельной хваткой держали оторванные ручки управления. Пока машину тащило по асфальту, Одноухий не подал и звука (не в пример бывшей магине, вопившей громче свиньи, ведомой на убой), но стоило машине остановиться, как наёмник приказал девушке оставаться на месте. Хотя она его совсем не слышала, так как потеряла сознание от болевого шока – когда падала, ободрала о рычаги спину и живот, сильно стукнулась головой о потолок салона, ставший теперь стеной.

Сквозь тугую материю бессознательного сна прорывались притуплённые звуки: дробь болтов и пуль о металл, словно барабанящие о навес беседки капельки летнего дождя, лязг клинков, словно звон уличных колокольчиков на ветру, обречённые крики и ругань, словно щебетание прекрасных птиц...

Миррил очнулась на пересохшей водной канавке рапсового поля. Всё тело невыносимо болело. Желтоватые растения напоминали больше сорняки, чем полезную промышленную культуру. Недалеко находился Дирок. Он сидел к ней спиной и ничего, на первый взгляд, необычного девушка не обнаружила, разве что выкрашенный запёкшейся кровью кожаный плащ. Хотя, бордовый плащ не сильно изменился в цвете – если бы не кровяная корочка...

Стоп!

— Дирок! — закричала Миррил. — Дирок! Она подбежала к телохранителю.

Но Дирок не отзывался. Он не хотел говорить. Его больше беспокоила левая рука. Вернее — её отсутствие. Он, как мог, обработал чудовищную рану: туго замотал шнурком от ботинка остаток руки в районе бицепса, а рану припалил раскалённой пружинкой электрической зажигалки...

Дирок посмотрел на Миррил. Ох, сколько же было боли в его не знающих слёз глазах! Бывшая магиня не выдержала, отвернулась, случайно скользнув взглядом по припаленному мясу культи.

— Прости меня, — прошептала девушка. — Прости...

Он не ответил. Конечно же, Дирок не мог сердиться на Миррил — ведь охотники за головами объявились по его вине. Нужно было на всякий случай убить того йорка на станции. Безусловно, это он оказался шпионом. Дирок Мистафилиус, известный среди наёмников под прозвищем Одноухий, сам во всём виноват — позволил себе расслабиться белым элем и распустил язык при постороннем...

«Стареешь, дружище Дир, стареешь» — мысленно вздохнул он.

Миррил стояла над Дироком, испытывая ужасное чувство вины. Но вины не за случившееся, а за то, как вела себя с Дироком раньше. За то, что оскорбляла его, вредничала... А он без раздумий пожертвовал ради её «аппетитной задницы» своей рукой...

В рапсе что-то зашелестело. Миррил испуганно повернулась на шум.

— Не обращай внимание, — полным боли и страдания голосом сказал Дирок. — Он следит за нами уже долгое время. Но он безвреден. Так, подземный житель...

Уцелевшей рукой Одноухий достал из внутреннего кармана плаща пачку сигаретт — это была новая пачка, купленная на стоянке. Прошлую была уничтожена облаком дроби неудачливого охотника за головами на станции городка Димарк. Стараясь унять дрожь в пальцах, он протянул пачку девушке (как не удивительно, крышку откинул всё тем же доведённым до совершенства движением большого пальца).

Миррил молча взяла сигаретту. Дирок взял себе тоже.

— Ты бы не могла? — попросил он, поглядев на лежащую на земле окровавленную электрическую зажигалку.

Миррил еле сдерживала себя от истерики — до чего же эта ситуация была зловещей карикатурой на их знакомство в локомотиве! Поборов подступающую тошноту, она подняла зажигалку и подкурила вначале Дироку, потом себе.

Дирок сделал жадную затяжку, подержал в лёгких и выдохнул сизый дым.

— Недавно ты спрашивала меня, почему я ношу с собой сигаретты, если не курю, — слова давались ему с трудом, но он не переставал говорить. — Так вот, ты видишь, что я курю. Правда, в особых случаях... — он закашлялся. — Они все мертвые...

Наступило молчание. Миррил курила через силу: больше держала сигаретту в руке, чем затягивалась. А вот Дирок жадно курил одну за другой. На четвёртой он вновь заговорил:

— Моё обрубленное ухо тебе всё никак не давало покоя... Тебе будет смешно, но оно имеет прямое отношение к сигаретам. Понимаешь ли, мне его отрубил отец... — Дирок выбросил окурок и взял пятую сигаретту. Миррил без разговоров подкурила ему. — Я был непослушным малым, о да, очень непослушным. Прямо-таки сорванцом, — когда Дирок это говорил, казалось, что нет никакой чудовищной раны, что всё хорошо, что он

останется жить... – Как-то я украл у лавочника пачку сигаретт. Отец узнал и отрезал мне за это ухо... Чтобы я никогда-никогда не стал воровать, понимаешь? Мой отец был мудрым человеком! С тех пор я ношу этот уродливый обрубок на голове и пачку купленных сигарет поближе к сердцу...

Миррил не знала что сказать, да и не нужно было ничего говорить. Но если бы она и хотела что-то сказать, всё равно не успела бы. В воздухе появилось чёрное пятно. Оно стремительно росло, обретая черты человека, облачённого в углепластиковые крылья индивидуального воздухоплавательного костюма.

Дирок не стал искушать судьбу и выпустил в летящего всю обойму из болтострела. Рука подрагивала, но всё же несколько болтов достигли своей цели. Потерявший управление человек спикировал в рапс. Расстояние до земли было слишком большим – никто бы не выжил!

Никто, кроме при жизни Проклятого...

Метательная звезда вонзилась аккурат между глаз Дирока. Издав тихий стон, телохранитель Миррил лёг на землю. И никогда больше не поднимался...

Захлестываемая невыносимым ужасом и предчувствием смерти, Миррил мчалась прочь. К спасению. Но у Мора были другие планы на этот счёт. Он метнул звезду – та встремляя в икру левой ноги. Девушка повалилась в рапс. Она не хотела умирать. Нет, слишком рано, слишком-слишком рано, Святые Уродцы всё изничтожь!

Миррил не могла подняться на ноги, поэтому она ползла. Стебли рапса нагло лезли в лицо, словно насмехаясь. Словно эти стебли – были душами всех тех убитых ею людей. Они изо всех сил пытались её остановить, застопорить путь, хоть на лишнюю секунду, но замедлить; их нетерпеливое колыхание как бы говорило: «Сюда, Проклятый, сюда скорее. Она здесь. Приди и убей её, как она это сделала с нами. Убей это Чудовище, убей!..»

Oх, как хорошо сейчас было бы оказаться в тёплом домике покойного добряка Сика... Как бы было хорошо...

Мор не стал суетиться и неспешной походкой направился к заказанной жертве.

Бедняжка Миррил так и не поняла, что случилось. Чёрный, острый как тысяча бритв кинжал прикоснулся к её шее с одной стороны и рас прощался с другой.

Тонкие, чертовски крепкие пальцы подняли голову за волосы. Глаза цвета волны Бесконечного Океана испуганно глядели на убийцу. Жизнь быстро гасла в них...

Меня. Нельзя. Остановить. – Показал жестами немой Мор с сардонической ухмылкой на лице – при жизни Проклятый, демон во плоти. Радостно раскачивая за волосы трофеиную голову, он направился к разбитым крыльям. Их следовало починить.

За спиной Мора осталось лежать обезглавленное тело молодой, стройной девушки.

Глава 6: *А жизнь продолжается...*

Миррил проснулась в плохом настроении. Очень плохом...

Дирок посмотрел на неё. Он ничуть не изменился. В его голове не торчала метательная звезда, и обе руки были целы. Тонкими пальцами он сжимал рукояти управления паровой машиной.

– Антрацита хватит ещё на полдня, – сказал он, – магония хватит на один, максимум два раза завести двигатель. Я, знаете ли, не люблю это делать вручную... На

следующей стоянке заправимся и поедим – спасибо за дополнительные денежки нашим богатеньким друзьям-профанам... Ты ведь голодна?

Миррил ошарашено на него глядела. Осознание того, что весь пережитый ужас был лишь сном, приходило неспешно, вальяжно, словно медленно вытекающая из трещины вулкана лава. Но вот эта лава достигла близлежащего леса, и вспыхнул живительный пожар понимания! Миррил не мертва! Дирок жив!

Но каким ведь реалистичным был тот сон. Шея до сих пор чувствует ледяную сталь клинка... И души убитых Миррил людей, заточённые в рапсовых стеблях... Они ведь так ненавистно тёрлись о её лицо... казалось, щёки до сих пор ощущают их на себе... и их травяной запах...

– Ты чего так на меня смотришь? – удивился Дирок. – Как кошарок на новую крысоловку.

Миррил встряхнула головой, пытаясь сбросить все нехорошие мысли, но они цепкими когтями держались за мозг. Нет, это был не простой сон... Бывшая магиня вспомнила бредни старины Сика у камина про неожиданный дар единиц из десятков тысяч лишённых магического дара. Способность видеть будущее!

Колесо попало в выбоину и машину тряхнуло: лежащий на панели обрез (которым Миррил имела счастье снести голову её неудачливому насильнику) сбросило на колени девушки. Стволы, словно преданные звери, прижались, пусть и через грубую ткань походных штанов, к ногам – в надежде получить хоть немного ласки от своего сурового хозяина. Бывшая магиня положила руку на обрез, словно на голову зверя, и погладила его. Если бы в этот момент Дирок не следил за дорогой, то счёл бы её жест весьма сексуальным.

– Дир... – нетвёрдо начала Миррил, – мы едем в ДГР?

– Я же тебе уже говорил, – Дирок всматривался в дорогу и не сразу понял вопроса. – Постой... я ведь тебе ещё этого не говорил. Хотя, только тупица не догадалась бы. Я, знаешь ли, тебя считал очень тупой. Ведь все светловолосые девицы с аппетитными задницами – тупые. Об этом ещё три века назад написал Верховный инквизитор Республики Теней Демиржи Фокрит в монографии «О светловолосых ведьмах «блондинках» и вреде мужчинам ими вызываемом». А ты, кажется, не такая уж и тупая, хотя у меня как-то сломанные часы тоже правильно время показывали, но лишь два раза в сутки...

– Только тупые употребляют столько раз подряд слово «тупой»! – огрызнулась Миррил. – Упоминание учений душевнобольного фанатика и импотента, жгущего в серной кислоте красивых девушек, с которыми у него ничего не получалось – только закрепляет за тобой это звание.

Некоторое время они молчали. Дирок мерно поворачивал рычаги управления, его лицо было самодовольным – конечно же, оттого что колкий выпад задел девушку. Миррил неровно дышала, всеми силами пытаясь не злиться, но не очень-то ей это и удавалось.

Более-менее совладав с собой, Миррил решилась заговорить. Конечно, говорить с этим прыщавым, одноухим и чёрство-сердечным женоненавистником с пигментными пятнами на лысине ей хотелось меньше всего на свете, но ужасная картина возможного будущего всё не переставала маячить перед глазами. Рапс, летающий урод держит за светлые волосы голову, которая ещё не умерла, которая ещё какие-то доли секунды понимает весь ужас, весь кошмар, всю обречённость...

Она решила подойти издалека:

– Дир... Ты мне так и не рассказал, что у тебя с ухом...

Руки телохранителя всё так же хладнокровно сжимали рукояти управления паровой машиной, но непроницаемое лицо дрогнуло. Совсем на чуть-чуть, но изменилось, исказилось гримасой давно пережитой боли и душевных терзаний. А потом вновь сделалось непроницаемым, хладнокровным – как и всегда.

– Ты моя работа, – сухо ответил он. – Ни больше и ни меньше. Такие вещи я обсуждаю лишь с очень близкими людьми... – он немного помедлил. – А поскольку у меня никогда не было близких людей... Я ни с кем этого не обсуждал и не собираюсь!

– Но тогда, в локомотиве ты говорил...

– При чём здесь тот проклятый локомотив? – и вновь непроницаемое лицо наёмника дало слабину, и опять это продлилось какое-то мгновение. – О чём ты вообще говоришь, тупая блондинка?

Миррил опять выдержала сильный бой внутри себя, победила и, глубоко вздохнув, заговорила:

– В локомотиве, когда ты угощал меня сигареттой, что забыл уже?

– При чём здесь эта грёбанная сигаретта к моему уху! – на этот раз Дирок всерьёз вспылил. Даже его удавье терпение небезгранично. Машину качнуло.

– Тише, не надо так злиться, – Миррил откровенно насладилась вырвавшейся наружу слабостью своего мучителя-телохранителя.

– Что тебе известно? – нервно спросил Дирок. – Это твои колдовские штучки? Тебя что, не лишили до конца дара? Да пошла ты вообще!

– Дирок Мистафиус, ты всё сказал?

– Чего ты добиваешься? Чего?

– Может, заткнёшься и послушаешь? – Миррил начала терять терпение.

– Да я... – губы наёмника шевелились, явно вычерчивая трёхэтажные ругательства, но все они молчаливыми, невысказанными уродцами засыхали в горле.

– Ты носишь с собой пачку сигаретт не просто так, – решила добить его бывшая магиня. – Ты носишь её как воспоминание. Воспоминание о своём суровом отце!

Дирок свернулся на обочину и затормозил машину. Медленно повернулся бледнее мела лицо (даже его прыщи на лысине побелели) к Миррил и вытаращил на неё глаза.

– Да, отец-деспот отрубил тебе ухо за то, что ты утащил у лавочника пачку сигаретт! С тех пор ты носишь *купленные* сигаретты с собой, чтобы лишний раз напоминать себе об этом. Тебе мало обрубленного уха – сигаретты ещё лучше освежают память. Тебе кажется, что отец твой был мудрым человеком и наказание вполне приемлемое. А знаешь, что кажется мне? Мне кажется, что твой отец был приличным кобкиным сыном, раз отрубил своему сыну ухо за какую-то паршивую пачку курительных палочек! И ты, я в этом свято уверена, это прекрасно сам знаешь. И носишь ты эту *купленную* пачку с собой не потому, что уважаешь поступок отца, а потому что пытаешься оправдать его чудовищную жестокость. Потому что пытаешься изменить то, что изменить уже нельзя...

Дирок глядел на Миррил. Его серые льдины глаз обжигали ненавистью, но в них время от времени проблескивали огоньки... согласия, что ли?..

Он достал пачку сигарет и перевёл взгляд на неё. Округлая пластмассовая коробка поблескивала на прорывавшемся сквозь лобовое стекло солнце. На глаза

непоколебимого и бесстрашного наёмника, чья рука безжалостно лишала жизни любого, кто становился на пути, накатили слёзы.

Дирок откинул крышку коробки доведённым до совершенства движением большого пальца. Протянул бывшей магине, но она отказалась. Взял сигаретту сам и подкурил электрической зажигалкой.

Они молчали. Лишь мерный гул работающего вхолостую парового двигателя и тихое шипение сигаретты при каждой затяжке.

— Должно быть, ты знаешь и то, что курю я лишь в самую хреновую минуту, — выдохнул вместе с сизым дымом Дирок.

— Да, — ответила Миррил. Как это ни странно, она больше не злилась на заносчивого мучителя, а наоборот, даже испытывала к нему что-то вроде сострадания.

Опять наступило молчание. Дирок выкурил пять сигарет одну за другой и только потом заговорил:

— А ведь ты права, аппетитнозадая светловолосая дурочка, — в его словах совсем не было игривости, которую обычно вкладывают в такие выражения. — И кто после этого дурочка? Я или ты?.. Нет, я дурочкой не могу быть по определению. Так, просто лысый набитый дурак... Столько лет я носил с собой сигаретты, столько лет избегал зеркал... И всё ради чего? Ради того старого ублюдка, который в наркотическом опьянении изуродовал меня?! А ведь каждый год я убираю его могилу, поливаю бессмертники, крашу оградку... Он никогда не поддерживал меня, никогда не был хорошим примером. Он пахал как проклятый на металлургическом заводе с утра до вечера, а дома только и делал, что кололся грибной вытяжкой, жрал водку и бил меня... бил, бил, бил... Ах, мама, дорогая моя мама, ты бросила это чудовище, но вместе с ним ты бросила и меня! Оставила ему на растерзание...

Дальше Дирок говорил что-то несвязное. Его душили слёзы. Пачку сигарет он выбросил в окно.

Миррил сидела абсолютно обалдевшая и подавленная. Ей было невыносимо жаль Дирока. Перед ней открылось его истинное лицо, которое он прятал за маской жестокости, чёрствости, самодовольства и жлобовитости. Это был ранимый человек, хрупкий душой, с неизгладимым отпечатком несчастного детства. Миррил вспомнила, как в возможном будущем он без раздумий пожертвовал ради неё рукой, а потом и жизнью, и не сдержалась, заплакала сама.

— Нужно ехать, — пришёл в себя Дирок и дёрнул рычаги. Машина послушно выползла на дорогу и набрала скорость. — Мы едем в Демократическое Государство Римбаран. По дороге заедем на заправку, заодно перекусим и купим в дорогу еды.

Миррил как током ударило: ей вспомнился подлый коротышка йорк в красной форме работника станции. Чёрная клиноподобная машина. Смерть.

— Слушай Дирок, слушай меня, слушай меня очень-очень внимательно, — затараторила она, — и не думай перебивать, и не думай не поверить.

Дирок насторожился, продолжая молча глядеть вперед.

— В общем, среди лишённых дара магии случаются... как тебе это сказать получше... отклонения, что ли... Вот с этим отклонением я и столкнулся. Вернее оно столкнулось со мной. В общем... — Миррил запуталась в своих словах, помолчала немного, собираясь с мыслями, и продолжила: — Я видела наше будущее. Я видела нашу смерть!.. Нашу смерть, понимаешь ты, глупый лысый урод?! Смерть...

Дирок молчал, не сбавляя скорость, но его лицо сделалось мрачнее грозовой тучи.

— Ты думаешь, откуда мне известно про твоё долбанное ухо? — Миррил еле сдерживалась, чтобы не закричать во всё горло. — Ты мне об этом сам сказал — в будущем, которое не наступило. В будущем, в котором мы умрём сегодня! Ты мне не веришь?

— Успокойся и расскажи мне всё, что только знаешь об этом будущем, — спокойно, чеканя каждое слово, произнёс Дирок.

И Миррил рассказала: часто сбивалась, перескакивала от одного неоконченного эпизода к другому, запиналась, время от времени бормотала что-то неразборчивое. Но в конце концов она обрисовала более-менее полную картину. Про чёрную машину наёмников, протаранившую их, про потерю руки Дироком, про «летающего урода», про смерть...

Дирок слушал и едва заметно кивал. Стоило Миррил закончить, как заговорил он:

— Значит, мы сделаем заправку за несколько станций от той, где я хотел вначале. И в столовой сидеть не будем — купим еду и поедим в дороге. Да, до самого ДГР больше остановок делать не будем, так что советую тебе хорошенько сходить в дамскую комнатку на станции, — себе под нос он буркнул: — вот ведь тупорылый кретин, а ведь действительно уже который день мечтаю о кружке белого эля...

— И ты так просто мне поверил? — поразилась Миррил.

Дирок махнул рукой и некоторое время молчал, словно размышляя: продолжать разговор дальше или нет. Решил продолжить.

— Историю про моего отца я не рассказывал никому. Совсем никому. Ты могла узнать её только от меня. После неё я готов поверить в любые твои слова, как бы дико они не звучали.

Грузчики станции заполняли отсеки машины мешками с антрацитом. Помощник начальника станции заливал в бак магоний из вытянутой плексигласовой колбы с сужающимся горлышком. На колбе была чёткая миллиметровая шкала, ведь килограмм магония стоит не меньше, чем машина, в которую он вливается!

Миррил сидела на переднем сиденье и нехотя жевала копчёное мясо, принесенное Дироком из столовой станции. Наёмник тем временем сутился возле машины, подгонял грузчиков. Он был крайне взвинчен, и тому существовало простое объяснение: Дирок свято верил в фатум. Всё, что происходило в его жизни, все трагические и радостные моменты (которых было гнетуще меньше, чем трагических) — он связывал с судьбой. То, что должно произойти — должно произойти... Миррил видела их смерть. А значит, она видела непоколебимый лик судьбы. И если этот «летающий урод» не настигнет их сегодня, то уж точно это произойдёт через какое-то время. А из её описания это был никто иной, как один из демонов во плоти — весьма скверных созданий, нашедших новую жизнь после смерти. А с такими шутки плохи. От этих чудовищ с людскими обликами держаться нужно как можно дальше. Любая попытка прямого боя — верная гибель. Их плоть полумертвa, хоть она и чувствует боль, но умертвить её практически невозможно. Да и как умертвить то, что уже мёртвое, ещё и склонное к феноменальной регенерации? Как-то коллега-наёмник рассказывал Дироку случай, мол, демон во плоти уцелел после прямого попадания разрывного снаряда осадного орудия... С трудом верится... но в любом случае — столкновение с таким существом в немыслимом количестве случаев грозит смертью.

Значит, судьба предрешена...

И то, что делают сейчас Дирок и Миррил – лишь попытка отсрочить неизбежное!

Но всё же... Что, если Миррил видела не совсем истинную картину будущего? Что, если она увидела её лишь для того, чтобы избежать смерти. И не попасть в её ледяные объятья? Что ж, бредовая мысль, но Дирок предпочтёт лучше держаться хоть за эту соломинку, чем опустить руки и ждать гибели.

Или вся его вера в фатум – не стоит и выеденного яйца? Что, если мы сами создаём себе судьбу?.. Тоже бред. Дирок в сердцах плонул на пол при этой мысли.

Грузовые отсеки были полны антрацита, магониевый бак заполнен до краёв. Дирок дёрнул рычаги. Машина, словно пересидевший в неволе скакун, сорвалась в путь.

Бежать от неумолимой судьбы.

Либо строить свою собственную.

Глава 7: **Фатум?**

За окном мелькали рапсовые поля. Стебли слились в жёлто-зелёную полосу по обе стороны дороги. Жёлтый – цвет увядания, зелёный – зарождения жизни. Из крайности в крайность. От жизни к смерти, от смерти к жизни. Наш путь имеет только две чёткие границы: начало и конец. А между ними – непроглядная дорога, извилистая, полная оврагов и бугров...

Рапсовый горизонт жадно поглотил красный полу-диск Светила. Медленно наплывал ночной мрак, бесстыдно выпячивая всё новые бледно-красные звёзды. По чёрному небу одиноко поползла зелёная точка искусственного спутника. Луны не было – Миррил попыталась прикинуть в каком они сейчас месте и будет ли с него видна луна, из-за своей сложной орбиты радовавшаяочных романтиков уж очень редко и совершенно в разных географических широтах. Попытка увенчалась неудачей.

Свет прожекторов машины жадно вгрызался в ночь. Траса была практически пуста; лишь изредка навстречу проносились красноватые огни паровых машин. Воздух был чист – ни одного летательного аппарата.

А чёрной клиноподобной машины всё не было. Не было и несущего смерть демона во плоти.

И это не могло не радовать... Но кому не знать про вред такой радости, как не Миррил, и, уж конечно, Дироку? Радость расслабляет, делает слабым, не способным устоять перед чёрствым лицом смерти.

Миррил боялась засыпать. Боялась вновь пережить страшное видение возможного будущего. Но усталость и мерное покачивание машины взяли своё. Девушка провалилась в сон. И проспала она до самого утра.

Без снов.

– Проснулась? – первое, что услышала она. Конечно же, это был голос Дирока. Спросонья его некрасивое лицо казалось отталкивающим, как никогда.

– Ты бы не мог остановиться? Я хочу в туалет, а ещё у меня всё затекло... – сонно промурчала красавица.

– Хочешь размять свою аппетитную задницу? – сухо спросил Дирок.

– Ты с самого утра меня доставать повадился? – фыркнула Миррил.

— Мы не можем так рисковать, сладкозадая, придётся тебе сделать свои дела в бутыль — я его специально для этого взял, — Дирок кивнул на трёхлитровую плексигласовую банку у себя под ногами. В банке бултыхалась в такт машине желтоватая жидкость.

— Фу-у-у! — Миррил скривилась от отвращения. — Ты что, туда отливал ночью? Дирок довольно ухмыльнулся.

— А ты думала, я буду каждый раз останавливаться, как приспичит? Ты знаешь, что даже полуминутная остановка может стоить нам жизни? Нет, конечно же, ты этого не можешь знать, ведь в твоей светловолосой башке только наряды и духи, пузатые придурки с толстыми кошельками и... — воображение Дирока на этом выдохлось. Он был явно раздражён — ещё бы, за рулём провести почти целые сутки: — И... ветер там! — не совсем удачно закончил он тираду.

— Да какие на фиг духи? — Миррил не то, чтобы разозлилась, но для порядку ответить надо было. — Тебе самому не смешно? Меня лишили магического дара, на меня охотятся крылатый ублюдок и все наёмники округи! Скажи, стал бы ты думать о... ну, скажем, о чистоте своей сорочки, когда её, вместе с твоим сухощавым боком проткнули ножом? Ты бы думал о том, как остановить кровотечение ради своей жизни, а не ради дебильной и безвкусной сорочки. И вообще, как ты думаешь мне делать дела в этот бутыль? У меня немного по-другому органы устроены...

Дирок метнул гневный взгляд на девушку. Но больше в нём было не гнева, а усталости.

— Слушай, аппетитная задница, ты ведь умеешь водить машину?

— Ну... Я водила её... В будущем, то есть уже прошлом, то есть... — Миррил защёлкала пальцами, она явно не могла подобрать подходящих слов.

— Короче, навыки у тебя остались? — оборвал её раздумья наёмник.

— Думаю, да, — неуверенно сказала Миррил.

— Ну и прекрасно, — выдохнул Дирок. — У меня выдались весьма напряжённые сутки: драка с профанами на станции, утомительная езда... кстати, споры с тобой сил тоже не добавляют. В общем, уговор — я сейчас сделаю остановку и ты быстренько, что кролик во время траха, метнёшься в ближайшие кусты и сделаешь там свои грязные делишки. А после — сядешь за штурвал и повезёшь нас в ДГР. Ошибиться с дорогой сложно — просто езжай прямо по Западному Тракту и всё. Договор?

— Да пошёл ты, — вяло отмахнулась Миррил.

— Я принимаю это как «да», — устало кивнул Дирок.

Миррил ничего не ответила.

Вскоре Дирок свернул на обочину и остановил машину.

Когда Миррил вернулась из ближайших кустов, он уже хранил, умостившись на задних пассажирских сидениях. Девушка села в водительское кресло и тронула машину с места. Получилось у неё с первого раза. Так, словно она уже водила её до этого...

Обе ручки выставить вперёд — машина едет прямо. Потянуть левую — машина уйдёт влево. Потянуть правую — машина уйдёт вправо. Обе ручки на себя — нейтральное положение, двигатель работает вхолостую. Скорости можно менять лишь в нейтральном положении. На стандартных машинах коробка передач в три скорости. Бывают и другие коробки — на две или четыре, но особой популярностью у монополистов машиностроения они не пользуются. Выставив скорость, необходимо медленно

передвинуть оба рычага вперёд до упора. Нужно быть внимательным и не перемещать рычаги слишком быстро. Если это случится, сработает блокировка, и избыточный пар из котла подастся на выхлопную трубу. А при дальних поездках любая потеря воды к добру не приведёт, особенно если рядом нет источника, из которого можно пополнить её запасы.

К вечеру Дирок проснулся и сменил Миррил. Девушка изрядно устала, но спать не ложилась. Поужинав сушёными спрутами и баночкой соевых консервов, она попыталась завязать разговор со своим телохранителем. Ей хотелось узнать про Демократическое Государство Римбаран больше, чем общеизвестные сведения и полуправдивые слухи. Но Дирок на разговор явно не был настроен. Вначале он просто молчал, а потом потерял терпение и, как это он умеет, объяснил девушке, что разговаривать не собирается, что незачем ей своей пустой болтовнёй спугивать его мысли и в том же духе...

Миррил демонстративно повернулась к нему спиной (умостившись поудобней на задних пассажирских сиденьях) и закрыла глаза. На Дирока это не произвело и малейшего впечатления.

— Ты спиши? — спустя час после получившегося разговора спросил он.

— Тебе какое дело? — надуто спросила Миррил. Сон не лез ей в голову, хотя всё тело так и ныло от усталости.

— Мы до сих пор живы... — сказал Дирок, взглядываясь в выхваченную прожекторами дорогу.

Миррил ничего не ответила.

— К обеду, если твои боги будут к тебе благосклонны, мы достигнем границы ДГР. Проблем перевалить через блокпост не должно возникнуть, хотя сейчас точно утверждать ничего нельзя. Поживём — увидим. Если доживём, конечно... У меня предчувствие дурное. По идеи, тот «летающий урод» давно уже нас должен был настигнуть. Индивидуальное средство полёта, которым он по твоим словам пользуется, способно набирать скорость в десятки раз большую, чем наша машина. По сравнению с ним — мы черепаха с переломанными лапами...

Дирок был явно доволен удачно подвернувшимся сравнением. А вот Миррил прошиб ледяной пот.

— Может быть, твоё видение было не совсем точным, — тем временем продолжал Дирок. — Может быть, ты что-то напутала...

— Я ничего не напутала, — разозлившаяся Миррил вскочила с «лежанки» и прошипела эти слова Дироку прямо в обрубок уха. — Все образы отбились в моей голове кровавым клеймом. Всё, что я видела — я пережила своей «аппетитной задницей». Эта тварь отрубила мне голову... А тебе, если не помнишь, продырявила череп метательной звездой...

— В ДГР их называют сюрикены... — сказал Дирок.

— Чего? — не поняла Миррил.

— Звёзды метательные. В Римбаране их называют сюрикены, — пояснил Дирок.

Некоторое время Миррил непонимающе глядела в лысый, покрытый пигментными пятнами затылок телохранителя. Потом разразилась ругательствами. Она ему про серёзное, а он про какие-то «сюреекины» или как там их!..

— Скажи, почему каждый раз, как мы с тобой о чём-то пытаемся говорить, всё заканчивается скандалом? — спросил Дирок.

Миррил злобно сопела.

— Нет, ну серьёзно, разве так трудно нам говорить... — Дирок замолчал и резко повёл машину вправо (влево манёвр совершить нельзя было, так как на встречу ехала грузовая машина), объехав громадную выбоину в дороге. Попади в неё колесо машины — там бы и осталось. Но самое неприятное, правое зеркало заднего вида с треском отлетело, бок паровой машины прошёл в нескольких миллиметрах от телеграфного столба, слившегося с темнотой ночи. — Вот заболтаешь, блондинка недоделанная, и машину разобьёшь!

Рука Миррил, почему-то вцепившаяся в плечо Дирока, дрожала. И эта дрожь растекалась по плечу Дирока, словно электрический заряд по проводнику.

— Да не бойся ты, машина цела, а зеркало — не такая уж и страшная потеря, — попытался успокоить девушку Дирок.

— Дурак! — она расцепила пальцы и хлопнула по плечу, которое мгновением ранее было для неё защитой. — Мой сон... вернее, видение будущего... оно сбывается, — её голос был сдавлен, казалось, каждое слово вырывалось из рта с болью. — Сбывается не так, как во сне, но сбывается. Тогда мы с тобой спорили... и из-за меня ты отбил зеркальце о телеграфный столб...

— Фатум... — только и смог выдохнуть Дирок.

Миррил нервно рассмеялась. Этот смех поверг бы в уныние и самого бога смерти Ярука...

Дирок поборол мысль остановить машину. А вместе с этой мыслью он поборол и охватившее его чувство обречённости:

— Но ведь отбил я зеркальце не из-за тебя. Это всё выбоина в дороге!

Миррил не переставала нервно смеяться.

Глава 8: *Разбитые планы*

Извивающаяся лента дороги, окаймлённая рапсовыми полями. Мерный гул колёс и шум влетающего в открытые окна ветра.

— В общем, паниковать нам нечего, — размышлял Дирок. — Ну, отлетело зеркальце. Ну, подозрительно это похоже на твой дикий сон. Дальше что? Не бывает в этой жизни совпадений? Даже если не бывает... По крайней мере мы готовы к тому, что нас может ожидать. А заранее знать ухаб на дороге — вовремя его объехать...

Миррил внимательно слушала Дирока, не пропуская ни одного слова, смотря на него с надеждой, что на девушку-истеричку совсем не было похоже.

— Я вот что скажу, аппетитная задница, мы выберемся из этой передряги, — твёрдым, как калёная сталь из островов Каори, голосом заявил телохранитель. — Во-первых, у меня контракт — а контракты я всегда... ну, почти всегда выполняю. Во-вторых, мне самому подыхать-то и не хочется, даже за такую кралю как ты. Да, демона во плоти практически невозможно уничтожить. Но кто говорит, что его нужно уничтожать? Когда в воздухе парит орёл — кролик тихонечко себе отсиживается в норе... Первичный план с ДГР придётся отбросить. Там мы способны укрыться от легальных охотников за головами, но уж точно не от того урода. Ты спросишь, что нам остаётся делать? — Дирок сделал паузу, словно ждал чего-то от Миррил, но девушка молчала, глядя на него широко распахнутыми глазами, в которых плескались аквамариновые волны надежды. — Ты, должно быть, слышала о некоторых мелких

подземных поселениях? Бытует мнение, что в них живут изгои, психи, ненормальные и всё в таком духе. И знаешь что? Это мнение не такое уж далёкое от истины...

Миррил захлопала ресницами.

– Так вот, к ним мы не пойдём ни в коем слу... – Дирок осёкся и всмотрелся в левое зеркало заднего вида. – Клиноподобная чёрная машина, говоришь?

Девушка впала в оцепенение. Цепкие когти страха впились ей в горло – позади действительно ехала клиноподобная чёрная машина. Именно та, из вещего сна. И скорее не ехала, а догоняла...

– Ты слышишь меня? – не дождавшись ответа, Дирок влепил Миррил отрезвляющую пощёчину. – Садись за рычаги и гони во всю! Прямо гони, не мотыляй ей без надобности, поняла??!

Миррил дрожала, словно осиновый листок. Дирок отвесил ей ещё одну пощёчину, на этот раз повнушительней. Злость, хлынувшая в душу девушки вместе с кровью, прильнувшей к месту удара – вернули Миррил в чувства. Она вцепилась в рычаги управления – и как раз вовремя, так как Дирок их попросту отпустил и полез на заднее сиденье.

Звон стекла – это он разбил заднее окно. Несколько хлопков болтострела. Ругань Дирока. Опять хлопки. Миррил глядит вперёд. Что происходит за спиной – страшно думать. Хлопки смертоносного болтострела. Показалось, или о корпус машины что-то бумкнуло, словно вонзился болт? Хлопки. Остервенелая ругань. Пот заливает глаза. Взмокшие ладони сжимают рычаги управления. Кровь стучит в висках. Этот стук нарастает, заглушая собой всё остальное. Внешние звуки сейчас кажутся чем-то хлипким и отдалённым. Словно шелест травы или тихий щебет птиц сквозь сон. Бам, бам, бам – отбивает тревожный ритм кровь в висках. И в этой тревоге есть что-то умиротворяющее, спасительное – ведь кроме него, не слышно ничего больше...

Рука сильно сжимает плечо, трясёт. Завеса адреналинового возбуждения с треском рвётся, начинают проскальзывать звуки из внешнего мира. Эти звуки сливаются в слово «останови»!

Миррил потянула обе ручки на себя, выставив нейтральное положение. Плавно завела рычаг тормоза.

Машина остановилась.

– Сиди здесь, – приказал Дирок, перезарядил болтострел и выскочил на дорогу.

«Сиди здесь» – пронеслись его слова в голове Миррил. Смешно даже... Она бы в любом случае не вышла из машины... Страх намертво сковал её...

Дирок осторожно приближался к чёрной клиноподобной машине. Вернее, к тому, что осталось после её столкновения с телеграфным столбом. Осторожностью никогда не следует пренебрегать, но после такой аварии вряд ли кто-нибудь смог бы выжить... Столб прошёл свой смертоносный путь от переда машины (зашёл аккурат посередине клина) до бампера. Разумеется, пройдя вдоль всего салона. Сжатые и покорёженные части когда-то ровного корпуса, охватывали телеграфный столб объятьями смерти. Машину буквально разрезало столбом пополам – такой быстрой была скорость преследователей. Преследователей? Вряд ли среди того кровавого месива мяса и костей можно было что-то разобрать. Разве что забрызганный кровью и мозгами обрывок детской игрушки – голова, часть туловища и лапка плюшевого зайчика...

«Будь всё проклято, – с ужасом подумал Дирок. – Они ведь не отстреливались в ответ...»

Подавленный, он вернулся к машине, на водительском сидении которой по-прежнему сидела перепуганная Миррил.

– Ну ты и кобка, – прошипел Дирок Мистафилиус и заехал девушке кулаком в висок. Он не рассчитал сил: Миррил повалилась, как подкошенная. Из виска потекла кровь.

– И я тоже кобка, пришпахток недоделанный, – всё больше злился Дирок, глядя на потерявшую сознание девушку.

Он похлопал по карману, где держал сигаретты и разозлился до предела – свою пачку сигарет он вчера выкинул. И всё из-за этой паршивки Миррил. Что она с ним сделала? Столько лет Дирок жил своей жизнью, следовал своим идеалам... И тут появилась она – это чудовище в обличии голубоглазой красавицы блондинки. За столь короткое время она изменила его. Заставила разуверится в покойном отце. Из-за её тупого сна умерли невиновные люди. Дирок попытался утешить себя надеждой, что в машине могли быть и наёмники, а детская игрушка лежала у них в салоне вроде талисмана. Но от этой попытки оправдать своё чудовищное преступление – становилось ещё гаже на душе: какой душевнобольной наёмник будет использовать в качестве талисмана плюшевого зайца?..

Это всё она! Это порождение зла! Она сгубила десятки, а то и сотни невиновных людей, когда была способна творить магию. А сейчас? Её жажды убийства ищет новый выход. И она нашла его – совершать злодеяния руками простачка Дирока! Как же он всё-таки ненавидит эту блакню!

Подобные мысли сверлили мозг Дирока, когда он перетаскивал Миррил на заднее сиденье. Был даже момент, когда он решился задушить девушку, но вовремя опомнился. В глубине души Одноухий знал, что Миррил не виновата во всех человеческих грехах. Она капризная и избалованная, взбалмошная девица, но уж совсем не такое чудовище, каким в эти мгновенья представил её Дирок. Вернее, чудовище – не её главная сущность. Лишь небольшая часть. И если держать эту часть под замком, то девушка вполне даже заслуживает право на жизнь...

Дирок, конечно же, рад бы был бросить Миррил здесь, пока она без сознания. А контракт? В задницу этот контракт! Дирок уже как-то раз отказался выполнить до конца один контракт. И ничего в этом ужасного он не видит. Всегда найдутся новые наниматели, готовые заплатить хорошие деньги за менее рискованные услуги. Но... Если Дирок сейчас уйдёт, то Миррил... без него она не протянет и до вечера...

Неужели у черство-сердечного наёмника проклонулось что-то вроде сострадания к этой девушке? Нет, на Дирока это уж совсем не похоже!

Мысленно выругавшись и пожалев, что так сильно заехал Миррил в висок (она до сих пор не пришла в сознание), Дирок тронул машину с места.

Задуманный им путь так или иначе шёл через ДГР; мудрить и сворачивать с дороги не пришлось. Ехал себе и ехал.

Что-то на Дирока это совсем не похоже: совесть просто бурила его, выедала изнутри. И этот импульсивный удар в висок... Куда подевался хладнокровный и лишённый совести наёмник Одноухий? Тот, кто без лишних мыслей обрывал жизнь любого – виновного или нет – лишь бы хорошо за это платили! Тот, чье имя повергало в ужас того, кто волей несчастливой судьбы оказался в списке неприятелей и заказанных!

Ведь, по большому счёту, убийство людей в чёрной клиноподобной машине – лишь часть задания. Работа, которую нужно выполнять – свести к нулю любую угрозу жизни Миррил. А что Одноухий сделал? Свёл этот риск на нет, а потом сам причинил девушкеувечье – тем самым грубо нарушив условия контракта с графом Марконием! И вообще, после такого удара она просто могла не выжить...

Дирок остановил машину и повернулся к Миррил.

Девушка еле дышала. Из виска тонкой струйкой текла кровь.

– Приехали... – отчаянно выдохнул Дирок.

Съестные припасы на станции они купили, а вот про медикаменты как-то не подумали... Дирок перерыл всё в машине, но аптечки не нашёл. Благо, среди снеди живительной росой поблескивала бутылка крепкой настойки. Сперва смачно хлебнув из горлышка для успокоения расшатавшихся нервов, Дирок обработал пятидесяти пятиградусной настойкой и обмотал куском сорочки рану Миррил. Но этого недостаточно. Девушке нужен настоящий врач. После такого удара вполне может быть сотрясение мозга...

«Ну не родас фарлиный ли я?» – в который раз подумал Дирок. До пограничного пункта ДГР оставалось совсем немного. Вот-вот и вынырнут его красно-белые столбы за очередным поворотом. Дорога становилась всё оживлённей. Группа юнцов на мотоциклах улюлюкая и кичась обогнала с разных сторон их машину. Гонщикам есть чем выпендриваться – мотоциклы каждого имели магониевые двигатели. От этого и феноменальная скорость. Вздумай кто-нибудь из юнцов приделать к своему железному коню крылья – непременно бы воспарил в воздух...

Почему Дирок ударил Миррил? Был ли он действительно так расстроен смертью невинных людей (а может и наёмников)? Или просто это накопившаяся к Миррил злость выплеснулась наружу? Увы, Дирок не мог сам понять, что двигало им в тот злосчастный момент...

Но что бы это ни было, а результат оказался плачевный!

Вереница машин медленно вползала в распахнутый зёв пропускного пункта. Мимо столбов и колючей проволоки, мимо вооружённых болтострелами и огнемётами охранников, мимо служебных псов и бержимотов, натасканных в считанные секунды улавливать запах наркотиков. Медленно, но верно, машины проезжали без остановок на осмотр. Дирок прекрасно знал, что плановые проверки на пропускных пунктах проводятся приблизительно раз в пятнадцать минут. Конечно же, на неё попасть ему уже очень не хотелось. Лишние разговоры и выяснения не сулят ничего доброго...

Стоит ли удивляться тому, что произошло дальше? Ну не может никогда идти всё гладко! А учитывая то, что стоило Дироку вступить в обязанности телохранителя Миррил, как вообще всё пошло через одно место (в котором никогда не светит солнце), это уже не злосчастное совпадение, а жестокая закономерность...

Невероятно высокий и ещё более невероятно тощий брин, любовно поглаживая цевьё огнемёта, остановил машину Дирока.

– Цель вашьего визита, – на ужасном для северян южном наречии спросил таможенник, просовывая вытянутую голову в раскрытое окно и косясь на бессознательную Миррил с перевязанной куском сорочки головой.

– Едем навестить могилу усопшей бабушки, – сухим, как полежавшее под палящим солнцем яблоко, голосом ответил Дирок.

— Чтьо съ дьевкай твьоей? — задал логичный вопрос брин.

— Недавно мы попали в небольшую аварию, и она стукнулась головой о панель, — ёщё суще (хотя куда уж больше) выплюнул Дирок. — Видишь, зеркальце правое оторвано.

— Кровьавый слъед у дьевки нъа льевам висъке, — не унимался с допросами наблюдательный таможенник. — Обычна бывают льбом...

— Она ударила о рычаг тормоза, — невозмутимо ответствовал Дирок. В зеркальце заднего вида мелькнуло бугристое тельце бержимота. Обнюхивают машину, значит, пока этот неимоверно уродливый брин зубы заговаривает...

— Съер, я бы попросил въяс выйти из мъяшины, — произнёс стандартную фразу всех полицейских брин, которая ничего доброго сулить не могла по определению.

— Назовите, пожалуйста, причину, по которой мне следует выйти из машины, — Дирок сухо чеканил каждое слово, но в этой сухости горели нотки угрозы.

— Я ёщё ръяз попрашу въяс выйти из мъяшины, — ёщё настойчивей и твёрже произнёс брин. — В третий ръяз я просить нъе буду... — закончил он и с громким щелчком снял предохранитель огнемёта.

— Разве я могу отказать такому вежливому предложению? — спокойно произнёс Дирок и обжог таможенника ненавистным взглядом. Брин ответил взгляду насмешливой ухмылкой, уж слишком уродливо смотрящейся на его продолговатом лохматом лице.

— Съер, вы въ кюрьсе, што польномочья льегальных нъяёмников в нъяшьем Дъемокрътическом Госъюдарствье Рымбъяран нъе дъействытельны? — поинтересовался брин у стоящего возле машины, всего на взводе, что пружина, Дирока.

— Дъя, этъя мнье извъесна, — перекрывлял южное наречие наёмник.

— Тогда что ты у нас забыл, Одноухий, — донёсся из-за спины сиплый голос.

Дирок обернулся. За спиной стоял узкоглазый человек в штатском. Дирок видел его в первый раз.

— Дирок Мистафилиус, известный в кругах легальных наёмников как Одноухий, — произнёс человек. — Нас предупредили, что ты будешь пытаться пересечь границу. Не у каждого легала хватит смелости на такое, но ты, как нам стало известно, не из тех, кто отказывается выполнять заказы. Даже если твоя мишень под защитой Римбарана...

Дирок перевёл взгляд на брина — тот нацелил на него дуло огнемёта и покачал головой, мол, и не думай даже. Лицо его озаряла всё та же противная ухмылочка.

— Убери эту пукалку, сынок, если не хочешь себе навредить, — спокойным голосом порекомендовал Дирок.

— Нъе пюгъяй, убийца, пюгъянй я, — нашёлся с ответом брин.

Конечно же, он будет таким смелым, когда за его спиной появились, словно из воздуха, ёщё пятеро бойцов, вооружённых болтострелами и огнемётом.

— Одноухий, мы знаем насколько ты опасный человек, — тем временем продолжал говорить узкоглазый в штатском. — Но и мы здесь все не пальцем деланные. Попытается оказать сопротивление — наш ответ будет жёстким и окончательным...

— Должно быть, это какая-то ошибка, — Дирок сделал шаг назад, чтобы держать в поле зрения и говорившего с ним, и бойцов. — Я нанят не для убийства, а для охраны этой девушки, — он ткнул пальцем в лежащую на заднем сидении Миррил. — Она едет в Римбаран навестить могилу своей бабушки. Поскольку ваше государство, мягко сказать, не лучшее место для прогулок в одиночку, она и наняла меня в качестве эскорта.

— Нас так же предупреждали и о твоей сообщнице, — сказал узкоглазый. — Миррил, если не ошибаюсь, по кличке Чудовище. Она, пожалуй, тебе не уступает в кровавой славе...

«Вот ведь ублюдки, чтоб их, вот ведь грязные твари!» — подумалось Дироку. Вслух он сказал:

— Вы не понимаете, в Римбаран мы едем совсем не для злых умыслов. Ладно, не могилу бабушки проводать. Мы ищем в ДГР защиты от легалов. Вам всё соврали — лишь бы не дать нам попасть под вашу защиту. На нас, вернее на Миррил, объявлена охота! И мы просим убежища...

— Пожалуй, обычным людям я бы и поверил, — ответствовал человек в штатском. — Но поверить двум наёмникам... При чём один из них — легендарный Одноухий... Это было бы крайне непрофессионально с моей стороны. Боюсь, вам придётся здесь развернуться и поехать куда-нибудь в другое место. Двери в Римбаран для вас навсегда закрыты.

— Но вы не понимаете, они специально это всё затеяли! — Дирока переполняла дикая злость от бессилия что-либо изменить. Понятно, что уговорить таможенников задача невозможная. А пробиваться силой — смертельное безрассудство. Остаётся только смириться, как бы тяжело это ни было...

— У вас есть десять секунд, чтобы сесть в машину и уехать, — узкоглазый показал на пустующую дорогу из города.

— Девушка серьёзно ранена, — проскрипел зубами Дирок. — У нас нет медикаментов. Помогите нам хоть в этом...

— Я не бездушный зверь вроде тебя, Одноухий, — сказал узкоглазый в штатском и кивнул непропорционально длинному и худому брину с огнемётом: — Викровес, принеси им аптечку.

Викровес скрочил недовольную мину, но всё же выполнил приказ.

Дирок принял из его подрагивающих от напряжения рук аптечку. Сел в машину, так хлопнув дверью, что треснуло стекло.

И уехал.

Всё же не попав в Демократическое Государство Римбаран.

Замыслы Дирока обрушились, словно подмытый водой песчаный замок. И, если честно, он не знал что делать дальше...

Глава 9: *Единственно верный путь*

— Ты тупое, подлое, грязное, ничтожное, дрянное, паршивое, вшивое, мелкое, говяниное, ублюдочное, мизерное, бесхребетное, безъяицее, безчленное, дешёвое, двулиное, трусливое, идиотское, тупорылое, вонючее, колючее, блюющее, плюющее, мерзопакостное фарлинько!!! — такими были первые слова Миррил, когда она очнулась.

— А ты в форме, — ответствовал Дирок. Его бесстрастное лицо заискрилось радостью.

— Ну ты и мудак! — прорычала воинственная Миррил и въехала кулаком наёмнику прямиком в обрубок уха.

— Но-но-но-но, не надо этого, — Дирок поймал её кулак, намеревавшийся въехать в челюсть. Вторую руку он поймал лишь когда она отвесила ему смачную оплеуху. — Я понимаю, что заслужил, но не нужно переусердствовать...

Не долго думая, Миррил плюнула ему в лицо. Окровавленная слюна красноватым слизнем поползла вниз по грубой щеке наёмника.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дирок.

— Голова болит, — ответила Миррил и заплакала. Наёмник отпустил её ослабевшие руки.

— Вот, выпей их, — Дирок вынул из аптечки несколько разноцветных пилюль и таблеток. — Они отлично помогают... я знаю...

Миррил хотела было выбить лекарства из руки мучителя-телохранителя и ещё раз плюнуть ему в лицо, но в последний момент передумала, загребла таблетки и проглотила, запив водой из бутыля.

Некоторое время царило молчание.

Лекарство вскоре подействовало и чуть-чуть повеселевшая Миррил оглянулась по сторонам. Их машина стояла на обочине, вблизи колыхались желтоватые стебли рапса, чтоб их... Где-то вдалеке поднимался столб чёрного дыма.

— Миррил, мне тяжело признавать свою неправоту, — перебил молчание Дирок. — Тем более перед блондинкой...

Глаза девушки зловеще сверкнули.

— Но я признаю, что не следовало... Я погорячился... В общем, прости меня...

Миррил хотела опять плюнуть ему в лицо или заехать в обрубок уха, но то ли лекарства действовали слишком успокаивающе, то ли просто не могла она долго злиться на человека, который пожертвовал бы ради неё своей рукой, а потом и жизнью, и девушка просто устало кивнула, мол, не бери в голову, бывает...

— Но, к сожалению, мои самые плохие подозрения оправдались — тогда, на трассе, я грохнул невиновных людей...

— Кого? Чего? — непонимающе заклипала глазами Миррил.

— Та чёрная клиноподобная машина, в ней ехали не наёмники...

— Так вот почему ты решил меня убить ударом в висок? — Миррил почувствовала, как вновь начинает злиться. — Но я-то тут при чём?! И вообще, с чего ты так решил?!

— С того, что где-то час назад я познакомился с настоящими наёмниками на такой же самой машине, — признался Дирок.

— Что-о-о? — глаза Миррил округлились.

— О да, эти ублюдки оказались настоящей занозой в заднице. Я не знаю, они ли или нет... кто-то хорошо промыл мозги ребятам на въезде в Римбаран. В общем, нам туда дорога закрыта.

— Они мертвы? — зловеще спросила Миррил.

— Да, сожжены заживо в своей машинушке, — гордо признался Дирок. — Это от них идёт дым, на который ты так долго пялилась.

— Всё равно я тебя ненавижу, — зевнула Миррил и умостилась спать — подействовало снотворное. В полусознательном состоянии она пробубнила: — Ты со мной нежна, моя магия, я ж с тобою буду грубым волком...

— Ты теперь моя всегда, отныне, не сбежать тебе, моя красотка... — прошептал Дирок.

Средней загруженности трасса. Мелькающие телеграфные столбы и торчащие из краснозёма рыжеватые обрубки каких-то толстых стеблей, уж явно не рапсовых.

— Куда мы едем? — спросонья спросила Миррил.

— Как ты себя чувствуешь? — вопросом на вопрос ответил Дирок.

— Голова болит, — призналась Миррил.

— Выпей, — Дирок протянул ей заранее приготовленные таблетки. Как и в прошлый раз, девушка не стала противиться.

— Так куда мы едем? — стояла на своём Миррил. — Я помню, ты говорил про какие-то подземные города...

— Ах да, города... — вздохнул Дирок. — А ведь совсем недавно я хотел с тобой укрыться в Глимтаре... Там-то уж точно тот летающий урод до нас не добрался бы!

— Глим-что? — переспросила Миррил.

— Глимтар — мифический подземный мегаполис, в котором живут люди таких рас, которых ты даже в самых больных снах не видела. Принято считать его лишь красивой легендой, но один мой знакомый божился, что был там... И я скорее осквернил могилу отца, чем усомнюсь в его словах. Сикмэл никогда не врал... Туда-то уж точно никто не пришёл бы нас искать.

— Предположим, что твой Глим... как там его, существует. Предположим, что мне уже всё равно, куда ты меня решил везти, лишь бы сохранил мою «аппетитную задницу». Предположим даже, что я соглашусь туда поехать. Дальше-то что? Ты сказал, что *хотел* меня там укрыть. Что мешает это сделать?

— Видишь ли, по словам Сикмэла, единственный известный вход в этот мегаполис находится где-то в Ущелье Смерти. А оно, к несчастью, расположено в юго-западной части Римбараана...

— И что нам мешает туда попасть? — удивилась Миррил. — Мы ведь как раз направлялись туда. Кстати, долго ещё?

— Ты что не помнишь, я ведь тебе говорил, что в ДГР нам дорога закрыта, — Дирока бросило в холодный пот: бедняжка Миррил, у неё проблемы с памятью, это всё из-за него, придурка...

— Говорил? Должно быть, я на тебя так злилась, что прослушала, — отмахнулась Миррил.

— Ну а сейчас не злишься? — Дирок испытал облегчение: возможно, мозг девушки не так пострадал, как боялся наёмник...

— Да нет, вроде бы... — не покривила душой Миррил.

— Вот и прекрасно, — выдохнул Дирок.

— Ну, так куда, всё-таки, мы направляемся сейчас? — вопрошала Миррил. — Наверняка у тебя созрел уже какой-нибудь план...

— Я... я не знаю... просто едем по дороге и всё...

— Ты это серьёзно?

— Да.

Миррил ничего не ответила, зевнула и умостилась спать — подействовало снотворное.

Дирок решил пойти наперекор своим принципам и сделал привал. Выбрал для этого тенистую рощицу близ дороги. Его нервы были на пределе. Если бы оставалась та бутылка крепкой настойки, которую он уже давно израсходовал на перевязку Миррил и свой желудок, то сейчас с радостью бы осушил всю бутылку залпом...

— Слушай, Дирок, если мы с тобой не можем укрыться от того летающего уродца, то зачем от него вообще укрываться? — сквозь забитый едой рот спросила Миррил и запила соком.

— Ты к чему клонишь? — Дирок уже давно поел и, опёршись спиной о машину, наблюдал за парящим в небе то ли орлом, то ли стервятником.

— Да к тому, что если он нас ищет, то уж точно рано или поздно найдёт, — сказала Миррил и отправила в рот остатки сандвича с сыром и верблюжатиной. — Как я понимаю, ты с ним вряд ли справишься.

— Я, конечно, приложу все усилия, но, разумеется, мои шансы выйти победителем из битвы с при жизни проклятым ничтожно малы, — напыщенно признался Дирок и зачем-то почесал обрубок уха.

— Вот и я о том же... — глаза Миррил засияли. — Но не сидеть ведь нам и дожидаться, пока он не придёт по наши души?

— Не сидеть, а колесить повсюду, тем самым снижая риск столкновения... — поправил её Дирок.

— Но всё же этот риск есть, — не унималась Миррил. — И рано или поздно он найдёт нас. И убьет...

— Вполне вероятно, — пожал плечами Дирок. — У тебя есть какие-то конкретные предложения?

— Да, есть! — Миррил даже вскочила с постилки, словно этим пытаясь подтвердить серьёзность своих слов.

— Я весь во внимании, — вяло сказал Дирок. Ему разговор явно не нравился: что может предложить эта глупенькая голубоглазая блондинка с «аппетитной задницей»?

— Да, один ты его не одолеешь, но что, если и я вступлю в схватку! — заявила Миррил.

— Ты?! Аха-ха-ха!!! — у Дирока аж глаза заслезились. Вдоволь насмеявшись, он опять поднял взгляд к небу, но то ли орла, то ли стервятника там уже почему-то не было. Куда бы тот мог подеваться?..

— Я рада, что подняла тебе настроение и всё такое, — дав телохранителю насмеяться, продолжала Миррил. — Но ты забываешь, что когда-то я обладала такой силой, о которой тебе и не приходилось мечтать!

Улыбка вмиг соскочила с лица Дирока. Кажется, он начал понимать, к чему клонит бывшая магина.

— Этот подлый коротышка Горколиус отобрал у меня магический дар, — глаза Миррил загорелись нехорошим блеском. — Кому-кому, а ему я на самом деле желаю смерти... И с огромной радостью всажу кинжал прямо в его крохотное сердечко. Но для этого мне нужно вернуть магию. По правилам Ордена Восьми Старейшин, львиный скрипет с магическим даром хранится ровно восемь месяцев у того, кто его отобрал. Потом дар передают наиболее достойному претенденту. Ты уже понял, к чему я всё это говорю?

— Ты хочешь пробраться к Горколиусу и вернуть свою магию? — Дирок скривился, когда говорил это. Уж очень он не любил всех этих вшивых надменных магов с их сверхъестественными способностями. Но, какой бы сумасшедшей не казалась эта затея, она подавала хоть малейший, но шанс на победу. Ведь верни Миррил свою магию, шансы победить демона во плоти значительно возрастут...

— А заодно и уделать того дрянного коротышку! — бывшая магиня пнула пустой бутыль из-под сока. — Да так уделать, чтобы его крохотные частички тела разлетелись по всему Мистору! Эта мелкая тварь виновата во всём, что случилось со мной! Моя жизнь превратилась в сущий ад! В чудовищную карикатуру жизни! В исполненную страха, боли и страдания попытку выжить! Ненавижу его! Ох, как же я всё-таки его НЕНАВИЖУ!!!

— Я тебя даже в чём-то понимаю... — согласился Дирок. — Это из-за него Марконий нанял меня следить за твоей «аппетитной задницей». Я его тоже по своему ненавижу... Но, с другой стороны, если бы граф нанял кого-то другого, то ты давно бы уже была мертва...

— Чего? — удивлённо подняла брови Миррил.

— Ну... — замялся Дирок. — В общем, мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-то случилось...

— Ты что, смотришь на меня как на что-то большее, чем работу? — поразилась девушка. От Дирока она уж совсем не ожидала такого.

— Ну... — ещё больше смущился телохранитель. — Я к тебе... привык, что ли...

— Как в висок бить кулаком, так не привык, — сказала Миррил и тут же разозлилась на себя, ведь сказать она хотела совсем другое...

— Собирай остатки еды, — сухим, как пески Вечной пустыни, голосом проскрипел Дирок. — Нам предстоит долгая дорога. В Мистор.

Глава 10: *Про измену, способную изменить жизнь*

В ближайшем посёлке Малый Лантыр беглецы продали машину уж за очень низкую цену, чему нескованно возрадовался один фарк — неприлично толстый фермер с мозолистыми руками и кульёй на местеrudиментарной руки в низе живота. Его засаленное морщинистое лицо буквально лоснилось лукавством и счастьем. Он был так доволен, что даже не взял дополнительных денег за походный рюкзак, набитый снедью, одежду, тщательно отобранные по размеру из тряпья его многочисленной семьи, и пышный кучерявый парик со своей лысой головы. К совету перекрасить машину и сменить номера фарк отнёсся с большим пониманием...

Полагать, что марка машины и цифровой знак неизвестны наёмникам, охотящимся на Миррил — чистейшей воды тупость. Одно дело стремглав помчаться к Римбарану на машине, *позаимствованной* у убитых Дироком наёмников. Другое — возвращаться на ней же в Мистор. Город, кишащий легальными наёмниками, так и мечтающими урвать себе смачный куш, не приложив на поиски и малейших усилий. Конечно, от беглецов такого безрассудного поступка мало кто ожидает, если ожидает вообще. Но каждый уважающий себя наёмник обязательно изучает дела всех заказанных, поступающих в общую базу данных Гильдии Легальных Наёмников. А особо ответственные, так вообще делают слепки заказов на голопроекторы и время от времени изучают лица потенциальных жертв. Так что лишний раз искушать судьбу не следовало бы.

В парикмахерской «У Альбертиньо» дешёвыми и покрытыми кое-где ржавчиной ножницами неприятная на вид женщина в застиранном халате состригла Миррил её длинные волнистые волосы. С новой короткой причёской бывшая магиня стала похожа на красивого тринадцатилетнего мальчика-блондинчика.

После насилия над волосами, Миррил искала лишь одно утешение – баню. Ей так хотелось по-человечески помыться, попариться и привести, в конце-то концов, себя в порядок! На пути последнего утешения непреклонной горой возрос Дирок: нельзя принимать баню с травмой головы, пусть и заживающей. Дошло до истерики, но, как и всегда, Дирок успокоил Миррил силой и поволок в постоянный двор, в котором они сняли комнатку на одну ночь.

Бывшей магине пришлось довольствоваться убогими капельками общественного душа и куском дешёвого мыла, пахнувшего увядающими фиалками с примесью гуталина.

Вечером Дирок запер Миррил в комнате, чтобы та не вздумала побежать в баню или ещё куда. А сам отправился в ближайшую питейную – заводить знакомства с представителями местного воровского сословия.

Деревянные столики с облупившейся краской, густой, едкий дым дешёвого табака, кислое, что тысяча лимонов, лицо бармена, недоброжелательные взгляды отдыхающих и молоденькая грудастая официантка, наивно мечтающая встретить в этой дыре своего волшебного принца на белой паровой машине... В общем, всё как в любом баре захолустных городишек.

Дирок сел за единственный свободный стул у барной стойки между сизокожим толстяком человеком и карликом йорком, подложившим под тощий зад (если ту точку тела, на которой он сидел, можно было так назвать) стопку книг. Бармен нарочито не замечал наёмника, ведя с толстяком бессмысленный разговор про удой скота. Оказывается, в этом квартале козы дали молока на пять целых и две десятых процента меньше, чем в прошлом. Должно быть, причиной этому послужило отсыревшее сено, которым непорядочные фермеры пичкали бедняжек козочек. Ай-я-яй! Зато коровы в этом сезоне побили все рекорды...

Подождав немного, Дирок щёлкнул пальцем прямо перед лицом бармена, не излучавшим и капли заинтересованности удоем рогатого скота. Толстяк тут же умолк и вперил исполненный злобы бычий взгляд на наёмника. Бармен тоже повернулся, но лицо его оставалось таким же непроницаемо кислым.

– Графин светлой наливки и лимон, – приказал Дирок, игнорируя злобный взгляд сизокожего толстяка.

– Сегодня, энто, двойной тариф, – квакнул в ответ бармен.

– Графин светлой наливки и лимон, – повторил Дирок.

– У нас, энто, нет городской отравы, – поведал бармен и пожевал губами. – Яблочный, энто, самогон.

– Давай самогон, – кивнул Дирок.

– Как скажете, энто, как скажете, – и без того кислое лицо бармена сделалось таким, словно ему, бармену, весь мир был пожизненно должен. Потянув время, он всётаки поставил на стол стакан, бутыль самогона и миску с яблоками.

– Это не лимон, – наёмник кивнул на яблоки.

– Энто, тебе не городская рыгаловка, энто, знаешь ли, честная питейная, энто, – засуетился бармен, – двадцать пять красненьких с тебя, энто.

Дирок протянул три десятки. Налил полный стакан и повернулся к толстяку, всё так же по-бычий глядящему на него.

– Ну что, мужик, выпьем за знакомство? – спросил Дирок и плеснул до краёв самогона в пустующий стакан толстяка.

Фермер смешался. Злость в его взгляде постепенно сошла на нет, сменившись здоровым любопытством.

— А чё, чёб не выпить, коль человек хороший? — после мучительно долгих размышлений ответил он.

— И мне, и мне налей, — пропищал сидящий по правую руку йорк и протянул щупальце с пустым стаканом.

— А не рановато ли тебе, малыш? — спросил Дирок. На вид йорку не было и сорока лет — совсем ещё ребёнок...

— Он у нас, энто, пташка ранняя, — заступился за коротышку бармен и положил на стол пятёрку сдачи.

Дирок кивнул бармену, сделав вид, что не увидел купюру:

— А ты будешь, или на работе?

— Одну, энто, можно, — лицо бармена было всё таким же кислым, но в глазах загорелся огонёк.

— Ну, за знакомство мужики, — сказал Дирок, чокнулся со всеми и осушил стакан залпом. Крепкий самогон заставил его прослезиться, но это лишь от непривычки. А закусывать яблоком оказалось совсем и неплохо...

Вскоре они уже вовсю распивали бутыль за бутылью, заедая крепкое пойло яблоками. К ним присоединилась чуть ли не половина посетителей. А почему бы и не присоединиться, когда приезжий угощает? Коротышка йорк всё косился на пятёрку, лежащую на столе. В конечном итоге не выдержал, и, выбрав момент, когда, по его мнению, никто не видит, свистнул купюру себе в карман. От внимания Дирока это не ушло незамеченным.

У хмельных и дружелюбно настроенных собутыльников Дироку не составило труда разузнать, где можно добыть себе и своей подруге поддельные паспорта. Кроха йорк шепнул ему на ухо, что знает нужных людей (кто бы сомневался?) в соседнем городке Вакхан-Утур. Воодушевлённый щедростью угощений Дирока (и свистнутой пятёркой красненьких), йорк попросил у бармена телеграф (правда, за послание заплатил Дирок) и передал весточку кому следует. Вскоре получил зашифрованный ответ. Подлинное сообщение имело следующий характер: «Завтра вечером у здания центральной библиотеки заказчика будут ждать люди с уже готовыми паспортами. Всё, что будет нужно — лишь вклейте туда фотографии и поставить поверх печати, которые невозможно отличить от настоящих. Разумеется, за срочность и цену выше...»

Дирок вернулся в номер под утро. Дверь была открыта — кто-то взломал замок. Наёмника бросило в ледяной пот, крепкий самогонный хмель тут же улетучился, словно и не было его вовсе. Неужели эти твари добрались до неё? До бедняжки Миррил? Убили её во сне? Ох, нет, этого не может быть, нет! Нет! НЕТ!!!

Безуспешно борясь с наползающими, что стая остервенелых личинок на разлагающееся мясо, мрачными образами обезображенного тела девушки, Дирок шагнул в номер.

Миррил спокойно себе спала.

Не одна...

Страх сменился чем-то другим, не менее ужасным... Ревность? Да нет, разве мог Дирок ревновать Миррил? Это её жизнь, это её «аппетитная задница»... Между ними

нет ничего, кроме деловых отношений: он её телохранитель, она его подзащитная. Ничего больше. Но вот почему тогда так больно защемило сердце?..

Парень раскрыл глаза. Его разбудила сильно хлопнувшая дверь. Следом за ним проснулась и Миррил.

— Ты не говорила, что у тебя есть мужчина, — испуганно прошептал он.

— Он мне не... — начала шептать в ответ Миррил.

— Пошёл прочь отсюда, — прорычал Дирок.

Парень вскочил с кровати. Судя по подтянутому телу и лысой груди, ему было не больше восемнадцати лет.

— Я проходил мимо... — сбивчиво затараторил парень, — в дверь колотили... она сказала, что потеряла ключ... я... я хотел помочь...

— Ну и как, помог, молокосос? — Дирок сжал кулаки до хруста.

— Я... Миррил сама пригласила... я не знал, что вы...

— Пошёл прочь, — спокойно сказал Дирок, хотя внутри у него всё кипело.

Парень покосился на Миррил.

— Джошуа, будет лучше, если ты уйдёшь... — только и сказала она.

Джошуа схватил первое попавшееся из одежды и засеменил к выходу. Дирок освободил ему дорогу, но не удержался и вмазал хороший подзатыльник. Не оборачиваясь, парень дал драла, что только пятки сверкали.

— Дирок, я... ты... — шептала Миррил, — тебя долго не было, а он шёл с ночной смены. Мне было так одиноко... я была в отчаянии...

— Ну ты и ябранка, — только и сказал Дирок, повалившись на свою кровать. Хмель вновь вернулся в его голову, позволив забыться во сне.

А Миррил спать уже совсем не хотелось.

Ближе к обеду в дверь постучался сизокожий толстяк.

Путь до Вакхан-Утура длился не больше трёх часов. Фермеру, по его словам, как раз нужно попасть в город, купить кое-чего. Хотя, как показалось Дироку, толстяк просто хотел помочь своему новому другу...

Конечно же, машина фермера оказалась далеко не новой и комфортабельной, какой была машина наёмников. Старая модель с облупившейся краской и пятнами ржавчины. О магониевом зажигании даже смешно было и говорить — паровой котёл растапливался вручную. Скорость не превышала восьми фирм (что для такой развалюхи вполне даже пристойно).

Всю дорогу фермер бухтел об удое скота, о запасе сена, о поголовье кур и пискунов, об урожае рапса и пшеницы, о гибнущих от клещей кукурузных початках и тому подобных интересностях... Дирок время от времени кивал и соглашался. Миррил молчаливо смотрела в окно.

Машина прибыла к центральной библиотеке Вакхан-Утура, когда солнце ещё светило вовсю. Дирок горячо поблагодарил фермера, они по-брратски обнялись. Толстяк плотоядно подмигнул Миррил, сел в свою развалюху и уехал.

На Дироке более чем нелепо смотрелся парик с длинными черными кучерявыми волосами. Свой бордовый кожаный плащ он сменил на затёртый голубой комбинезон фермера. Поверх парика натянул широкополую соломенную шляпу. Своим дорогим сапогам с металлическими набойками он достойной замены в посёлке Малый Лантыр не

сыскал. Меч, болтострел и обрез он спрятал в походной сумке. В Чикроге оружие носить не запрещалось, но лишнее внимание это благое дело всегда привлекало.

Миррил сменила походную куртку простецкой мужской одеждой – джинсовые штаны, красная в чёрную клетку рубаха и кожаные мокасины. Голову повязала вишнёвого цвета банданой, на нос напялила солнцезащитные очки-капли. Если не присматриваться – обычный себе подросток со склонностью к сомнительной самореализации. Таких миллионы…

Было время осмотреться вокруг. Возле библиотеки находилась широкая площадь, мощенная оранжевым кирпичом – наверняка центральная. Без какого-либо порядка, из просветов между кирпичами то и дело торчали длинные и тонкие деревья с пышной треугольной листвой и красными мелкими ягодами. Было ли так задумано декораторами города, или просто деревья сами себе проросли из устланной кирпичами земли – узнать достоверно не предоставлялось возможности. Хотя через некоторое время Дирок всё же отметил некое подобие закономерности в расположении диковинных деревьев.

Вообще, город буквально полыхал архитектурной безвкусицей, которая по отдельности смотрелась уж слишком уродливо, но цельная картина полнилась своего рода шармом. Нелепые несоответствия стилей способны ввести в заблуждение даже искушённых знатоков. На одной улице могли, к примеру, уживаться: угрюмые квадратичные здания современных стилей; светлые здания с округлыми окнами и высокими стрельчатыми крышами,ственные южной культуре времён Упадка; куполообразные здания с лепными статуями древних божеств времён Начала Религии. Про цветовое несоответствие зданий даже смешно говорить: до абсурда не сочетаются ярко-красные и синие стены, позолоченные крыши и фиолетовая черепица. Всё это громоздилось друг на друге, стояло рядом без намёка на планировку, одни здания закрывали собой другие, словно боролись за место под солнцем.

«Пёстрый до умиляющей бессмысленности экзотический лес зданий» – почему-то подумалось Дироку.

Миррил плелась за Дироком, что твой провинившийся котёнок за надутой мамой-кошкой. Она ничего не говорила, только глядела по сторонам и вздыхала – Вакхан-Утур многим напоминал ей родной Видрин…

Прогулявшись по городу, перекусив в крохотной забегаловке общего питания (разумеется, не обмолвившись друг с другом и словом), беглецы вернулись к центральной библиотеке.

Их там уже ждали. Худой человек в сером плаще и горбатый брин в серой набедренной повязке. Иссиня-чёрная шерсть брина была длинной и густой. Такая бывает только у полукровок – отпрysков порочной связи между человеческой женщиной и брином. Женщины бринов, кстати, от людей не способны забеременеть. Густоты шерсти полукровке хватало не обращать внимания на северный вечерний ветер.

Человек с брином-полукровкой ничем не выделялся из толпы: лица просты, не броские, без запоминающихся черт. Даже полукровка, по происхождению обречённый на незддоровое внимание, имел уж слишком стандартный вид. «Именно такими и должны быть истинные преступники» – подумалось Миррил.

Всё прошло на удивление затянуто. Долго петляя по подвальным коридорам библиотеки, мошенники отвели беглецов в узенькую комнату. За всё время они успели обмолвиться с заказчиками лишь условными приветствиями и сухим обсуждением цены

за услуги (деньги, кстати, пришлось заплатить наперёд), после чего сохраняли суворое молчание, время от времени показывая путь.

В комнате светил яркий электрический свет, стены и потолок были выкрашены тёмно-синей глянцевой краской, пол покрыт бардовым линолеумом, из стены торчала толстая доска – по всей видимости, рабочий стол. На «столе» громоздился продолговатый прибор, о назначении которого ни Дирок, ни Миррил не имели и малейшего представления. Да и не хотели. Над «столом» громоздились стеллажи, забитые множеством колб с разноцветными жидкостями, яичками и коробочками.

В самом центре комнаты треногой возвышался фотографический аппарат. Первым сделали снимок Дирока. Потом и Миррил.

Дальше начался мучительный в своей медлительности процесс проявления фотографических оптопластины. Яркий электрический свет погас. Зажглась тусклая оранжевая лампа, разбрасывающая неприятный свет по и без неё не внушающей доверия комнате. Горбатый брин-полукровка достал из фотографического аппарата оптопластины памяти, подошёл к рабочему столу и принял монтировать их в пустые лотки продолговатого аппарата. Его коллега находился по другую сторону стола, деловито заливая в ванночки негативы и позитивы. В руке брина сверкнула пипетка с переливающейся всеми оттенками красного жидкостью. Не нужно быть гениальным сыщиком графом Шарлотом Холманиусом, чтобы узнать в этой жидкости магоний – самое дорогое и эффективное топливо, заправленное магией. Одна тощаяолосатая рука умело открытила крышку продолговатого прибора, вторая выдавила крохотную каплю магония в отверстие. Раздался шипящий звук, комната наполнилась неприятным серным запахом. Тощаяолосатая рука с тем же проворством закрутила крышку, а вот запах остался.

– Почему мы стоим здесь, как два идиота? – шепнула Миррил Дироку, всё это время успешно её бойкотировавшему.

Видимо, наёмник сам задавался этим вопросом, поэтому не стал отмалчиваться:

– Эй, ребята, нам тут так и стоять? – громко спросил он, акцентируя внимание на слове «стоять».

– Ах, что, а? – словно очнулся от мари человек, макавший оптопластину в негатив.

– Вы здесь? Разве я не говорил вам подождать в коридоре?

– Эээ, нет, – в один голос ответили Дирок и Миррил.

– Ну так подождите! – нетерпеливо взвизгнул мошенник. – Не видите, сколько нам ещё работы? Не отвлекайте...

– Там у вас ничего не испортится, если мы выйдем? – спросил Дирок, прикинувший проведенное в комнате время.

– Что? А, нет, магоний уже залит, – отмахнулся человек. Его угрюмый коллега брин-полукровка, казалось, даже не слышал их разговоров – так был поглощён работой.

Дирок щёлкнул засовом дубовой двери, в глаза ему впился яркий свет электрических ламп коридора. Следом вышла Миррил.

Они простояли у дверей не меньше двух часов. Когда терпение полностью исчерпало себя, и Дирок уж было решил выбить дверь – скрипнули петли, и на свет электрический явился человек. В руке он держал две маленькие книжечки в кожаном переплётё – подложные паспорта с государственными печатями поверх фотографий беглецов. Дирок осмотрел документы, счёл их качество удовлетворительным (хотя

видал он и лучшие подделки – в этих водяные знаки какие-то размытые, оттенок краски светлее стандартного, но, в принципе, за настоящие сойти могут...)

На этом и распорошились. Брин-полукровка из комнаты так и не вышел повидать довольные лица заказчиков.

Ночь властвовала над Вакхан-Утуром. Безоблачное тёмное небо скалилось мириадами бледно-красных зубиков звёзд. Ни одной зелёной точки спутника, порочащей её власть над городом... Но самое поразительное, из-за горизонта по синусоиде быстро поднимался пунцовый семиугольник луны. Это было поистине величественное зрелище. Он, словно наместник ночи, вышел осмотреть её владения и указать всем бренным наземным обитателям их ничтожное место. Чтобы они знали, какими крохотными, мелочными и ни на что не способными они кажутся с его космических высот. Достигнув зенита, спутник сбросил скорость и принялся стоять на месте, как казалось наблюдавшим его величие людям, зверям, насекомым и демонам (а на самом деле, выполнял очень медленное вращение по спирали, в сторону заката).

– Как красиво, – вздохнула Миррил, глядя на неправильной формы семиугольник луны.

Дирок только и сделал, что пихнул её локтем, мол, нечего ворон считать, нужно идти.

Ещё днём, гуляя по пёстрым улицам Вакхан-Утура, Одноухий разузнал у прохожих местонахождение монорельсового вокзала. Северная часть города, бульвар Тампора Зелёного, 36/е. Пешком идти минут тридцать-сорок. Благо, напротив библиотеки (возле дома терпимости с обещающей неземные радости надписью «Адель и дочери») стоял извозчик.

Гремя о каменную кладь дороги, поскрипывая и пошатываясь, старомодная двуколка, запряжённая верблюдом, доставила беглецов до станции.

Билетное окошко не работало. Открыться должно в шесть утра. Пришлось идти в зал ожидания. Так уж вышло, что без приключений не обошлось.

В тускло освещаемом масляными лампами зале ожидания ошивалась шумная компания молодых фарков. Их когда-то пёстрые, теперь выцветшие, потёртые и засаленные одежды просто кричали о принадлежности молодчиков к низовому быковскому сословию. Жирную точку, а вернее даже восклицательный знак, в этом крике ставила мутная самогонная брага, распиваемая прямо из горлышка. Никто бы и не удивился, узнай, что молодчики никуда не собираются ехать, а просто гуляют себе под уютной крышей зала ожиданий...

Разумеется, у жаждущей и дальше дышать воздухом без помощи лёгочных катетеров вокзальной охраны (которой, кстати, нигде не наблюдалось), прогнать морально павших гуляк желания как-то не возникло.

Будет более чем наивно предположить, что разодетый в фермерский комбинезон Дирок с широкополой соломенной шляпой и торчащими из-под неё длинными курчавыми волосами парика, и уж тем более Миррил, похожая на пай-мальчика-блондинчика – не привлекли к себе внимания выпившей толпы. Стоило беглецам только зайти в зал ожиданий, как один из фарков тут же дёрнулся в их сторону, но товарищи его остановили.

Но крепкая семидесятиградусная брага дело своё хорошо знает, и вот уже самые миролюбивые из пьяничуг возжелали боевых подвигов.

Дирок всё время не спускал с них пристального, напряженного взгляда. Стоило фаркам сдвинуть с места свои жирные зады, как он приказал Миррил спрятаться за его спиной и ни при каких обстоятельствах не высываться.

– Ах-га-га, смотрите, пацаны, сельское быдло в городе, ах-га-га, – забрызгал слюной самый смелый (или самый пьяный) фарк.

Дирок молчал. Их было семеро.

– Где такую соломинку взял? – подхватил другой. – Сам вязал? Защищает от солнца на плантации рапса? Дай поносить.

Дирок не пошевелил и мускулом.

– Эй, пацаны, да он ведь меня на парз послал!

– Точно! – подхватил третий. – Ты кого, кобковая морда, посылаешь? Ты кого, шкурлесос, посылаешь?

Самообладанию Дирока можно было только позавидовать. Он всё так же стоял, расслабленно и неподвижно, не проронив и слова в ответ.

– Я с тобой, блакня, разговариваю! – фарк потянул толстые, что сардельки, пальцы к лицу наёмника. – Парздец тебе, мулёк!

– А-а-а-а-а! – у Миррил сдали нервы.

– А-а-а-а-а-а-а-а!!! – вторил ей фарк, глядя на свои переломанные пальцы.

– Пацаны!!! Наших мочат!!! – завопил его кореш и навалился на Дирока.

Худой и длинный «фермер» должен был распластаться по кафельному полу под внушительным весом напавшего. И в какой-то момент он уже начал было клониться к земле. Но в то же мгновение Дирок изогнулся так, что любая змея ему бы позавидовала. Он опять стоял прямо – всё так же расслаблено на первый взгляд. А навалившийся на него фарк лежал в нескольких метрах от него на лопатках, визжал, аки недорезанная свинья.

Раздался звон стекла – самые смышлённые фарки сделали «розочки» из недопитых бутылок. Здесь уже не до рыцарских поединков. Они сами напросились...

Точный и брутальный удар ногой с раскрутки – прямо в висок молодчику. Фарк повалился, словно жирный мешок с навозом, заодно стукнувшись головой об угол деревянного кресла, на котором ранее сидела и миролюбиво ждала шести утра Миррил. Резкий толчок пальцами в кадык – схватившись за горло, брызжа изо рта кровью, выпучив глаза, словно они вот-вот выпрыгнут из орбит, яркий представитель быковского сословия повалился на кафель. Свист рассекаемого стеклом воздуха. Дирок не успел полностью увернуться, и «розочка» вскользь полоснула ему живот. За это фарк поплатился сполна – указательный палец Дирока глубоко вошёл ему в глазницу. Вместе с чудовищным криком из пухлого рта, из глазницы вытек белок глаза. Этот крик словнопротрезвил остальных драчунов. Как кувалдой по голове, до них дошла суть происходящего. Это всё уже не пьяные шутки. Здесь речь идёт не о банальном мордобое, а о жизни и смерти.

Фарки побросали «розочки» и взмолились о пощаде. Дирок подарил им такую возможность, приказав убраться куда подальше, а заодно и унести своих раненых товарищей. Всё было исполнено без промедлений. Держащийся за горло и плюющийся кровью фарк ушёл на своих двух, пусть и шатаясь, словно сухопутная крыса на судне во время шторма. Получившего пяткой в висок и заодно долбанувшегося об угол сиденья пришлось тащить под руки – он еле-еле передвигал ногами. Вообще-то, не будь он так

пьян, от подобных ударов давно бы отдал богам душу. Лишившегося глаза фарка двое товарищей взяли под ноги и руки. Он всё-таки дышал, но был без сознания.

Совсем скоро зал ожиданий опустел, если не считать двух беглецов, направлявшихся в сердце страны, от которого они, собственно, и бежали – в Мистор. Дирок осмотрелся вокруг: не было намёка на «проснувшихся» охранников вокзала. Судя по всему, той ночью никто из них не выходил на дежурство. Случилось так, что лишних свидетелей жестокой драки не оказалось.

А посему, Дирок и Миррил просто пересели на другие кресла – подальше от лужиц крови – и принялись ждать открытия билетной кассы.

В начале седьмого открылось окошечко, и Дирок по подложным паспортам без проблем и лишних разговоров приобрёл билеты в Мистор.

– Счастливого пути вам с сыном, мистер Чвак, – пожелала улыбчивая кассирша жупатша.

– Спасибо, – улыбнулся в ответ «мистер Чвак» и направился на перрон, махнув угрюмому «сынишке» следовать за ним.

Локомотив прибыл в восемь часов двенадцать минут по вокзальному времени. Ровно в половину девятого он отправился в путь.

В Мистор ехало возмездие...

Часть 2. Да покараны будут виновные!

Глава 11: *Горячее приветствие у вокзала*

Трипарон со своим бравым отрядом выполнял запланированный обход улиц. Стояла жара. Он снял командирский шлем с жёлтыми опознавательными полосами и вытер платком пот с лица. Его верный помощник Диркак вторил примеру командира. Опознавательные полосы на шлеме помощника были серыми. У остальных в отряде полосы отливали белым. Похожая ситуация различий, хоть и в другой цветовой гамме, наблюдалась в «жетонах власти» на их грудях. У командира девятилучевая звезда блестела серебром, в её центре инкрустирована дубинка из хризолита. У помощника звезда и гравированная дубинка на ней отливали на солнце ослепительным серебряным блеском. У простых патрульных такой же знак отливал золотом. Да что отливал – их жетоны и были сделаны из золота! В столице страны, контролирующей половину мировых продаж магония, понятия о драгоценных металлах весьма искажены...

Уже были проверены улицы: Червлённая, Индустральная, имени генерала Тилана, Восьми Старейшин, Серых Молильщиков. Оставалось обойти улицы: Вторая Слабитская, Третья Слабитская, Чашечная, Лесная и Малая Литария.

Настроение у Трипарона было вполне себе нормальным, несмотря на постоянно всплывавший перед глазами образ ужасного магического чудовища, навсегда отбившийся в его памяти. Как такое уродливое, смертоносное и жестокое существо способно жить в столь хрупкой и красивой девушке? Увы, не на все вопросы суждено найтись ответам.

Обход не предвещал ничего особенного. Обычный рабочий день. И пусть страх перед ужасным существом стойко держался в душах патрульных – занятие своим

привычным делом обильно засыпало его песком рутины. Хоть и не навсегда, но всё же...

На улице Чашечной, что располагалась в сотне метров от центрального вокзала, Трипарон впал в ступор. Он хорошо поморгал, потёр глаза, но от этого легче не стало. Да, это был не мираж, вызванный засевшим в душе страхом. Это была действительность! Как можно забыть симпатичное лицо той магини? Пусть сейчас одета она была как склонный к индивидуализму мальчик, длинные волосы были сострижены, а глаза скрывали широкие очки-капли?

Нет, не зря Трипарон стал командиром – бандитов он узнавал под любым гримом!

Они стояли в конце квартала. Других людей на линии огня не было, если не считать сидевшего под стеной закрытого на переучёт магазина «Рыба, мясо» бродягу со стаканчиком для подаяний. Разодетая мальчиком Миррил о чём-то горячо спорила с высоким и худым фермером в широкополой соломенной шляпе. Стоит отметить, что при разговоре с Миррил, прямо перед тем, как отобрать у неё магический дар, Горколиус соврал: никто с девушки не снимал обвинений как с «лица дипломатически неприкосновенного». В этом попросту не было нужды – всё равно, по его представлению, в городе она появиться могла лишь в качестве трофея экзекутора, да и то – лишь в виде головы, отдельной от туловища. А поэтому-то Трипарон и не стал проходить мимо (хотя ему этого очень хотелось). Он поборол в себе страх и приказал бойцам подготовиться к схватке.

– Опасная преступница Миррил и её сообщник! – низким, пронизывающим до мозга костей голосом завопил Трипарон. – Немедленно поднимите руки вверх и отдайтесь на милость правосудия! Любое другое действие будет подавлено силой!

Голос, столь неприятно знакомый... Миррил тут же вспомнила: лежащий изуродованный труп патрульного Фикара у её голых ног, прячущиеся за плексигласовыми щитами полицейские всё ближе, болтострел в её непривыкших к оружию руках, и голос. Этот низкий, сверлящий, отбивающийся в душе незыблемым пониманием истины голос: тебе никуда не деться, детка, твоя песенка давно уже спета...

– Они прячутся за плексигласовыми щитами, – вытянул Миррил из пропасти мрачных раздумий Дирок, поднимая руки. – Бой дать не удастся. Придётся бежать. Видишь, там людное место. Готова?

Миррил едва заметно кивнула.

Трипарон в окружении бойцов медленно приближался.

– Сейчас! – Дирок схватил девушку за руку и помчался к вокзальной площади. Навстречу предательски подул тёплый ветер и сорвал с головы наёмника соломенную шляпу вместе с париком, обнажив лысину.

– На повал бить, тварей! – заорал Трипарон.

Раздались хлопки; смертоносными насекомыми зажужжали в воздухе болты. По стремительно мчащимся прочь мишеням не так-то легко попасть. К тому же, следует целиться внимательно, чтобы не задеть никого из людей, в панике заметавшихся по площади. Но всё же, всё же... метко пущенный Диркаком болт достиг своей цели – спины бывшей магини. Девушка издала обречённый крик, её ноги подкосились, но Дирок не дал упасть, подхватил на руки и помчался дальше. В самое сердце перепуганной толпы. Там-то они были в безопасности. Хоть и на несколько секунд.

Но жизненно необходимых секунд...

Канализационный люк!

Дирок бросил Миррил на землю и дёрнул крышку. Заклинило. Ржавая тупая железяка! Ей, должно быть, не пользовались сотни лет! Ещё одно дикое усилие воли, воплощённое в напряжённых до предела мускулах наёмника. Ничего... Святые Уродцы всё изрежь! Изрежь! Точно! Дирок вынул из рюкзака (утыканного болтами, как подушка для иголок) меч и со всего маху ударил лезвием по ржавому люку. Часть старого металла разошлась. Ещё удар. Ещё. Ещё! ЕЩЁ!!! Меч треснул, но всё уже было сделано: обломки люка посыпались в разверзшуюся пасть канализации. И вовремя – бойцы под предводительством Трипарона наступали. К тому же, толпа редела на глазах. Ещё мгновение, и откроется отличная линия для обстрела...

Залп. Но болтам было суждено закончить своё кратковременное существование в кирпичной стене и кафельном полу, вздымая в воздух облачка строительной пыли. Дирок нырнул в зёв канализации, втащив за собой бессознательную Миррил. Обветшалый деревянный шест с зазубринами для рук и ног был скользким и вонял крысиной мочой. Одной рукой Дирок держал Миррил, второй рукой и ногами пробирался в тёмную и вонючую глубь канализационного спасения. Это было тяжело. Непомерно тяжело. Одно неверное движение, один раз неправильно поставленная рука, или случайно соскользнувшая с зазубрины нога – и Миррил может сорваться вниз. А Дирок? Да, пожалуй он как-то умудрится удержаться... Но ведь девушка сейчас так беззащитна. Её жизнь опять в его руках. В который раз это? Не важно...

С овального пятна света вверху доносились выкрики, злобным эхом отбивающиеся от широких канализационных стен. СЮДА, ЗДЕСЬ, СТРЕЛЯЙ! – грозно разносилась они в аккомпанементе хлопков болтострелов. Ох, как же хорошо, что всё освещение в этом месте сгнило лет пятьдесят назад. Никто не стал утруждать себя заменой электрических ламп. Да и смысл? Ведь менять пришлось бы и проводку...

Дирок лез на ощупь, а патрульные стреляли вслепую. Это спасло ему жизнь. Одноухий добрался до осклизлого пола в целости и сохранности. Шлётая по зловонным лужкам, держа на спине Миррил и норовящий сползти походный рюкзак, он помчал в спасительную темноту канализации.

«Я туда не полезу!» – отчёлтивей всех донёсся голос Трипарона. – «Объявим в розыск».

Трипарон, да и все его подчинённые решили, что лезть в канализацию не стоит. Перед глазами каждого стояло ужасное чудовище Миррил, разодравшее на их глазах Фикара и с десяток ни в чём неповинных случайных прохожих. Пусть уж по нечистотам кто другой полазит. Приключений на сегодня с головой хватит. Диркак начал было хвастаться, что прострелил магине спину, и что, вероятно, она уже богам душу отдала. Но командир быстро охладил его пыл крепким словцом и еле удержался, чтобы не дать ему затрещину. Трипарон напомнил всем сколько болтов они всадили в то чудовище при первой встрече – той твари всё нипочём было. Наивно полагать, что какой-то вшивенький болтик способен уничтожить такое мощное чудовище. (Откуда же знать простым смертным о действиях Ордена Восьми Старейшин? О том, что у Миррил отобрали её магический дар? О том, что она беззащитна, одинока и все желают её смерти?..)

Патрульные вернулись в полицейский участок и доложили о случившемся. Уже к вечеру почти на каждом столбе, доске объявлений, стене – красовался весьма похожий портрет Миррил (памяти на лица Трипарона можно только позавидовать) и

приближённый портрет Дирока, хотя основные черты были подмечены точно – обрубленное ухо, длинный тонкий нос, лысина в пигментных пятнах и красных точечках прыщей. Под фотографиями кровавыми жирными буквами стояло клеймо РАЗЫСКИВАЮТСЯ. Чуть ниже такими же кровавыми буквами, но меньшим шрифтом значилось ОСОБО ОПАСНЫ. Далее шёл чёрный текст средним шрифтом:

«Ответственная за смерть двенадцати граждан Мистора (включая четырёх полицейских!) преступница Миррил на свободе. В сопровождении опасного сообщника. Любая помощь в их поимке будет вознаграждена на должном государственном уровне».

Посыл гражданам заканчивался жирным красным УБИЙСТВО НЕ ЗАПРЕЩАЕТСЯ с соответствующими подписями и штампами, подтверждающими легитимность объявления.

А изрешечённый болтами труп бездомного возле магазина «Рыба, мясо» убрали на следующее утро. Чистильщики бросили его окоченевшее тело в контейнер мусоровозки. Как и любое другое тело подошедшего на улице животного...

Глава 12: *Вонь – не самое плохое в этой жизни...*

– Где я? – дрожащим голосом спросила Миррил. – Что это за ужасная вонь?

– Не волнуйся, аппетитная задница, всё в порядке, мы в безопасности, – отозвался из темноты спокойный голос Дирока.

– Где мы? – повторила Миррил.

– В канализации Мистора, где же ещё так может вонять? – чуть раздражённо ответил Дирок. – Знаешь, говорят, мол, человеческий нос со временем способен привыкнуть к запаху. И, допустим, через минут десять-двадцать ужасный смрад можно уже не различать. Этим свойством, как известно, не обладают брины. Их нюх невероятно развит. Другой вопрос, что и вонь они воспринимают совсем по-другому, не так, как мы. Она им не противна. Вот не знаю, может, в моей крови течёт немножко бринской? По части улавливания вони. А человеческая – испытывает к ней отвращение? Кто теперь скажет, чем там моя прабабушка прославиться могла... Эта сраная вонь! Она всё не проходит!

– Мне тоже воняет ужасно, – призналась Миррил. – Как мы сюда попали? И, Святая Ненависть всё испепели, почему у меня так болит спина?

– О, это долгая история... Ты хоть помнишь, что на нас напали патрульные?

– Такое забудешь... – вздохнула Миррил. – Они что-то нам орали. А потом я здесь глаза открыла. Вернее, очнулась – тут темнота такая, что от глаз толку никакого. И эта боль в спине...

– А тебя, детка, подстрелили...

– Как?

– Как, как? В спину!

– И почему я не мертва?

Не будь так темно, Миррил бы увидела трогательное лицо Дирока. Такое лицо взрослые делают, когда их детки несут несусветную чушь, и они, взрослые, умиляются ею. Мол, какие вы, детки, ещё глупенькие, как же вы мало ещё в этой жизни знаете... Но ничего, мы есть рядом. Мы будем вам помогать...

Кстати, в таких случаях, обычно, сами взрослые нуждаются в помощи детей...

– Ты уже и забыла, что нателка, которую я заставил тебя носить под одеждой, на самом деле контрабандный бронежилет из Республики Теней? – спросил Дирок разжёывая каждое слово, словно говорил с умственно-отсталой.

– Да пошёл ты, – надулась Миррил. – После того, как ты мне чуть череп не раскроил, мужлан необтёсанный, я вообще удивляюсь, как помнить хоть что-то могу!

– Ты мне о моей промашке теперь до конца дней будешь вспоминать? – в непроницаемом голосе Дирока появилось что-то похожее на зародыш обиды. – И это после всех тех раз, как я спас твою аппетитную задницу от возмездия Святой Ненависти или во что ты там себе веришь?

– Погоди, погоди, – воодушевилась Миррил. – Кажется, я слышала крики, ругань, лязг металла и твои причитания… Святым Уродцам. Вот это я помню. Но была темнота, такая, как здесь. И болела脊на. Да, и грудь болела от чего-то костлявого – ты, наверное, нёс меня на плече! Ха-ха! Атеист ты наш! Что теперь скажешь?

– Что скажу, что скажу, – пробурчал себе под нос Дирок. – Нахватался от тебя дурни всякой, вот и выскочило само собой…

– А может быть, нет? – Дироку показалось, или действительно в темноте хищно блеснули глаза Миррил? – Может быть, ты всегда в них веришь? Просто пытаешься заставить окружающих думать, что нет? Что ты скрываешь? Зачем прячешься в своей скорлупе? И вообще, нужно было сразу догадаться: как можно не верить в богов, но в то же время верить в Фатум?

– Слушай, Миррил, – Дирок пытался держаться спокойно, но его голос предательски подрагивал от гнева. – Ты копаешься во мне, как хирург-практикант в кишках своего первого пациента. Ты думаешь, что можешь понять меня, найти слабину, хочешь схватить меня за это больное место и не отпускать. Держать, крепко сжимать, причиняя боль. Но, как и тот практикант, ты не сможешь увидеть главного в меру своей недалёкости. У пациента больны не кишки, в которых так тщательно копаются… И вообще, знаешь что? Иди-ка ты к Чёрту со своими анализами!

– К Чёрту? – поразилась Миррил. – Так ты ещё и многоверец?..

– Зачем ты это делаешь? – спросил Дирок. – Зачем? Что я тебе сделал? Я ведь только хочу сохранить твою соблазнительную задницу в целости и сохранности. Чтобы какой-нибудь новый молокосос Джошуа её хорошенько выфарлил! Зачем ты лезешь мне в душу? Не лезь в неё. Никогда больше не лезь. Я прошу тебя…

На какое-то мгновение, Миррил стало жалко наёмника. Но лишь на мгновение – возобновилась боль в спине (на которой, если бы не Дирок, сейчас вместо громадного синяка красовалась бы смертельная рана). И эта туповато-ноющая боль в голове, особенно в левом виске – всё не давала забыть тот удар костлявым кулаком. Нет, мучитель не заслуживает на прощение! Он должен получить сполна!

– Совмещать столь радикальную религию как Христианство и истинное учение о Святых Уродцах… Да ты, батенька, болен на всю голову. Понятно теперь, почему притворяешься атеистом…

– Замолчи, – взмолился Дирок. – Перестань.

– О нет, дружок, я только начала! Я тебя насквозь вижу. Лицемер и трус – вот кто ты на самом деле.

– Замолчи…

– О да, в самое яблочко! Все свои проблемы ты привык решать ложью и кулаками. Все, кто возражают тебе – могут погибнуть от одного единственного удара. Да, конечно

же! Самый трусливый из всех поступков – УБИВАТЬ СВОИ ПРОБЛЕМЫ, так и не решив их. Ты мечешься по этому миру как слепой щенок. Да, слепой, ссыкливый щенок, отрастивший себе громадные клыки. Едва на кого наткнёшься – сразу кусать с перепугу. Загрыз первым – и хорошо, можно бродить дальше...

– Да заткнись ты, дура, – прошипел Дирок. – Ты разве не слышишь?

– Слепой, тупой и, к тому же, уродливый щенок с пигментными пятнами на лысине! – не унималась Миррил.

Дирок закрыл ей рот рукой. Даже в темноте это не составило труда – уж слишком много громких слов из него лилось. Миррил укусила его ладонь, но наёмник даже не думал её убирать. Наоборот, прижал сильнее, больно ущипнув другой рукой девушку за бедро. После прошептал раздражённо:

– Дура, ты разве не слышишь?

Миррил перестала кусаться и прислушалась. То, что она услышала, совсем не обрадовало.

Кроме привычного журчания нечистот, было ещё что-то...

КРРУУУУУ... – тихо разнеслось по канализации. Этот отдалённый звериный вопль не сулил ничего жизнеутверждающего.

– Шо та? – сквозь ладонь прогудела Миррил.

– А я откуда знаю, – прошипел Дирок. – Мало ли чего в канализации этого долбаного Мистора жить может. Пошли-ка лучше отсюда...

Миррил не стала спорить. Она поднялась на ноги и последовала за сжимающим её руку Дироком. Шли они медленно, наощупь вдоль стены. Под ногами хлюпала зловонная жижа. Вернее, Миррил она уже не казалась столь зловонной. Действительно, человеческий нюх способен подстраиваться под обстоятельства. Чего нельзя сказать о нюхе Дирока. Бедняга вдыхал ужасный смрад, чувствовал отвращение, вот-вот способное опорожнить желудок. Но держался. И шёл, ведя за собой красавицу Миррил. Кто ж о ней, такой глупенькой вредненькой дурочке, позаботится, кроме него?

КРРУУУУУУ, КРРУУУУУ, КРРУУУУУУУУУ! – доносились зловещие вопли. Но всё тише и тише. Издававшее их животное (или несколько животных) не пустились в погоню. Это радовало. Но вот что ждало беглецов впереди – это радовать могло лишь смутно, если вообще могло. Быть сожранными в полной темноте каким-нибудь мохнатым чудовищем, так и не увидев его губительный облик... Вполне даже может быть... В конце концов, хищники не выдают себя во время охоты. Вероятно, уже несколько неописуемых тварей беззвучно следуют по пятам за *лёгкой человеческой добычей*. Интересно, они ели человечину до этого или это будет их первый раз? Нет, Дирок им точно не придётся по вкусу, слишком худой и жилистый...

Миррил остановилась, рассердившись на себя за столь обречённые мысли. Дирок тоже остановился.

– Мне страшно, – всхлипнула Миррил.

– Перестань, ничего страшного нет, – зашептал в ответ Дирок, не зная зачем, поглаживая бывшую магиню по спине. – Здесь пусто, в этой канализации проклятой. Здесь и сейчас, по крайней мере. Всё будет хорошо. Если бы не этот проклятый запах...

– Мне страшно, – повторила Миррил и обняла Дирока, словно он был её спасательным кругом в бушующем и неумолимом океане. – Мне очень страшно...

– Нет ничего страшного, глупенькая, успокойся, – после секундного колебания, Дирок принял гладить девушку по стриженней под мальчика голове. Её волосы были

засаленными, растрёпанными в разные стороны, но прикосновение к ним было неописуемо приятно. И этот запах потного женского тела... Дирок с лёгкостью различил его среди канализационной вони. Запах был потрясающий. И как же он всё-таки возбуждал! Да, такой тонкий нюх мог достаться лишь по линии бринской крови. Неспроста ведь Дирок худой и высокий, пусть и не покрытый шерстью!

Как, порой, мы мало о себе знаем...

Вот всегда так с женщинами! То она тебя поливает словесными нечистотами. То жмётся к тебе, как к единственному спасению...

Миррил ощущала низом живота упругий бугор, растущий в области ширинки Дирока. Она не стала отстраняться. Неужели ЭТО произойдёт между ними здесь? В полной темноте и вони канализации ненавистного ей Мистора?

— Ай, блак, А-А-А-А-А!!! — заорал Дирок. Его потащило назад. Какое-то время, Миррил тащило следом, но наёмник не растерялся и отпихнул её от себя. Миррил плюхнулась в густую смрадную лужу. Инстинкт самосохранения приказал там и лежать, не поднимая головы. Правильно подсказал.

— А-а-а-а-а!!! — эхом разносились по канализации вопли Дирока. С каждым разом всё тише...

«Какая-то чудовищная тварь схватила его, — проносились в голове Миррил вихри мыслей. — Она не убила. Она тащит его. Но куда? Куда... Я совсем не слышала хлюпанья луж. Как она может тащить его и не хлюпать? Тварь! Тварь! Тварь! Их здесь, должно быть, много. Одна схватила Дирока. Вторая схватит и меня. Нужно лежать здесь. Тварь! Тварь! Тварь! Я ведь подохну с голоду, если до этого меня не сожрут крысы. Крысы. Я раньше думала, что в канализациях их полно. Что повсюду должен раздаваться их отвратительный писк. Но вместо них появилась эта тварь. Тварь! Крысы боятся её. Боятся даже пискнуть. А мы, как идиоты, хлюпали по лужам и шептались. Она ведь всё услышит. Мне не выжить здесь... Что делать? Тварь, может, ты мне подскажешь? Подлая ТВАРЬ!»

— А-а-а-а-а-а... — уже совсем тихо пронеслось вдоль стен.

«Дирок... Он ещё жив... Что тварь сделает с ним? Что я, подлая тварь, буду делать с ним? Лежать здесь, как последняя пришпахтша? Но что я смогу сделать? Что? А ну заткнись, истеричка! От тебя нет никакого толку! Заткнись и больше не раскрывай свой слюнявый рот! Надо пойти следом. Вдоль стены. Мы с Дироком, собственно, и шли в этом направлении. И что? Тварь уже наверняка сожрала его! Заодно и мной закусит... Замолчи! Он только что кричал. Он жив... И всё равно нет другого выбора. Нужно идти вперёд. Но почему бы не вернуться назад? Почему бы не найти выход из канализации? Ведь как-то я сюда попала? Ты в своём уме? Наверху там, должно быть, уже каждый столб твоим портретом обклеен: живой или мёртвой, или ещё как-нибудь... Стоп... Я что, обречена остатки дней торчать ЗДЕСЬ? В темноте, сырости, смертельной опасности и вони? Да, и подохнуть тоже обречена, если не заткнусь! Святые Уродцы всё изрежь, а ведь без Дирока — я не выживу. И зачем я на него так окрысилась? Дура! Дура набитая! Я пойду за ним. Будь что будет. Если он будет мёртв... что ж... значит, и я умру...»

Одно дело победить сознательные сомнения. Другое — победить подсознание. Миррил пыталась подняться из лужи, но тело сковало тасками страха. Усилие воли. Ещё одно. Вот дрожащие от напряжения локти поднимаются над смердящей жижей. Вот непослушные ладони упираются в илистое дно лужи. Вытянуть руки — и девушка уже стоит на коленях. Ещё усилие, и она балансирует на подкашивающихся ногах.

В канализации темно, сырьо и сквозит. Измазанная смердящей жижей Миррил дрожит от холода. Дрожит, но идёт вперёд. Нащупывая осклизлые камни стен.

Стена начала круто забирать вправо. И что это? Неужели вдалеке мерцает едва заметный свет? Или это свихнувшееся от темноты воображение Миррил играет столь жестокие шутки?

Но нет! Это не воображение. Это свет! Настоящий свет! И он всё ближе. Ближе...

Мрак постепенно развеялся желтоватым светом магической лампы. Это ведь насколько должен быть зажравшийся город, чтобы такое дорогое освещение ставить в КАНАЛИЗАЦИЮ?! Впрочем, Миррил этому была даже рада...

В Видринском крыле Ордена Восьми Старейшин Миррил занимала самую низшую должность – адепта. На этом уровне её представления о деятельности Ордена были крайне расплывчатыми. Девушка даже не подозревала, что религиозная сверхструктура, восхвалявшая две истинные составляющие сего мира: Святых Уродцев и Святую Ненависть, каким-то образом связана с производством магония (не говоря уже о контроле над добной половиной мирового магониевого рынка). Зато Миррил очень хорошо разбиралась в магических лампах. Ещё бы – крыло, в котором она служила, занималось зарядкой этих весьма сложных и дорогих приспособлений. К ним поступали уже технологически завершённые продукты. Всё, что оставалось сделать, как выразился бы старина Сик: «зalить в эти ябранские пустышки немножко живительной магии». И Миррил заливала. Заряжала магией жидкость в прозрачных спиральных трубках. И жидкость светилась. В самых ранних (можно даже сказать, древних) моделях ламп светящаяся жидкость находилась в округлом сосуде, в свою очередь помещённом в вакуум другого круглого сосуда с толстым стеклом. В такой простой конструкции не было механизмов выключения света. При необходимости, лампа просто накрывалась чёрным металлическим футляром, прилагающимся в комплекте. В современных моделях используется система слива светящейся жидкости. Стоит лишь повернуть рычаг, и жидкость перетечёт из прозрачной трубы в светонепроницаемый резервуар. Включить свет так же просто – повернуть в обратную сторону рычаг, и трубка вновь наполнится светом.

Миррил аж сама удивилась, сколько воспоминаний навеяла на неё обычная магическая лампа. Причём, старого образца, стоит отметить. Интересно, сколько столетий она здесь светит? Срок службы лампы зависит от потраченных на неё магических сил. Раньше их расточительно заряжали на века... Сейчас же – лет пять, максимум семь. Покупателя нельзя терять...

Вдоволь налюбовавшись загадочным светом лампы, Миррил переключилась на интерьер. Она и не знала, что лучше – оставаться в темноте или видеть всю эту мерзость. Каменный пол с дренажным углублением посередине. Весело журчащий по углублению ручеёк нечистот. Повсюду застоявшиеся зловонные лужи. Покрытые слизью мрачные каменные стены, аркой смыкающиеся над головой. Но слишком высокие и широкие они были, чтобы девушке испытать дикий приступ клаустрофобии. Страх перед их зловещим видом – да, но не больше. Торчащие из стен аппендицы громадных сливных труб с поеденными ржавчиной решётками. Вытекающие из них тонкие струйки вонючей жижи. В проёмах между решётками то там, то здесь торчали нераспознаваемые куски мусора. В одном месте мусор подозрительно смахивал на человеческий череп, покрытый жирным слоем слизи...

Совладав с собой, Миррил продолжила путь. Её одежда всё не высыхала, и сквозящий ветер продолжал доставлять сильные неудобства. К тому же нарастало сосущее чувство голода. Девушка попыталась вспомнить, когда последний раз ела. Кажется, в локомотиве, перед прибытием в Мистор. Да, давненько уже.

Но, до голодной смерти нужно ещё дождить...

Дальше было светло. Нет, не так светло, как, к примеру, в приёмной у гинеколога. Но на фоне того непроглядного мрака – тусклый свет древних магических ламп, попадавшихся на пути всё чаще, был дороже светила небесного. Приблизительно через каждые двадцать метров попадались прикреплённые к сводчатому потолку лампы. Большинство из них работало, но были и испорченные: разбитые, прогрызенные, проколотые, придавленные.

В зеленоватой луже лежало что-то. Какой-то бугристый предмет. Или, быть может, не предмет, а существо? Миррил было уже всё равно. Не сбавляя шаг, она приблизилась к луже. Вначале бывшая магиня не могла поверить своему счастью. Потом всё-таки поверила.

Это был походный рюкзак Дирока; надорванный в нескольких местах, с оторванными лямками. Видимо, предусмотрительный наёмник каким-то чудом умудрился сбросить с себя рюкзак в надежде, что пустившаяся следом его спасать Миррил подберёт. Или другой вариант событий, более правдоподобный: чудовищный зверь тащил Дирока вначале за рюкзак. Лямки оборвались, и наёмник повалился в густую канализационную жижу. Да, вот и смутный отпечаток в жиже. Выбросив не интересовавший его рюкзак, зверь схватил бедолагу Дирока и поволок дальше.

Самое странное во всей этой истории – отсутствие даже намёков на следы самого зверя. Ну не может же он парить по воздуху! Или может? Бррр... От подобных мыслей Миррил поёжилась. Летающая канализационная дрянь! Только и лепи на обложку какого-нибудь комикса для умственно-отсталых подростков.

Не принимать же эти пятна слизи на потолке и стенах за следы чудовища?..

Ещё одно БРРРРРР!

Размышления – размышлениями, опасения – опасениями, а толку сейчас от них всё равно никакого. Они не наполнят пустой желудок Миррил и не помогут найти способ спасти Дирока. Зато походный рюкзак в силах это сделать...

Отряхнув слизь, Миррил принялась рыться в нём. О брезгливости она позабыла ещё с тех пор, как провалялась какое-то время в зловонной луже. Из одежды нашлись: фермерский комбинезон и плащ, приобретённые у фермера в посёлке Малый Лантыр. Из еды осталось маленькое яблоко, две мясные консервы и подсохшая булка с рапсом. В боковом кармане Миррил наткнулась на главную цель своих поисков – болтострел, несколько баллонов и магазинов с болтами! Обрез она не нашла, но особо и не расстроилась, так как боялась огнестрельного оружия, как огня. Другое дело – пневматическое. Болтострелом, если честно, девушка не сильно хорошо владела. Она много знала об этом оружии от старины Сика. Про то, что если рукоять холодная, значит, баллон с газом боеспособен. И чем холоднее, тем больше в нём потенциальных выстрелов. Про то, что целиться надо поверх трёх совпавших насечек. И перезаряжать его совсем не сложно! Жёлтый клапан – смена баллона; красный – болтов. Сик тысячи раз показывал, как нужно правильно перезаряжать, перед тем как начинал стрельбу по бутылкам на заднем дворе. Миррил любила наблюдать за неуклюжим старым фарком, так метко бьющим по мишеням. В его грузной комплекции и точности выстрелов была

несуразность, столь нравящаяся девушке. Ох, старина Сик, знал бы ты, как хотелось твоей приёмной дочурке Миррил заняться в этот момент с тобой сексом... Она, собственно, и не подозревала сама, что хотела этим заняться. Но в низе живота у неё было всё так щекотно и горячо (сейчас-то девушка знает, что это за прекрасные чувства)... На многочисленные предложения пострелять, Миррил лишь морщила носик и говорила примерно следующее: «Стрелялки для задир и тебя, дядька Сик. Я посмотреть люблю».

Первый и последний раз Миррил нажала на курок болтострела в окружении отряда Трипарона, когда очнулась от Обращения. Тогда её болты голодными зверями вгрызались в плексиглас щитов полицейских. А потом блюстители правопорядка всей гурьбой на неё напали, не дав больше поупражняться в стрельбе.

Толку от оружия в неопытных руках мало, а то и вреда больше. Но всё же... На душе спокойней, когда идёшь на встречу с чудовищем при болтостреле в кармане!

Миррил с огромной радостью поменяла мокрую одежду на сухой фермерский комбинезон. Старый, выцветший, весь в латках комбинезон раньше принадлежал сыну фермера, пока тот был подростком. Размером как раз на девушку, правда, широковат в талии... Но разве это главное? Вот с плащом было куда хуже – слишком большой и тяжёлый. Недолго думая, Миррил бросила его на пол, вместе с пустым походным рюкзаком.

Консервы нечем было открыть! Ножа в сумке не было – должно быть, выпал в одну из дырок в рюкзаке (вполне вероятно, вместе с обрезом). Наверняка он поконится где-то на дне зловонного ручья нечистот. Миррил изуродовала консервную банку о стену, но результата не добилась. Пришлось съесть подсохшую булку с рапсом и закусить яблоком. Голод от этого только проснулся. Будь прокляты Святой Ненавистью герметичные консервы! Хотя... Девушка шлётнула себя ладонью по лбу. Ну конечно же! Вот и повод поупражняться в стрельбе.

Она поставила изуродованную банку на сравнительно сухое место пола. Сама отошла на безопасное расстояние, поймала консерву поверх трёх совпавших насечек и нажала спусковой механизм. «Хлоп» – чихнул ствол. Вместо соплей у него вылетел болт. «Дзень» – радостно пропел болт, входя в банку, как пенис в вагину. «Бамсь» – отозвалась банка, подлетевшая в воздух и вновь приземлившаяся на каменный пол.

Попала! С первого раза!

Миррил подошла поглядеть на содеянное. Болт прошил банку насквозь, но застрял на выходе, ударившись о камень пола. Из-за этого удара, собственно, банку и подбросило в воздух. Девушка расковыряла застрявшим погнувшимся болтом стенку консервы. И выскребла всё мясо, что только смогла. Тушёная, холодная, безвкусная дрянь. Дрянь? Или божественная пища?

Да, это, собственно, не очень гигиенично... Но следует ли говорить о гигиене в канализации?..

Голод требовал своего, как капризный ребёнок. Только сейчас до Миррил дошло, что в банки можно и не стрелять, а просто расковыривать их болтом. Что тут скажешь, не ошибается лишь тот, кто не ошибается... Или как там правильно?

Вытащив из обоймы новый болт (прошлый болт иступился о камень), девушка расковыряла им вторую банку. И съела всё без остатка. Уродливый птенец голода в животе всё не замолкал. Всё требовал еды. Как в такой вони вообще можно думать о еде? Миррил пришла в себя, лишь доедая последнюю банку.

По крайней мере, голод ей какое-то время докучать не будет.

К сожалению, этого нельзя сказать о самой ситуации, в которую попала Миррил. Одна. В канализации самого нелюбимого ей города. С рыщущими по соседству чудовищами, которых она даже не видела. И не хотела видеть! Но вот наверх выползать нельзя. Повсюду полиция и сознательные граждане, готовые проломить бедной закононепослушной девушке голову. Если кто и мог придумать, что делать дальше – то только Дирок. А его тощую задницу нужно ещё идти спасать.

И Миррил вновь продолжила путь. Болтострел и боеприпасы к нему она положила в громадный карман, занимающий область всего живота. Пуговицы на кармане она застегнула машинально. Привычка такая у большинства женщин – застёгивать расстёгнутое, расстёгивать застёгнутое...

Это и спасло ей жизнь.

Миррил шла вперёд. Под ногами хлюпали смердящие лужицы. Иногда она поскользывалась о слизь, но удерживалась, чтобы не упасть. Крики Дирока уже давно стихли, а вот журчание канализационных стоков нарастало. Девушка и не заметила, как уровень воды в зловонном ручье принялся подниматься. Из аппендиксов труб, что торчали в стенах, прямо над уровнем головы Миррил, усиливались потоки.

КРРУУУУУУУ!!! – разнесся чудовищный вопль неведомого зверя – КРРРРРУУУУУУУ!!! КРРУУУУУУУУУУ!!! КРРРРРРРРРРУУУУУ!!!!

Вопли умолкли. За ними последовали не предвещающие ничего доброго звуки, похожие на бьющиеся друг о друга пустые металлические бочки. Оглушающий скрежет металла. Плеск воды. Громкий. Мощный. Страшный.

Миррил только и успела, что начать молитву Святым Уродцам. Закончить её не удалось. Из сливных труб хлынули бешеные потоки мутной, вонючей воды. Бывший ручейком, канализационный сток превратился во взбесившуюся реку. Накрывшую непрошенную гостью с головой. Понёсшую её в водоворотах смрадной, пенящейся жидкости.

На улице, насколько помнилось Миррил, было тепло, если не сказать жарко. Но вот вода оказалась почему-то холодной. Миррил кидало, как тряпичную куклу, от стены к стене. То тащило на дно, то выталкивало на поверхность. Жадно глотая воздух, девушка глотала и отвратительную, с металлическим привкусом сточную воду. Во время каждого погружения, Миррил казалось, что она умирала. Что её бедное покалеченное ударами тело осталось лежать на дне. Осталось разлагаться на радость червям, личинкам и жукам-трупоедам. А их-то здесь в достатке, не стоит даже сомневаться. Они только и ждут, чтобы вода спала, вернулась на прежний уровень. Сидят в своих норах, дырах, щелях и ждут своего звёздного часа. Будь они прокляты! Но нет, девушка жива. Её подбрасывает на какую-то секунду, и этого хватает, сделать судорожный глоток воздуха вместе с глотком отвратительной воды. Но сейчас наплевать на эту вонь и чудовищный привкус. Если бы от этого зависело спасение, Миррил бы выпила всю эту странную воду! Увы, это невозможно... Святые Уродцы, до чего же больно биться о камни стен. Пальцы, плечи, локти, колени, стопы, уши, лоб, затылок... всё бьётся, всё болит. Вскоре стройное тело девушки превратится в сплошное неузнаваемое месиво костей, мяса и мозгов. Хотя, откуда мозгам там взяться? Будь они там, не попала бы Миррил в эту канализацию. Не отдала бы она свой магический дар ничтожному карлику Горколиусу. Не поехала бы она в эту дрянную столицу, в это гнездо лицемерия и зла, в Мистор! Осталась бы себе жить в любимом тихеньком Видрине. В провинциальном городке, в

котором каждый всё знает друг про друга. В котором принято говорить в лицо всё, что думаешь. И, выговорившись, дружно над этим посмеяться. Пусть в провинциях нет таких громадных зданий, столь монументальных скульптур и поражающих воображение парков, как в мегаполисах. И что с этого? Чем меньше город, тем проще и чище души его граждан. Чем он больше, тем грязнее внутри людей. Это как громадная свалка: чем больше территории, тем больше она воняет. И, попади в неё даже нужный, цельный предмет – тут же становится искорёженным мусором. Иначе не может быть. Большое всегда пожирает малое. Вот почему перебравшиеся жить в мегаполисы провинциалы ни чем не лучше их коренных жителей. Дура ты, Миррил, настоящая дура! Ты гибнешь, тебя засасывают канализационные стоки, а ты решила пофилософствовать. Борись лучше!

Воздуха в лёгких совсем не оставалось, когда Миррил вытолкнуло потоком на поверхность. Она сделала жадный глоток воздуха. Живительного, прекрасного и совсем не вонючего, как показалось девушке. А что за шум, раздающийся впереди? Ну конечно же, такой ни с каким другим не спутаешь. Это шум водопада... И Миррил несёт в этот водопад.

«Эх, старина Сик, наверное, нам суждено повидаться раньше, чем мы оба предполагали...» – эта мысль уродливым слизнем проползла в голове Миррил. Оставляя за собой отвратительную полосу густой слизи осознания: спастись не удастся.

Миррил обдало сильной струёй из боковой трубы, и опять потянуло на дно. А потом бросило в водопад.

И наступила приятная темнота.

Глава 13: *Демон во плоти*

Солнце стояло слишком высоко. Слишком ярко оно светило. Мор его не любил. Мор любил мрак. Любил непроглядную ночь – без единой звёздочки на небе. Она напоминала его душу. Тёмную и пустую. Холодную душу при жизни проклятого, демона во плоти. Экзекутора.

Свет напрягал Мора, но не до такой степени, чтобы помешать работе. Солнце и звёзды. Они излучают свет. Но что их свет, в необъятной космической темноте? Звёзды гаснут со временем. А темнота будет всегда.

Вечно...

Мор любил вечный Мрак.

Никакое солнце не способно разогнать мрак его души.

Когда-то душа была не тёмной. В ней теплились крохотные уголочки света. Будучи при жизни жестоким человеком, Мор всё-таки был способен испытывать слабость. Он мог без зазрений совести избить свою жену лишь за то, что она пересолила суп, но на любимую собаку, разодравшую новые туфли, рука не поднималась. Он был способен отравить жизнь любому человеку, не так глянувшему на него или попросту попавшемуся на глаза не под настроение, но соседскому пацану прощал всё и всегда. Соседский сын Джошуа... Мор относился к нему как к сыну, которого так и не подарила ему яранка жена...

Но дни слабости давно позади. Низменные человеческие чувства мешали работе экзекутора. И в одну прекрасную ночь – самую прекрасную ночь в его жизни – Мор отдал душу на милость Жрецам Смерти. Отдал её сознательно, чего до него никто ещё

не делал. Жрецы прокляли душу. Вымели из неё всё ненужное, всё лишнее. Осталась только изначальная темнота. Без единого пятнышка сомнения, без единой точечки сострадания, без крохотной полосочки человечности...

Чем отличается наёмник от экзекутора? Наёмник не обязательно должен убивать. Его могут нанять в качестве охранника, сопроводителя, вышибалы, коллекционера долгов. Но экзекутор... это палач. Нанять его можно только для убийства.

Мор допустил ошибку, но её можно исправить. Его жертва, импульсивная бывшая магиня Миррил, оказалась не такой простушкой, как посчитал экзекутор вначале. У девушки была очень сложная и многогранная душа. Запутанная, как клубок ниток, после игры шаловливого котёнка. Распутать этот клубок Мору не удалось.

Какова была его ошибка? Он не захотел ничего слушать о сопроводителе Миррил, Дироке Миста... Как там дальше? Наверняка у Горколиуса с собой было досье и на него. Уж его наёмничью душу разгадать было бы гораздо проще. Но Мор отмахнулся. Слишком уверен он в своих силах. Почему бы тут не быть уверенным? Его практически нельзя убить. Зато он может убить кого угодно. К тому же, Мор способен прощупывать души своих жертв. На любом расстоянии. Собственно, так он и находил их...

Шупать души в большинстве случаев несложно. Обычно у жертв Мора они были простыми и прямыми, порой извилистыми или угловатыми, но достаточно различимыми.

Когда жертва бодрствует – душа находится в теле. Но стоит жертве заснуть... Душа направляет свою астральную проекцию в Мир Вечных Грэз. Иначе быть не может. Это боги установили такое правило. Каждая душа, находящаяся в материальном теле, должна отмечать все свои поступки на Камне Вечности, который является осью Мира Вечных Грэз. Это обязательное условие. Иначе – Святые Уродцы бы не позволили душам заселять материальные тела.

Выщербленные на Камне Вечности поступки могли читать только Святые Уродцы и Святая Ненависть. Хорошими поступками подпитывались Святые Уродцы. Злыми – Святая Ненависть. Как и в мире духов, в материальном мире всё сбалансировано: добро и зло находятся в состоянии равновесия, как две чаши весов, наполненные песком. Только один песок – чёрного цвета. Другой – белого. Но, по большому счёту, цвет веса не прибавляет...

Мор не умел читать выщерблины на Камне Вечности. А если бы и умел – никогда бы не посмел этого сделать. Зато он научился отыскивать нужные ему души. Он подстерегал их и, когда они начинали отмечаться на Камне, присасывался к их сознанию, вызнавая про жертв всё, что только желал. В том числе, и местоположение.

В следующий раз, как проснётесь среди ночи в холодном поту от очередного кошмара – знайте, что это не игра вашего пошатнувшегося воображения. Вас просто прощупывал демон во плоти...

Эта тварь изначально способна направлять свою астральную проекцию в Мир Вечных Грэз даже во время бодрствования. Мало этого, демон во плоти прекрасно осознаёт, что делает. Простые смертные и не догадываются, какие сложные манипуляции должны проделывать их души во время сна.

Для создания проекции демону приходится сконцентрироваться, отвлечься от других дел. Мор же развел эту способность до максимума. Благодаря простоте своей чёрной души, экзекутор научился создавать её копию в любое время, вне зависимости от

того, чем занимается физическая оболочка. Когда требовалось, его проекция бродила по Миру Грэз без остановок. Выискивая жертв.

Мор отыскал Миррил почти сразу. Но вот прощупать её не удалось. Слишком сложная и неоднородная структура. В этом лабиринте души можно было бродить столетиями, так и не найдя выхода.

Вот тут-то Мор и пожалел, что не узнал имени и облика сопроводителя жертвы. Вернее, имя он знал – Дирок. Но душу экзекутор опознавал по внешности. И не был уверен, что есть другие надёжные способы это делать.

Время было потрачено зря. Не будь Мор так беспечен, голова Миррил давно лежала бы в его покачивающейся от ветра сумке по дороге в мисторскую резиденцию нанимателя Горколиуса. Но укорами себе не поможешь. Контракт есть контракт. Опускать руки демон во плоти не собирался. Да и не опускал их никогда до этого. Даже будучи простым жалким человечишкой.

Вызнать облик Дирока оказалось намного сложнее, чем этого хотелось бы. Многие наёмники, которых допрашивал Мор, знали Одноухого, но ничего похожего на его портрет у них не было в наличии. Некоторые из них брались по памяти набросать его облик на бумаге. Но сколько человек рисовало – столько обличков и получалось. И все они не подходили…

В конечном итоге, поиски завершились успехом. Во время безустанного блуждания по Миру Вечных Грэз, Мор наткнулся на душу, видевшую недавно Миррил и её спутника. Но память душа весьма расплывчата и по ней отыскать другую душу невозможно. Правда, в памяти найденной души всплыло нечто, сильно обрадовавшее экзекутора. Её материальная оболочка обладала оптопластиной памяти с портретом Дирока.

Недолго думая, Мор отправился за ней.

Поддельщики документов из Вакхан-Утура – худой человек и горбатый брин-полукровка – невероятно удивились его появлению. Была ночь. Ничего не подозревавшие товарищи возвращались домой после очередного удачного рабочего дня в подвале библиотеки. Человек, спустившийся прямо с неба на углепластиковых крыльях, слегка озадачил… Они приняли его за безумца – стоило только поглядеть на испещрённое шрамами тело (особенно губы). Застал он товарищей врасплох в безлюдном переулке, от чего по спине у обоих забегали ледяные мурashki. Безумец одним своим видом вызывал крайне негативные чувства, даже страх. Но за свой внезаконный век мошенники насмотрелись и не на таких одиозных типов. Так что серьёзной угрозой они его не считали. Мало ли сколько безумцев нынче по небу летает…

Мор объяснил на общем языке жестов, что ему нужна фотография одноухого клиента, и что он не причинит фальсификаторам боли, если они выполнят эту просьбу мгновенно. Смелее оказался брин-полукровка. Кичливо подражая общему наречию немых, он скрутил неприличный жест. В то же мгновение Мор вонзил свои пальцы ему в глаза. Глубже, глубже, до самых мозгов. Как приятна эта липкая тёплая масса. Мор кончил от наслаждения.

Глядя на извивающееся, конвульсирующее руками и ногами по чудовищной инерции тело своего мёртвого товарища, мошенник поклялся сделать всё, что только пожелает безумец с углепластиковыми крыльями за спиной. И сделал – отвёл его в рабочую комнату и отыскал оптопластину со снимком Дирока (отыскать её не составило

труда, так как одноухих клиентов за последнее время у него больше не было). Потом второпях проявил оптопластину и дрожащей рукой протянул фотокарточку экзекутору.

Там, в той студии, получив что требовалось, Мор покончил и с этим поддельщиком документов. Он ведь чётко сказал, что не причинит боли, если они выполнят просьбу *мгновенно*. Но мошенники не сделали этого, а посему заслужили смерти. Страшной и мучительной.

С какой радостью Мор сдирал с ёщё живого человека кожу и куски мяса. Рот он забил ему фотобумагой и обломками оптопластин. Бедняга пытался сопротивляться – пришлось перебить ему руки и ноги. А как много ядовитых и едких реагентов дожидались своего звёздного часа в колбах и баночках на полках! Мор с огромным интересом изучал их действие при контакте с живым человеческим телом. Каждый волдырь, каждое покраснение кожи или проеденная плоть – всё отдавалось в теле экзекутора сладостной болью.

Больше своей боли, Мор любил чужую.

Увы, поддельщик не выдержал долгих экзекуций и умер. Слегка раздосадованный этим событием Мор поплёлся к выходу из библиотеки. На пути никто ему не встретился (или боялся встретиться), поэтому в тот вечер обошлось без новых жертв.

Мор изучил фотографию Дирока. И совсем скоро отыскал астральную проекцию его души в Мире Вечных Грёз. На первый взгляд, душа оказалась замысловатой. Но это было лишь напускное. За резной и путаной оболочкой пряталась простая угловатая конструкция. Мору она почему-то напомнила гроб...

Глава 14: *Слишком тяжело...*

«Если я мертва, то какого ляха всё так болит!» – снизошло прозрение на Миррил. Она распахнула веки. Тусклый жёлтый свет магической лампы заставил прищуриться. Но вскоре глаза привыкли. Всё та же канализация: каменный свод, магические лампы, сточный ручей...

Миррил выползла из лужи. Попыталась встать на ноги, но не получилось. Уж сильно они болели от ушибов и перенапряжения. Ничего, не повод для паники. Вот сейчас она привстанет немного и усядется поудобней. Вот так.

Дул пронизывающий сквозняк. Если какое-нибудь злющее чудовище с неописуемо отвратительным видом в ближайшее время не сожрёт Миррил, то она уж точно подхватит воспаление лёгких. Уж лучше чудовище!

Зря Миррил это подумала...

Где-то наверху раздался стук. Шорох. В проржавевшие решётки сливной трубы ткнулась крысиная морда. Острые резцы, мерзкие усы, чёрные бусинки умных и злых глаз. Но это существо не было крысой, которой Миррил привыкла понимать крысу. Оно было размером с крупную собаку. Её передние лапы кончались длинными когтями, а пасть то и дело раскрывалась, извергая отвращающий писк, настолько мерзостный, что вызывал рвотные рефлексы.

Крыса-переросток морщила чёрный нос и грозно глядела на девушку. Потом куда-то исчезла. Миррил вышла из оцепенения и положила дрожащую руку на живот. Это невероятно! В кармане комбинезона лежал болтострел. Правда, баллоны к нему и обоймы с болтами выскоцкользнули в щели между пуговицами, когда девушку бросало в водоворотах канализационного безумия. Но и без них – оружие было заряжено. В

обойме восемь болтов. Один потрачен на изуродованную консервную банку. Осталось семь. Что ж, не густо, совсем не густо, но...

Миррил не успела додумать, как раздался мерзостный писк – настолько громкий, что не закрой девушки уши, барабанные перепонки точно лопнули бы. За воинственным крысиным кличем последовали не менее воинственные крысиные действия. Гигантская шерстистая дрянь проломила ржавые решётки и выскочила наружу. Крысу и Миррил разделяло чуть больше двадцати метров. Твари это, видимо, не понравилось, и она пустилась сокращать дистанцию. Думать было некогда. Миррил направила болтострел на зверя и нажала спуск. Благо, пневматическое оружие не боится воды! Будь в её руках огнестрельное или, что маловероятно, лазерное, или, что ещё менее вероятно, плазменное – пользы сейчас от него было бы мало. Разве что прикладом по резцам врезать... Но только не от болтострела! Если бы ещё руки так не дрожали... Один, второй, третий – болты летели мимо, в досаде лязгая о камень. Всё происходило слишком быстро, и, в то же время, слишком медленно. Голова не соображала, за голову работал страх. Он ловил зверя поверх трёх насечек и жал плохо слушающимся пальцем на курок. Выстрел, ещё выстрел, ещё. Всё мимо. Всё пропало! Раскрытая пасть уже близко. В воображении Миррил всплыл образ разорванной человеческой плоти и торжествующей над телом канализационной твари. Сколько выстрелов ещё? Нет уже? О, Святые Уродцы, да что же это за день сегодня такой? Хватит на сегодня ужасов! Получай крысиная морда, получай ябранка фарлиная! Миррил нажала курок. Раскрылся поршень, сдерживающий сжатый газ. Моментально расширяющийся газ привёл в действие боевой поршень и вышел из ствола через газоотводящие дыры. Боевой поршень с невероятной скоростью вытолкнул болт из ствола. Со свистом рассекая воздух, болт пролетел всего полтора метра, пока не вошёл в злую чёрную точку глаза крысы-переростка. Проделав свой победоносный путь в гуще мозгов, болт застрял в твёрдом черепе зверя.

Это невероятная удача! У гигантских крыс чрезвычайно толстый череп! Попади болт не в глаз, а в лоб – зверь не остановился бы и растерзал девушку с особой жестокостью.

Издав чудовищный писк, крыса повалилась в сточную жижу. Её тело некоторое время билось в предсмертных судорогах – зрелище весьма неприятное. Но Миррил, натерпевшаяся за сегодняшний день (да и за все прошлые с того самого момента, как её лишили дара магии), даже не отводила глаз.

– Сдохни, кобка, сдохни, блакня! – всё повторяла она.

То ли выделившийся в кровь адреналин, то ли тело отдохнуло – Миррил поднялась на ноги. Сквозило невыносимо. Если в прошлый раз одежда девушки была мокрой наполовину, то сейчас комбинезон был мокрый насквозь. Грубая ткань липла к телу, вместе со сквозняком отнимая у него тепло. Снять одежду? Нет, от этого будет ещё холоднее. По крайней мере, когда идёшь – можно хоть как-то согреться. На месте оставаться совсем уж не хочется. А может, содрать с крысы шкуру и закутаться в неё? Ни в коем случае! Это ведь отвратительно (к тому же, нечем эту шкуру сдирать). Ну ладно, если и идти, то в какую сторону? Что налево, что направо – одинаковый канализационный туннель... Что за чушь ты несёшь, дура? Ты ведь шла вдоль течения сточного ручья. Вот бери и иди вдоль него. Совсем уже мозги перестали работать!

А с чего бы им быстро работать? После всех потрясений и тяжб...

КРРРРУУУУУУУУУ!!! – донёсся чудовищный вопль со стороны, куда собирались идти Миррил.

– Да, я на верном пути, – пробурчала себе под нос девушка и, тяжело перебирая ногами, зашагала вдоль течения.

Невероятной волей случая (или неуклонной прихотью фатума), тело Миррил откупилось от кидающего его об стены сточного потока лишь синяками, шишками, ссадинами и гематомами. Ни одного перелома, ни одного вывиха. Да, на старые дрожжи болела голова. Но пусть уж лучше она себе побаливает тихонечко, чем из окровавленной раны торчит поломанная кость...

Если не считать всего того дерьяма, что за последнее время приключилось с Миррил, ей порядочно везло...

По дороге магические лампы встречались реже, чем раньше. Были большие тёмные участки, которые девушке приходилось преодолевать, затаив дыхание, слыша каждый бешеный стук своего испуганного сердечка. В каждом шорохе или скрипе ей мерещились чудовищные крысы, мечтающие поквитаться с девушкой за их мёртвого товарища. Но спасительный свет магической лампы развеивал эти подозрения. Шуршали жуки-трупоеды, пирующие на гнилых тельцах котов (откуда они здесь взялись?), а скрипел сквозняк ржавыми петлями раскрытых трубных решёток.

С момента как убила крысу, Миррил не выпускала из рук болтострел. Хотя, какой от него сейчас толк? Всю обойму она расстреляла. Ох, слишком поздно бывшая магиня вспомнила, что можно было поискать отстрелянные болты и попытаться зарядить их обратно в обойму. Но всё равно, на этот вариант мало надежды – от удара болты, как правило, деформируются. Даже маленькое искривление помешает болту войти в ствол. Так что за этот промах Миррил не стала себя сильно корить.

Это было невыносимо. Мокрая одежда буквально тянула к полу. Но самое худшее – она сильно натирала. Во всех возможных и невозможных местах. В какой-то момент девушка не выдержала и сбросила её с себя, оставшись в одних трусиках (тоже мокрых). Немного поколебавшись, девушка сняла и их. УЖ СЛИШКОМ ОНО ВСЁ, МАТЬ ЕГО, НАТИРАЕТ!!!

Полностью голая, покрытая гусиной кожей, синяками, шишками, гематомами и ссадинами, с незаряженным болтострелом в руке. Миррил шла, не понимая куда именно. Не зная, что ждёт её впереди. Дирок? Должно быть, он уже мёртв. Тогда зачем всё это? Сил уже нет, осталась лишь воля. Но и её хватит на сотню шагов, максимум две... Действительно ЗАЧЕМ? Он МЁРТВ. Его не нужно спасать... Да...

КРРРРРРРРРУУУУУУУУУУУ!!! – разнёсся вопль неведомого зверя, словно подтверждая правильность мыслей Миррил. Вопль был очень громким. Наверняка, зверь за следующим поворотом канализационного туннеля...

Страх смерти затмил все...

Да пошёл тот мёртвый Дирок, пусть он сотню раз ещё жив! Миррил не хочет умирать! Святые Уродцы, как же она всё-таки не хочет умирать! Наверху? Наверху люди! Они хотят схватить её, хотят бросить в тюрьму. Может быть, даже хотят казнить... Но перед этим, они ведь отогреют, они накормят домашней едой и вылечат. Они все хорошие! А она... это ведь она такая плохая...

КРРРРУУУУУУУУ!!! – поделился своим мнением монстр.

Миррил не могла больше. Слишком много всего навалилось. Слишком тяжело. Слишком невыносимо! Это вопящее чудовище. Оно ведь убьёт девушку, даже не

моргнув и глазом. Если у него есть глаза... Всё, с Миррил довольно! Она бросила болтострел в сточный ручей. «Хлюп» – сказал на прощание пистолет, недавно спасший ей жизнь.

Канализационный шест, ведущий на поверхность, был осклизлым и ветхим. Но самое ужасное, он был невероятно высоким. У Миррил едва ли хватало сил справиться. Она с трудом поднималась вверх. Зазубрина за зазубриной. Всё тело ныло, как ещё никогда. Но Миррил проявила настойчивость. Собрав всю оставшуюся волю в кулак, она таки доползла до верха.

И уtkнулась головой в люк...

КРРРРРРРУУУУУУУУУУУ!!! – донёсся насмешливый вопль монстра.

Здесь её нервы совсем сдали. Держась ногами и левой рукой за шест, Миррил заколотила правой рукой по люку. Она кричала, визжала, заливалась слезами и вновь визжала. Молила выпустить из этого проклятого места. Обещала золотые горы. И снова рыдала.

В её голове начали порхать мрачные мысли... Стоит лишь отпустить руку... И всё закончится... Всё будет хорошо... Боль пройдёт...

И когда Миррил уже отважилась разжать руку. Когда она не видела больше другого выхода. Когда желание умереть – было приятным и успокаивающим. Тогда-то крышка люка сдвинулась с места...

Глава 15: *Закон выживания, чтоб его...*

Щупальца твари были холодными и склизкими. Если эти конечности вообще можно было назвать щупальцами. Нечто бесформенное, бугристое, покрытое мерзостной мягкой тканью, но твёрдое под ней. Оно обвило Дирока за походный рюкзак, левые руку и ногу. Поволокло. Наёмник кричал, извивался и брыкался. Но всё без толку. Тварь тащила. Темнота сменялась светом магических ламп, и вновь темнота. В этой веренице света и тьмы было что-то и без того пугающее. Зловещее. Безысходное...

Тварь ползла по потолку. Как бы Дирок ни выкручивался, разглядеть похитителя не удавалось. До тех пор, пока не порвались лямки рюкзака. Видимо, тварь от неожиданности отпустила своего пленника. А может, и специально это сделала... Одноухий повалился в сточный ручей. Стукнулся боком не то, чтобы сильно, но и не то, чтобы безболезненно. Невдалеке разбрзыгивала тусклый жёлтый свет магическая лампа. В этом-то свету Дирок и увидел врага. Увидел, и не удержался, завопил от ужаса.

Оно было отвратительным. Эта дрянь. Эта бесформенная субстанция чёрной слизи. Оно вздувалось, дрожало, изменяло форму. У него не было ни рта, ни глаз. Страшная чёрная масса, лоснящаяся на свету лампы. Размерами с двух быков, не меньше.

Дирок пустился было бежать, но конечности твари с невероятной скоростью и эластичностью вытянулись и, словно язык хамелеона, поймавшего богомола, потянули беглеца к бугристому телу. Конечности обвили его вдоль горла, торса, рук и ног. Они вжали Дирока спиной в мерзкую склизкую ткань. Настолько сильно, что наёмник не мог пошевелиться. Невероятных усилий ему требовалось, чтобы дышать.

Говорят, что перед смертью люди видят свою жизнь. Ту, которой они не гордятся. И ту, которой позавидует любой добродетель. Их жизнь словно разделяется на две половины: хороших и плохих дел. Так, говорят жрецы, проще богам. Святая Ненависть

питается злыми поступками. Святые Уродцы – добрыми. И тот, чья трапеза оказалась сытней, забирает душу в своё божественное царство.

Так вот, Дирок не видел ничего подобного. Единственное воспоминание, которое бурило его мозг: подпитый отец с бритвой в руках...

О да, его отец... Мать свою Дирок совсем не помнил. Она ушла из дома, когда ему было три года. «Дрянная макропещатня, всё не сдвинет своих фарлиных ног!» – ругался отец, когда слышал хоть скользкое упоминание о бывшей жене.

В их доме время от времени появлялись женщины. От них пахло дешёвыми духами и спиртным. Обычно они вели себя шумно, много смеялись, громко разговаривали, совсем не стесняясь насупленного малыша Дирока. Порой какая-нибудь очередная женщина подмигивали ему и спрашивали у отца, не нужно ли и сыночка обслужить? Отец отрицательно мотал головой и вёл женщину к себе в комнату. Дирок знал, что они там фарсятся, но вот смысл загадочного «обслужить» он долгое время не мог разгадать. Несколько раз он видел, как отец даёт женщинам деньги.

С возрастом он узнал, что за женщины посещают их дом. Но, как удивительно, испытал при этом ровным счётом ничего. Не было ни разочарования в отце, ни злости, ни слёз надтреснутой души. Было НИЧЕГО – защитный механизм, с тех пор ставший прекрасным протезом его эмоций.

Это случилось, когда Дироку было шестнадцать. Днями напролёт он шлялся по улицам их крохотного городка с компанией таких же разгульдяев. Нельзя сказать, что то была плохая компания. Да, старики и старухи всей округи их ненавидели. Да, порой было за что ненавидеть. Они громко ругались матом, курили, выпивали, а самое страшное – по ночам затевали концерты. Дирок любил петь. У него даже была детская кристально чистая мечта, никуда не девшаяся и на подходе к совершеннолетию – стать певцом. Примечательно, что у него действительно получалось петь. Слегка хрипловатый баритон звучал сильно и непринуждённо, словно лился не изо рта, а из сердца. Чистого, страстного и непорочного.

Что тут сказать, вся взрослая округа, в особенности старики, ненавидели Дирока за этот баритон. Вернее, за его звучание поздней ночью. Плотно закрытые окна и затычки в ушах – спасали мало. Не было и дня, когда бы отец «певуна» не выслушал причитания в адрес «горластого сына». То, сколько причитаний выслушивал впоследствии сам Дирок – и так понятно.

Несмотря на советы «бросить это вредное дело», «это не твоё» «дружище, у тебя ничего не получается и никогда не получится» – парень всё упорней практиковал пение. Друзья его в этом поддерживали, поскольку глубоко в душе были такими же мечтателями и романтиками. Некоторые подыгрывали ему на лютнях, гитарах и флейтах. Остальные же – просто наслаждались хорошим пением и дружеской компанией.

Всё бы ничего, да как-то у них во время очередного вечернего представления кончились сигаретты. Денег почему-то ни у кого не оказалось (что было нормой). А без сигаретт, как известно, вечер – не вечер. Ночь – не ночь. Пение – не пение!

Ведомый приступом юношеского патриотизма, Дирок пообещал исправить ситуацию. Он зашёл в ближайшую лавку и, подгадав момент, когда продавец – старый седошерстый брин – не смотрел, стянул с прилавка самую дешёвую пачку. Увы, старый пердун специально отвернулся, подглядывая за прилавком в отражение серебряной

тарелки на стеллаже. Дирок не успел опомниться, как брин уже держал его за правое ухо и тянул к выходу.

«Сейчас ты у меня получишь, дрянной негодник, сейчас ты за всё получишь!» – бился в старческом экстазе брин, запирая входную дверь в лавку.

Конечно же, пачка дешёвых сигаретт не так волновала продавца. Его волновала близость возмездия над паршивцем, не дававшим ему спать своим «мерзким, никому не нужным пением». Дирок же, в свою очередь, не стал выворачиваться и молить о прощении. Гордость ему не позволила. Раз пойман на горячем, так уж нести заслуженное наказание.

Друзья, разумеется, увидев, что товарищ попался, дали драла. Больше Дирок с ними никогда не разговаривал и не стремился к этому.

Старикан жил в соседнем доме и прекрасно знал, где живёт Дирок. Как следует крутя парню ухо, он добрался с ним до дверей дома Дирока.

Отец как раз брился... Как выяснилось позже, в тот вечер он случайно увиделся с бывшей женой. Всего пяти минут общения ему хватило, чтобы настроение испортилось на год вперёд. А тут ешё и сына-оболтуса привели за ухо. И не за какую-то шалость, а за КРАЖУ!!!

Правая щека отца была ещё в пене для бритья. Левая уже побрита. Старикан всё тараторил, какая нынче молодёжь пошла, как теперь тяжело жить, и как всё катится в пропасть к Святой Ненависти, гори оно всё вечным пламенем... А потом острые боли. Такая острые, как бритва... Бритая щека отца покрылась каплями крови. Дирок с ужасом понял, что это его кровь...

Старикан выпучил глаза на окровавленную бритву, потом перевёл туповатый взгляд на обрубок уха, у себя в руке. А потом заорал, что резанный, и побежал прочь. Ухо, пожалуй, можно было бы пришить на место, если бы этот старый пень не забрал его с собой. По дороге он его выкинул, а куда – мешал вспомнить маразм.

И опять НИЧЕГО. Опять защитная реакция. Защитный кокон, вместо настоящих эмоций. Раньше Дирок позволял им выплескиваться во время пения. Сейчас же... Он просто закрыл дверь и ушёл в больницу. Ошарашенный отец остался на месте. Слишком долго до него доходил ужас содеянного.

В больнице рану Дирока обработали, наложили швы, дали выпить обезболивающего и порекомендовали остаться в палате хотя бы до утра. Дирок не стал отказываться. Глаза он продрал ближе к обеду. Он почему-то надеялся увидеть своего отца, виновато глядящего на него. Но вместо него увидел морщинистое лицо ифра с перебинтованной головой. Не долго думая, Дирок поднялся с койки и поплёлся домой.

Тем вечером им пришёл счёт за лечение. Весьма немалый. Отец долго ругался, поскольку весь бюджет у него был расписан на пять лет вперёд до копейки (проститутки занимали основную часть расходов под тайным словом «разрядка»). Он заплатил, но сказал сыну, что пора ему становиться мужчиной. Как только заживёт рана, нужно будет устроиться на работу и отработать потраченные на лечение деньги.

Отец никогда не извинялся за тот поступок. И Дирок в конечном итоге поверил в то, что не укладывающаяся в голове жестокость была оправдана. По крайней мере, он раз и навсегда понял, что воровать нельзя. Все деньги и блага Дирок должен зарабатывать только своим тяжёлым трудом.

С тех пор Дирок бросил детскую мечту стать певцом и вступил (с хорошего пинка отца) во взрослую жизнь...

В маленьком городишке молодому энергичному парню найти достойную его амбиций работу ох как нелегко. Подрабатывая посыльным, Дирок заработал нужную сумму, потраченную отцом на лечение. Дальше нужно было зарабатывать для себя – отец не давал и копейки. Другую работу отыскать не удалось. Пришлось продолжать разносить посылки, от чего на душе Дирока становилось всё тоскливер и темнее. Это была не та жизнь, которой он хотел. Это было не то место, на котором он хотел топтаться всю жизнь. С каждым днём опостылевшей работы желание сбежать куда подальше из этой «треклятой дыры» росло. С отцом он почти не разговаривал, да и не хотел. И не потому, что имел на него какую-то обиду. На самом деле, никаких обид не было. Нет. Он просто *не хотел*. И всё.

Благо, к восемнадцати годам он попал под призыв в армию. Нет ведь ничего лучше, чем стать славным защитником могучей державы Чикрог, чтоб её...

Многие ровесники Дирока всеми способами избегали призыва. Притворялись калеками, душевнобольными, подмешивали в баночку для анализа мочи всякие гадости, от которых у исследующих ту мочу лаборантов чуть ли не случался сердечный приступ. А кто из состоятельных семей – просто откупались деньгами. Но только не Дирок! Это был шанс вырваться из трухлявой дыры, которую он когда-то тепло называл «дом».

Пожалуй, день, когда за призывниками приехал паровой грузовик – был одним из самых счастливых в жизни Дирока. А то и самым счастливым.

В связи с отличным здоровьем и невероятной выносливостью, Дирока направили в элитный гарнизон «Нефритовые Львы». Там-то он и получил все необходимые основы для будущей профессии наёмника.

Больше в родной городок Нижний Алькор Дирок не возвращался. Его отец, как это ни странно, не выдержал одиночества. Слишком пусто было в его и без того пустой душе. Сын не написал ни одного письма, да отец и не надеялся на это. Спустя полгода с момента призыва сына, отец привязал к шее верёвку с тяжёлым камнем и утопился в озере.

Весть о самоубийстве отца Дирок воспринял, как и любую другую весть.
НИКАК.

Тварь притащила. Бросила на груду костей. И исчезла.

Дирок носом упирался в череп брина. Похожий на вытянутое яйцо с острой верхушкой, череп добродушно глядел вертикальными овалами глаз на новичка. Мол, рад тебя видеть, приятель, располагайся поудобнее, и, ради богов, не трать силы на крики, они тебе здесь не помогут...

Выругавшись так, как ещё не ругался, Дирок вскочил с пола и пнул череп. Ни в чём неповинная костяшка вмазалась в стену, вызвав глухой металлический стук, и раскололась на части.

Тело затекло, особенно руки и шея. Та бесформенная тварь чуть не задушила Дирока. Ничего, он ей ещё покажет, он всем ещё покажет! С подобными мыслями Дирок осмотрелся вокруг. Первое, что бросилось в глаза – тонкая магическая лампа на стене, какие порой используют для подводного освещения. Второе – сами стены. Они были ржавые, покрытые высохшими ракушками и плесенью. Может быть, эта плесень когда-то была чем-то растительным. Мхом или водорослями (почему бы и нет, раз ракушки есть). Стены были той высоты, на которую без лестницы не залезть... Дальше виднелось пустующее отверстие между их краями и сводчатым каменным потолком. Вывод

напрашивался только один – Дирок находится в громадном резервуаре для сточной воды. Благо, резервуар сейчас пуст. Скорее всего, его использовали для очистки стоков (об этом свидетельствовал песок под ногами, который обычно используют как ступень фильтрации), но позабросили за истечением срока службы. В толстых металлических стенах виднелись трещины, порой даже размером с кулак. Увы, как бы ни пытался Дирок их расковырять костью, как бы ни старался пробить стену кулаками и ногами – всё напрасно. Металл только на вид казался дряхлым. Здесь без лазерной горелки не обойтись. Да хотя бы газовой! Увы, ни того, ни другого не наблюдалось.

Несмотря на запустелый вид стен, кости буквально сверкали чистотой, если это слово уместно. Такое положение вещей внушало неприятные предчувствия.

Дирок попытался вскарабкаться по стене, цепляясь за трещины, но ничего путёвого не вышло. Выше уровня его головы крупных трещин не наблюдалось.

Главное не паниковать, мать твою ябранку за ногу, всё будет хорошо! То, что обглядело эти кости, не придёт. Дирок найдёт выход, пусть его и нет...

Ещё несколько отчаянных ударов по стенке. Ничего.

Не то, чтобы Дирок испытал приступ клаустрофобии... Но было неприятно. Было Чертовски грёбано Святая Ненависть всё изрежь неприятно!!!

Послышался влажный, чавкающий звук, который Дирок уже ни с чем не спутает. Из-за стены показался край чёрной бугристой массы. Тварь медленно ползла по потолку, словно наслаждаясь страхом жертвы. Её жертвы? Нет, это не совсем так...

Дирок вжался в стену. Такой безысходный страх он ещё не испытывал. К своему стыду он отметил, что всё тело дрожит, как осиновый листок, сердце вот-вот пробьёт грудь, а ноги еле держат. Но разве есть что-нибудь стыдное в том, что человек боится смерти? Это в его природе. А природы нельзя стыдиться... Но почему перед глазами не проносится жизнь? Злые и добрые поступки? Их нет. В голове ничего нет. Пустота, затянутая дрожащей завесой страха.

Тварь остановилась над условной серединой резервуара. Её бугристое тело лоснилось слизью в свету магической лампы. По нему прошлась рябь, вскоре сменившаяся волнообразными колыханиями. Шли они из низа «живота» твари. Дирок с ужасом наблюдал, как в её «животе» появилась трещина. Она начала разрастаться, шириться. Тело твари медленно разошлось в стороны. Из разверзшегося отверстия посыпались чёрные комки.

Комки падали на кости и песок. Их было не меньше двух дюжин. Некоторое время они не подавали признаков жизни, но Дирок уже догадался, что должно произойти.

– Кобковые тварёныши, ваша мамочка хорошо о вас позаботилась! – заорал он. Крик словно вырвал из цепких лап страха. Теперь эти лапы направляли его тело. Дирок подхватил голенную человеческую кость и принял лупить чёрные бугристые комки, так сильно похожие на уменьшенную копию той твари, что торчала на потолке.

Как ни странно, мамаша не стала заступаться за детишек. Видимо, это так принято у их вида. Закон выживания или что-то в этом роде. Испытание на вшивость. Не прошёл – сдохни...

Дирок успел перебить половину мерзостных гадёнышей, когда выжившие зашевелились и перешли к ответным действиям. Они с осторожностью налетели на него, как голодная саранча на рапсовое поле. Спасти было невозможно. Тварёныши облепили Дирока, присосались к нему, обвили сотнями цепких тоненьких конечностей.

Меня жрут заживо, мать их так, жрут заживо!!! Я не хочу так дохнуть, не хочу!!!

Детёнышам чёрной бугристой твари было наплевать на то, что там себе хотел их обед. Они присосались к нему слюнявыми сфинкteroобразными ротовыми отверстиями. Их слюна медленно разъедает плоть. Очень медленно. Жертва может оставаться в живых до двух недель...

КРРРРРУУУУУУУУ!!! – разразился где-то вдалеке вопль неведомого чудовища.

Раздались звуки, похожие на бьющиеся друг о друга пустые металлические бочки. За ними последовал громкий скрежет металла. А следом – оглушающий плеск воды.

Тварь на потолке нервно задёргалась, вздулась, громко зачавкала. Её детки бросили трапезу и поползли к мамочке по стене. Дирок не поверил своему счастью. Зато он охотно верил в ужасно пекущее тело – слюна уродцев успела оставить после себя волдыри. Эта боль отупила Одноухого и он, не взирая на смертельную опасность, схватил кость и принял крошить ей мерзких тварёнышей, медленно ползших по стене. Сверху они были мягкими, но внутри полнились твёрдой тканью. От сильных ударов, они попросту лопались, брызжа смрадным чёрным желе внутренностей. Гадёныши не стали отбиваться. Жизнь, а вернее – смерть братьев их не интересовала. Но самое поразительное, их матери было на это тоже наплевать. Всё тот же закон выживания?..

До родительницы доползло лишь два тварёныша. Они забрались в её чрево, тут же затянувшееся за ними, словно карман на змейке.

Тварь поползла прочь.

Дирок бросил чёрную от внутренностей врагов кость. Очень громко выругался – тело невыносимо пекло в местах «поцелуев». Не успел он обрадоваться спасению, как стены задрожали от удара, а в щели хлынула вода.

Нормальный человек бы до смерти перепугался. Но только не Дирок. Захлестываемый почти что детским чувством радости, он подбежал к струе и смыл с себя едкую слизь. Да, пусть вода была далеко не чистой... и, наверняка после этой процедуры по телу пойдёт какая-нибудь сыпь, экзотический лишай или чего похуже. Но это всё равно лучше, чем страдать от медленно разъедающей тебя слизи...

Вода набиралась быстро, а Дирок просто ждал. Вскоре поток подхватил его и поднял до самого верха стены. Вода остановилась в полумetre от края, и Дирок с лёгкостью на него забрался. Там он просидел до тех пор, пока сток не пошёл на убыль. Он спрыгнул в поток и держался на плаву, пока бурная сточная река не превратилась в ручеёк.

Дирок молился, чтобы Миррил хватило ума выбраться на поверхность. В таком диком сливном потоке выжить было невозможно...

Поборов желание отправиться на поиски тела (на случай, если девушке не хватило мозгов выбраться наружу), Дирок отыскал ближайший шест и выбрался на поверхность. Люк закрывал выход, но наёмнику не составило особого труда его сдвинуть.

Ох, каким же свежим и сладким был воздух снаружи!

Глава 16: *Живые трупы*

Мор был вне себя от ярости. В городке Нижний Алькор не оказалось Дирока, а главное, там не оказалось Миррил. Злость пришлось сорвать на седошёрстом брине лавочнике, с которым душа Дирока имела какую-то неприятную связь. Брин умирал

долго и мучительно. Его изуродованное тело нашли в лавке. В груди зияли две окровавленные дыры, через которые убийца затолкал в лёгкие не меньше дюжины пачек сигаретт...

Душа Дирока оказалась ещё тем подарочком. Не удивительно, что Мору она напомнила гроб – это было настояще вместилище давно прошедших, но не пережитых душевных стенаний, страхов, разочарований, боли и печали. Словно хозяин хоронил их заживо, пропускал мимо себя. И они накапливались всю жизнь. Слёзы, которые он не выплакал, боль, которую он не испытал. Не позволил себе испытать. Это и стало огромной преградой на пути Мора. Душа Дирока была так забита не пережитыми переживаниями, что отличить их от переживаний теперешних было невозможно.

Что ж, другого пути нет. Мор будет продолжать поиски. Даже если для этого придётся перелопатить гору похороненных заживо трупов воспоминаний...

Глава 17: *Мечта поэта*

День выдался жарким.

Вито Шипнар, известный в литературных кругах Мистора (да и всего Чикрога, пожалуй) под провокационным псевдонимом Барон Отрицательный, лежал на диване, глядел в потолок. По его бледному лицу блуждала тень мучительных раздумий. И эта духота, спрётость воздуха в комнате – просто убивали потуги музы осенить его истерзанный думами мозг. Вито глядел на трещину в потолке и, к своему сожалению, мог думать только об этой трещине, о том, что нужно её замазать шпаклёвкой, а не о том, что наша жизнь, по сути, есть белый потолок мицроздания, изрезанный трещинами неудач и страданий...

Барон Отрицательный был известен за свои радикальные оценки действий славного правительства Чикрога. Он неоднократно заявлял, что все люди слепы, раз верят тупым выдумкам про *сенат* и его *картонную демократию*. Страной правит Орден Восьми Старейшин, поскольку он является единственным производителем магония, на экспорте которого и держится вся экономика. На вопросы, откуда он это всё знает, Барон лишь надменно вздыхал и высокопарно заявлял: «свои источники я не вправе оглашать».

По большому счёту, Вито Шипнар в кругах мисторской богемы считался чем-то вроде дежурного сумасшедшего шута. Некоторые в открытую глумились над ним, многие глумились за спиной. И лишь горстка воспринимала его слова всерьёз.

Иначе дела обстояли с народом. Люди любили резкие стихи Барона Отрицательного, хоть их смысл порой и ускользал от понимания. А его прямые обвинения в адрес Ордена в основном воспринимались как собирательный образ душевной порочности, сконцентрированный на материальном объекте, литературную выдумку, шалость.

Власти к Вито относились более-менее снисходительно. Во все издательства страны были даны указания: печатать сборники стихов Барона Отрицательного тиражом не выше положенного, платить не выше среднего. Так, чтобы он не подох с голоду, но и так, чтобы не мог как следует разгуляться и почувствовать себя признанным.

Недавнее заявление Барона на съезде литераторов, мол, «грядёт ужасная война» – было воспринято со смехом. Мало того, Барона Отрицательного тут же закидали тухлыми овощами, яйцами и скомканной бумагой (многие специально взяли с собой

боеприпасы, узнав, что будет выступать их любимец Барон). Собрав остатки гордости в кулак, он протянул этот кулак толпе и сделал неприличный жест. После чего гордой походкой удалился со сцены, зарёкшись больше не посещать съезды этих «умственно-отсталых творческих импотентов».

Был тут один нюанс... Свои пророчества Барон выдумывал не из головы... Приблизительно раз в полгода к нему приходил посыльный с письмом от одного высокопоставленного члена Ордена Восьми Старейшин. В письме давалась сводка грязных делишек Ордена. Там саботировали поставку магония Промышленной Картели в ДГР. Здесь с помощью «сената» отредактировали и ввели в силу закон, позволяющий снизить пошлину на ввоз магонита. Там убрали несогласного, здесь приплатили согласному. В общем, грязь, которой полно...

Вито Шипнар часто думал по поводу этих писем.

Во-первых, они могли быть лишь жестокой выдумкой, клеветой, взращенной на религиозной почве.

Во-вторых, они могли быть правдой, которую сознательный гражданин решил разгласить устами поэта.

В-третьих, всё ту же правду используют для укоренения лжи. Выбрав в качестве глашатая человека, которого большинство людей считают талантливым безумцем.

Каждая версия имела право на жизнь. Как бы умозаключения не разнились, а их объединяло одно – они время от времени мешали поэту сконцентрироваться и работать. Слишком уж глубоко засасывали эти раздумья. Из этой ямы творческого стопора Вито Шипнар порой не мог выбраться неделями, а то и месяцами. А вырвавшись, опять проваливался. И если удавалось за этот короткий промежуток черкнуть несколько стихов – уже хорошо.

Но сейчас, как ни удивительно, мысли поэта парили далеко от этой ямы. Впрочем, так же далеко они парили и от прудов творчества, из которых он, если везло, вытягивал полные сети идей, сюжетов и рифм.

«Шпаклевать потолок нужно шпаклёвкой» – то и дело всплывала глупая мысль. Других не возникало, от чего настроение Вито становилось всё хуже и хуже.

«Я шпаклюю тебе душу, своим трепетным стараньем» – записал он карандашом на листке желтоватой бумаги. Подождал немного, обдумывая написанное.

«Вот ведь херня!» – разозлился поэт, вырвал из блокнота листок, скомкал и швырнул в угол, на гору подобных абортированных зародышей мыслей.

Некоторое время он неподвижно лежал, буравя отрешённым взглядом трещинку в потолке.

«Ты глупейшее созданье» – Вито вскочил с дивана и принялся наворачивать круги по крохотной гостиной, служившей кабинетом (поскольку гостей он почти никогда не принимал), чёркая мысли в блокнот. Кажется, они наконец схватились за сети, заброшенные в пруд творчества:

«неподвластно пониманье
твой ущербный мозжечок
весь от дряблости промок
ты не знаешь почему
да и я в толк не возьму
отчего услышав раз
понимаешь ты родас

отчего увидев таксу
принимаешь ту за ваксу
разрываешь на куски
ты свои браток мозги
ты не слушаешь меня
я кричу будет война
насихать на то хотел
лишь бы мозг твой не болел
лишь бы плюнуть на слова
лишь бы не была беда
забываешь тут однако
что ты просто лишь собака
та что дальше своей будки
не увидит незабудки...»

Барон Отрицательный (да сейчас это был именно он, а не Вито Шипнар) критично перечитал строки, выплеснутые из души на бумагу. Выругался, вырвал лист и бросил в стену. Его критичная половина требовала смерти стиха. Его рациональная понимала, что из сырых фраз может получиться что-то достойное. Редко бывало, чтобы стих сразу понравился обеим половинам. В случаях расхождения мнений Вито/Барон поступал всегда одинаково – вырывал листик в угоду критичной половине, скомкивал и выбрасывал. Но, в угоду рациональной половине, он выбрасывал листок не в общую кучу, а в пустое место. Там-то поэт, дождавшись, когда негативные эмоции утихнут, поднимал листок, разворачивал и перечитывал более трезвым взглядом.

Сегодняшний случай не стал исключением. Вито поднял листок и прошёлся по нему ревностным взглядом. Он всегда писал стихи без знаков препинания – они его попросту отвлекали от сути. Запятые и тире – можно ставить и при конечной вычитке...

Первая строка неплохо рифмовалась со второй, но за это, как уже знал Барон из горького литературного опыта, придётся получить взбучку от критиков, которые, сказать по правде, его ох как не любили и устраивали чудовищные разносы каждому новому творению. Называя читателя «глупейшим созданием», поэт давал следующей строкой абстрактное «неподвластно пониманье». Узколобый критик, испытывающий ненависть к поэту, сразу же кинется на эту на первый взгляд несуразицу. Мол, автору давно пора купить школьный учебник правописания и почитать его как следует. Если он обращается к читателю, то где уточнение? Где, я вас всех спрашиваю? ЧЬЁ пониманье? Нигде не сказано, что оно того «глупейшего создания». Автору пора вообще забросить писать, поскольку ничего у него не получается. Сколько лет можно так бездарно марать бумагу? Нет, однозначно, это глупо...

Да, что-то подобное Вито выслушивал чуть ли не в каждом критическом отзыве на своё творчество. Уже привык. Всё равно его продолжали печатать, а количество читателей если не увеличивалось с каждым новым сборником, то хотя бы оставалось на прежнем уровне. Видимо, читатели понимали подобные фигуры речи Вито (или, что более вероятно, чудаковатость фигур их просто не раздражала).

Неподвластно само *Пониманье*, как таковое. А не «понимание» отдельно взятого субъекта!

Что-то схожее можно было сказать и про «промокший от дряблости мозжечок». От дряблости не промокают! В общем, с этим и сам Вито был согласен. Но зато это неплохо звучало...

Нет, тут нужно будет хорошенько над всем подумать. Единственное, что к месту – собака, которая «не увидит незабудки». Незабудки – древний символ опасности. Существовало даже поверье, что если вы случайно наступили на незабудку – быть большой беде. Увы, поверье было старым и о нём мало кто помнил… К незабудке тоже цепляться будут.

– Да пошли они, стукфары критики! – рявкнул Барон Отрицательный и топнул ногой. – И ты, Вито, катись далеко и надолго! – добавил он и разорвал листок.

Да, стих действительно был убог…

Фиаско за фиаско. Вито уж и забыл, когда из-под его пера выходило что-то хорошее (на самом деле, с того момента не прошло и недели). Нет, слишком большая душевная нагрузка, слишком много от Вито Шипнара хочет Барон Отрицательный. И, Святая Ненависть всё изрежь, слишком душно в комнате!

Нужно развеяться.

Натянув на себя сетчатую голубую футболку, стильный тонкий шёлковый пиджак, подаренный анонимной поклонницей, и белые хлопчатобумажные штаны (до этого на нём красовались лишь белые трусы-семейки в красный горошек), прихватив полупустую пачку сигаретт, электрическую зажигалку (доставшуюся ему в качестве награды за победу в поэтическом конкурсе «Куренью бой») и немного денег, Вито покинул душный домик.

Бродить по улицам Мистора.

Солнце шло на убыль, но его жаркое прикосновение ещё чувствовалось. Вито зашёл в любимый паб «Бравый жеребец» и заказал ледяного белого нефильтрованного эля. Миловидная официанточка (которая время от времени захаживала к Барону Отрицательному в гости для хорошего траха) принесла запотевшую прозрачную кружку с живительным напитком. Денег она не взяла, плотоядно подмигнув, мол, потом отработаешь, сладенький…

В пабе сидело несколько знакомых Вито, но он предпочёл сделать вид, что не увидел их. Они предпочли сделать то же самое.

Эль за несколько глотков перекочевал из кружки в желудок поэта, заполнив всё живительной прохладой. О да! Это как раз то, что нужно!

Ирэн не заставила себя ждать, принесла новую кружку и копчёные колбаски. Жизнь уже не казалась такой беспросветной и серой. А с третьей порцией она вообще раскрасилась радужными красками. Приобрела те яркие и приятные оттенки, в которых даже дермо способно показаться конфеткой.

И плевать на всех. Пусть говорят, что им там вздумалось. Если они все настолько слепы, раз не хотят поверить в слова истины, то пусть подыхают себе тихонечко. Барону Отрицательному их никчёмные жизни по барабану. Да, но есть ли его слова истина? Вито Шипнэр не уверен в этом. Вести о войне, о лживости сената, о поставках магония – могут быть лишь простой шуткой. Кто-то с особым цинизмом глумится над доверчивым Бароном, а сам кончает от смеха, наблюдая, как поэт сеет в массы его выдумки. И вот опять пошли эти дурные мысли. Лучше бы они блуждали в поисках новых стихотворений…

«И снизошла нам благодать

И эль рекой течёт опять»
Да, в этом что-то есть... Близко к народу, так сказать.
А дальше?
Нет, всё-таки не хотят они слушать Барона. Не хотят, Святая Ненависть всё изрежь,
Святые Уродцы всё утопи.

Радужные краски поблекли как-то сами собой. Эль больше не помогал. Вито отставил недопитую кружку и встал из-за стола. Не попрощавшись с Ирэн, он вышел из паба.

Солнце утонуло в горизонте. Духота сменилась приятной вечерней прохладой, которую принёс мелкий тёплый дождик. Улицы Мистора вспыхнули пёстрыми огнями магических и газоразрядных ламп. Уличные фонари, разноцветные рекламные вывески, свет в нескончаемых окнах небоскрёбов и простых домов.

Вито шагал по городу без цели, с интересом глядел на мчащихся куда-то прохожих. Казалось, их лица носили одинаковые маски: сатирическую смесь заботы, напускной важности и надменности. Раньше Барону Отрицательному стоило лишь немного прогуляться, хоть краем глаза полюбоваться этим клишированным убожеством, чтобы родились такие шедевры как «Ничтожность бренного сознанья», «Ты, тот, кто строишь себе склеп», «Гребцы без вёсел», «Куклы», «*****», «Слепцы», «Смрадное болото», «Застыли в сумраке веков» и, конечно же, любимое его стихотворение (единственное, воспринятое критиками не в штыки) «Сон длиною в жизнь». Но сейчас что-то было не так. Вдохновение всё не хотелось приходить. И от этого весь мир был противен, но не с налётом покровительственного участия, как всегда – он был противен до унылой невыносимости. Сейчас он казался сухой пустыней, высушившей пруд творчества. Настолько сухой, что в ней не способны прорости неповторимые ростки созидания, а пробиваются лишь однотипные кактусы повседневности.

Всё дальше и дальше от центра города. Всё реже встречались на пути прохожие. Вскоре они вообще перестали попадаться. Время от времени Вито обращал внимание на доски объявлений: составленные душевнобольными рекламные плакаты, лица разыскиваемых преступников, ненавистная поэту агитация демократических ценностей и тому подобная чушь. Барону чем-то пригляделся профиль одной преступницы: красивые, пропорциональные черты лица, короткая стрижка, глубокий взгляд. Что такая краля натворить успела, раз заслужила крест УБИЙСТВО НЕ ЗАПРЕЩАЕТСЯ? Да, жаль дурочку, она бы отлично ещё послужила на благо народа где-нибудь в доме терпимости или в массажном салоне (что, по большому счёту, одно и тоже).

Из щели канализационного люка рвался истерический женский крик. Этот крик мгновенно выбил из головы Вито все мысли, заполнив только собой. Что это? Болезненно разыгравшееся от переутомления воображение? Нет. Это на самом деле...

Мольба о помощи...

В таких ситуациях Вито (да и Барон) поступал одинаково – проходил мимо. Нечего ему больше делать, как чужие проблемы разгребать. Своих, вон, по горло. Но сейчас необычная ситуация. Сейчас Барон был зол на весь мир, предательски скрывший от него музу. Собственно, прогулкой по городу он и пытался её вернуть. Пока не получалось. В погоне за ней Барон готов на всё. Даже пойти наперекор принципам. Кто знает, вдруг, это его последний шанс?..

Крышка канализационного люка была тяжёлой. Вито никогда не отличался высокой физической подготовкой... Вручную сдвинуть с места крышку не удалось, но

там, где кончается сила – начинается разум. Поэт бегло осмотрелся вокруг, и вскоре его взгляд остановился на металлическом шесте, торчавшем из цветочной клумбы. Кто его туда впихнул и зачем, узнать было не суждено. Зато было суждено выкорчевать его из земли (не без труда) и использовать как рычаг. Впихнув один конец шеста в петлевидную крышку люка, Вито упёрся плечом в другой конец. Немного покряхтев, раскрасневшись и вспотев, Барону всё-таки удалось сдвинуть крышку.

В освободившемся проходе мелькнуло грязное женское лицо с короткой стрижкой под мальчика.

Это была ОНА!

Девушка, разыскиваемая властями...

Глава 18: *Прощай, Мистор!*

Мистор был неприветлив. Нет, это слово не подходит. Скорее, Мистор превратился в ту дыру, в которой тебе ни за что не хотелось бы побывать...

Ночь.

Улица, на которой Дирок вылез из канализации, пустовала. Одинокий газоразрядный фонарь светил вдалеке, безуспешно боролся с окружавшим его мраком. Окна в редких домах были черны, словно все их обитатели сговорились затравить улицу темнотой.

Первым делом Дирок полюбовался на свой портрет, приkleенный к столбу фонаря. Будь они все прокляты, получалось очень даже похоже! Срез лица, правда, не тот, да и нос слишком длинным сделали, ухо не такое. Но, в общем, опознать по портрету не составило бы большого труда.

Размышлять тут больше не требовалось – нужно отыскать убежище. И как можно глубже, глупше и темнее. Нет, в канализацию обратно Дирок ни за какие коврижки не полезет. Даром говорят, мол, наёмник за хорошую копеечку даже родной матери брюхо вспорет. Ну, насчёт матери Дирок бы ещё подумал... но вот обратно в канализацию к тому уродливому бугристому монстру и его детишкам уж точно ни за что не полезет!

Что делать? Вопрос этот буравил голову сильнее, чем способен мозговой червь (а эта дрянь, если уж проберётся яйцом через слизистую глаз в организм, то будет жрать мозговую ткань даже после того, как жертва двинется рассудком или превратится в овошь)!

Так...

До рассвета нужно найти глухую дыру, забиться туда и не высовываться. Хорошо, с этим не всё так плохо: Дирок вылез из люка на окраине Мистора – это и дебилу понятно. Спрятаться можно где-нибудь за чертой города. Отыскать какой-нибудь заброшенный домик (что маловероятно) или выкопать себе нору и жить в ней как кролик-фарлинько (это уже ближе к реальности). А дальше? Как найти Миррил (если она всё-таки выбралась из канализации)? Ну, первым делом нужно пробить по базам данных полиции. Выбравшись из гноеточащих лап подземельных нечистот, девушка с колоссальной долей вероятности могла тут же попасть в не менее гноеточащие лапы мисторского правосудия. В этом случае узнать её местоположение не составит труда. Каждый месяц выходит глянцевый сборник «Пойманы и осуждены»: с фотографиями и кратким перечнем злодеяний закононепослушных граждан. Особенной популярностью у читателей пользовался раздел «Осуждены на смертную казнь»...

Дирок не имел пагубной привычки бездействовать размышляя. В то время как вскипевший казанок его головы выбрасывал на бурлящую поверхность мысли – одна даже другой – ноги наёмника не останавливались, глаза не смыкались. Он бежал прочь из города.

Ну да ладно, найдёт он убежище. Дальше что делать? Как что? Замаскироваться и захаживать в город, искать глупышку Миррил. Ну и? Сколько лет на это уйдёт? Кстати, не факт, что она жива...

Бросить всё? Дать драла из этой проклятой столицы? Хм... вполне возможно...

Возможно теоретически. А вот практически... Дирок уже давно сердцем понял, что от «аппетитной задницы» ему так просто не отделаться. Разум пока ещё сопротивлялся, но с каждым днём всё слабее и слабее. Да, что-то есть в этой взбалмошной блондинке. Что-то такое, что превращает грозного волевого мужчину в послушную тряпичную куклу. От этих чар нет противоядий.

Темнота, как и обычно, сгостила над Мистором. В ту ночь городской смог, скрывающий звёзды, был особенно плотным. Чем дальше от улиц с их яркими фонарями, тем темнее. Тем безопаснее...

Вскоре Дирок передвигался практически наощупь. Тротуарная плитка сменилась песком, глиной, камнями, травой и корягами. Несколько раз он падал, зацепившись за тот или иной выступ.

Дорога пошла на подъём. Выставленные вперёд руки наткнулись на каменную глыбу. Вдоль неё, вглубь пещеры. Да, Дирок не сомневался, что попал в пещеру. Ну, или расщелину в скале. В любом случае, место для отдыха замечательное (если в ней не живёт какой-нибудь горный лев или ещё чего похуже).

Пройдя с десяток-другой метров и упёршись в стену, Дирок вздохнул с облегчением. Во-первых, раз это конец пещеры-ущелья, то в ней никто не живёт (разве что обитатель вышел на ночную охоту, что, хотелось верить, маловероятно). Во-вторых, больше идти nowhere не надо, а тело наёмника так и пульсировало от перенапряжения, словно собиралось взорваться (особенно ноги). В-третьих, катись оно всё пропадом!

Дирок лёг на прохладную каменистую землю и заснул прежде, чем голова успела к ней прикоснуться.

Я тебе сколько раз говорил, гадёныши, не макай хлеб в сахарницу. Говорил я тебе? Получай, падаль, получай! Весь как твоя ябранка мать! На тебе! На! На! На! Эта блакня никогда не могла держать свои долбаные ноги вместе! Получи приудорок! Ты весь в неё! Такая же худая и высокая глистина! Получай!

Дирок, понимаешь... Мы не можем быть вместе... не можем...

Рядовой Мистафилиус, наряд на туалеты. Будешь драить очки. Будешь, салага, ёщё как будешь. Чего? Не хочешь? Не будешь? А ну-ка иди-ка сюда, молокососинка, иди-ка сюда... Вот тебе, вот, и так, и так, вот так вот! Вот так! Вкусненько? Конечно же! Жри! Жри, шкурля, жри! О да, ты у меня научишься уму разуму, ох научишься... Иди, умой свою рожу, она вся в дерьме...

Эй, дружище, ты знаешь который сейчас час? Нет? Сейчас час грабежа! Ах-ха-ха! Нет, перестань, я ведь пошутил, не надо. Ах, чёрт, кхэ-кхэ, это что, моя печень? Ах... ты... тварь... я... шутил... я ведь... кхэ-кхэ... акх... аххх...

Ты тупое, подлое, грязное, ничтожное, дрянное, паршивое, вшивое, мелкое, говяжье, ублюдочное, мизерное, бесхребетное, безъяичее, безчленное, дешёвое, двулиное, трусливое, идиотское, тупорылое, вонючее, колючее, блюющее, плюющее, мерзопакостное фарлинько!!!

Да, за эти деньги я сделаю тебе всё, что ты захочешь. Хм... Это странная просьба... Ну ладно, я ведь не стану подводить постоянного клиента... Поворачивайся, так, хм... да, вот так хорошо? Ммм... хорошо...

Малыш какой симпатичный. Его тоже обслужить? Ну ты и жадина. Слышишь, мальчик, твой папенька эгоист, всё сладенькое только себе забирает.

Дирок стоял рядом, наблюдал за всем со стороны. Они проносились мимо него, не задевая, не терзая, не раня... похороненные воспоминания, неиспытанные эмоции...

Но вот странно, Дирок никогда ещё не видел такого: возле воспоминаний клубилось облако. Оно то чернело, сгущалось, приобретая черты, отдалённо напоминавшие человеческие, то вновь белело, теряло форму, растворялось в воздухе, словно и не было его вовсе. Но когда оно вновь чернело, Дирок видел сгущенные отростки, которые шевелились. Словно это были руки человека, рывшегося в куче мусора или грязного белья...

Дирок проснулся и обнаружил себя лежащим на дне скального ущелья. В отверстие между разломами виднелось голубое небо. Бок затёк, всё тело, казалось, окоченело от ночной прохлады, нос был полон простудных соплей, а живот сводило от голода. В общем, полный джентльменский набор беглеца от закона.

Первым делом Дирок выбрался из ущелья. Солнце только начало своё восхождение по небосклону, но и ранних лучей хватило заставить наёмника прищуриться. Он приложил ко лбу ладонь «козырьком» и осмотрелся. Степной массив вдалеке сменялся крохотными коробочками пригородных строений Мистора, которые, в свою очередь, сменялись более громоздкими зданиями центра города. Увы, ни одного намёка на куст со съедобными ягодами, ни одного одичавшего фруктового дерева.

В гарнизоне «Нефритовые Львы» Дирок научился многому. В первую очередь – убивать. Во вторую очередь – убивать быстро и тихо. В третью – убивать безжалостно. Остальные учения имели не основной характер. Шпионаж, шантаж, маскировка, выживание – всё на базовом уровне. Главной задачей всё-таки было умение убивать... То есть Дирок, конечно же, знал какие ягоды можно есть, а после каких тело покроет красными предсмертными пятнами. Но вот с более сложными и изощрёнными способами выживания у него были проблемы. Скажем так, Дирок не был тем человеком, который способен прокормиться несколько недель при помощи соломинки и муравьиных норок...

Зато он прекрасно знал, что кузнечики и саранча вполне даже съедобные. В кармане чудом сохранилась электрическая зажигалка, но мало того, она ещё и работала!

Осталось всего ничего – ходить по траве близ скалы и отлавливать попрыгунчиков. Они дрыгались в руках, кусались, царапались, выпускали из своих крохотных пастьей коричневую вонючую жидкость, но больше всего они дёргались, когда Дирок, держа за задние лапки, подносил их к огню небольшого костра из сухой травы и веточек (не без труда распаленного калёной добела спиралькой электрической зажигалки).

Нажарив таким образом себе несколько дюжин кузнечиков и саранчуков, наёмник принялся утолять голод. Покрытые подгоревшей хрустящей коркой, сухие, колючие, с неприятным травяным привкусом закуски худо-бедно заполнили желудок. И если их чем-нибудь ещё запить – вообще хорошо бы было. Увы, нигде намёка не то, что на реку, даже на захудалый ручеёк не наблюдалось.

Запить!

Дирок, кажется, слышал слабое журчанье воды, когда выходил из расщелины. Нужно проверить, а то эта сухость во рту невыносима.

В расщелине действительно слышалось слабое журчание. Доносилось оно из небольшой трещины в скале. Но как-то неестественно выглядела эта трещина... После короткого осмотра, Дирок разобрался в чём дело. Глыба, которую при беглом обследовании можно принять за цельную часть скалы, была отнюдь не цельной. Широкий каменный полу-диск толщиной в двадцать сантиметров внизу и сужающийся до сантиметров пяти вверху. Он идеально вписывался в «интерьер» скалы, закрывая собой проход к журчащей воде. Недолго думая, Дирок просунул пальцы в щель между камнем и скалой, потянул на себя. Немного сдвинул камень, вцепился в него покрепче, дал упор на ноги и со всей силы дёрнул. Каменное препятствие с глухим стуком повалилось на землю, подняв в воздух здоровенный столб пыли.

Проход открыт.

Безусловно, это должен был быть тайник каких-нибудь отшельников или беспечных путешественников. Но они сами виноваты – незачем его делать в месте, где течёт вода, так необходимая утомлённому путнику, объевшемуся жареных на костре насекомых.

Туннель резко уходил под землю, петлял. В некоторых местах приходилось пробираться ползком, изгинаясь между влажными скальными образованиями: сталактитами, сталагмитами и сталагнатами (Дирок помнил эти три слова, но всё время путал их друг с другом). Чем глубже в пещеру, тем громче журчала вода. Тем больше соплей текло из носа – известно, что сырость простуду не лечит...

Как ни странно, в пещере присутствовал свет. Да, тусклый, да, слабый, по капельке сочавшийся из отверстий в стенах. Но это был свет, столь незаменимый в подобных местах! И плевать, откуда он брался...

Наконец-то! ВОДА!

По скользкому дну пещеры струился маленький ручеёк. Пойди Дирок вдоль его течения, наверняка вышел бы к более серьёзному источнику воды. Но наёмнику и этого было достаточно. Он погрузил руки в ручеёк и принял с жадностью пить холодную воду со сладковато-известковым привкусом.

Страдающий от жажды после прыгучей трапезы Дирок так увлёкся питьём, что и не заметил, как над ним нависла зловещая тень. А когда заметил – было уже поздно. Перед глазами мелькнул резиновый набалдашник дубинки.

Резкий удар по лицу.

Хруст ломаемого носа.

Прозрачный ручеёк медленно потемнел от крови.

Глава 19: *А ведь можешь, когда надавят...*

Мысли о смерти разлетелись, как стая пугливых воробьев, стоило только крышке канализационного люка сдвинуться с места. В отверстие глядел человек. Мужчина. В лучах уличных фонарей его лицо показалось Миррил отталкивающим и почему-то смутно знакомой, а фигура сутуловатой и хилой. Но вот он протянул ей свою руку – тонкую, хрупкую, костлявую. Миррил вцепилась в неё, как младенец обезьяны цепляется за шерсть матери. Мужчине стоило большого труда вытащить обессиленную девушку. От него пахло пивом.

– Ты ведь Миррил, да? – спросил он.

Миррил утвердительно кивнула – сил что-то говорить (а уж тем более врать) у неё не было. Ноги еле держали. Если бы незнакомец не поддерживал, то она бы давно повалилась на землю.

– Тебе нельзя оставаться на улице, за твою голову назначена награда, – пояснил прописные истины мужчина.

Миррил молчала. Она не знала, что можно сказать. Она вообще ничего сейчас не знала. И не хотела знать. Эх, старина Сик, добряк Сик...

– Я не так близко живу, но сейчас ночь и есть шанс не попасться на глаза полиции, – сказал незнакомец. – Пойдём?

Миррил была слишком утомлена, чтобы понимать спасительный смысл его слов.

Ох, какая же она красивая, отметил Барон Отрицательный, какие правильные пропорции, какие плавные изгибы, какие возбуждающие соски... Грех их скрывать, конечно, но ничего тут не поделаешь. Не расхаживать же ей по городу голышом? Пока не дойдём до дома... Да, впечатление портят синяки и ссадины, по всему телу, но что тут уже поделаешь? Ничего, в аптечке есть несколько целебных мазей, они всё исправят.

Вито снял с себя шёлковый пиджак и после некоторых раздумий таки набросил на плечи девушке. Да, зря поэт сегодня надел самый дорогой элемент своего гардероба. Обычной ветровки вполне достаточно. К тому же, этот пиджак – подарок таинственной поклонницы (или поклонника, что не так уж и важно).

Ну ничего, отстирается...

– Идём, девочка, идём, не стой на месте, – подгонял мужчина, поддерживая её за талию. Миррил не чувствовала своих ног, но они были. Мало того, они передвигались, несли её прочь от люка проклятой канализации. Прочь от гигантских крыс и смертоносных зловонных потопов.

Прочь!!!

– Ну ты и воняешь, я тебе скажу, – не сдержался Барон Отрицательный.

Миррил не разобрала его слов. В голове отбивал тревожную дробь пульс. Кроме этого пульса ничего не было слышно. Всё тело напряжено до предела. Оно ныло, болело, буквально разваливалось на части. Предобмороочное состояние не превращалось в обморок лишь благодаря невероятной силе воли. Да, недавно решившая покончить с собой, Миррил вновь обрела страсть к жизни. Дикую, животную, неоспоримую.

Вито изо всех сил старался скрыть лицо девушки. Со стороны они вдвоём вполне бы сошли за мужа и набравшуюся в сиську жену, которую бедняга трезвенник муж

пытается дотащить домой. А супруга, тем временем, уткнулась носом в его плечо и то ли тихонечко плачет, то ли вообще спит на ходу.

Тревога всё сильнее нарастала в душе поэта. Он уже сотню тысяч раз успел проклясть глупое решение помочь преступнице. Чем дальше они шли, тем светлее становились улицы. Вот и первые прохожие попадаются по дороге. Кто-то провожает странную парочку заинтересованным взглядом, кто-то шарахается от резкого канализационного запаха, а кому-то и вовсе наплевать на всё и всех (эта категория Барону нравилась больше всего).

Сердце Вито ушло в пятки (бесстрашный Барон тоже струсил), когда из-за угла навстречу им вышел патруль полицейских. Мало того, патруль шёл по той же стороне улицы, что и поэт с преступницей. В сознании тут же выскоцил глас боязливости: «Сдай ты им эту дуру! Скажи, что вёл в ближайший полицейский участок. Точно, и вознаграждение как раз получишь, и за решётку не угодишь! На кой ты вообще её подобрал? Делать больше нечего?» Патрульные приближались, их точно заинтересовала странная парочка. Вито, как мог, поборол приступ трусости (хотя дрожь в коленках и лёд под ложечкой это не убрало): «Они её там сгноят, будут насиловать, а потом повесят или четвертуют на центральной площади – на радость толпе. Нет уж, я не хочу остаток дней чувствовать угрызения совести за это. Каких бы дров эта милашка не наломала, всё равно я ей симпатизирую в тысячу раз больше, чем погрязшей в коррупции и лжи полиции!» Патрульные совсем близко. Их было трое: два темнокожих человека и толстяк (что для представителей его сухощавой расы большая редкость) брин. Брин держал грузную руку на расстёгнутой кобуре с болтострелом. Не счёл остаться невысказанным и Барон Отрицательный: «Да, к тому же она невероятно красива! Подумай, дружище, на что она пойдёт, чтобы отблагодарить тебя за своё спасение...»

Вито с повысшей на нём Миррил поравнялся с патрульными как раз в самом препаршивом для этого случая месте – возле газоразрядного уличного фонаря. От его белого, холодного мерцания невозможно было укрыться.

Вот, придурак Вито, сейчас тебе наваляют по полной. Сдай ты эту кобочку, пока ещё не поздно!

– Ну и вонище, – заговорил темнокожий (самый низкий из патрульных), – вы, граждане, в каких сортирах кувыркались?

– Я... – подал было голос Вито. То, что творилось у него внутри можно было сравнить разве что с бураном – вихри страха бешено кружили снежинки отчаяния...

– Забейся, стукфар, – спокойным, не предвещающим ничего злого тоном посоветовал второй темнокожий полицейский.

– Так, нарушение общественного порядка, оправление нужд организма в людном месте, применение нецензурной лексики в адрес хранителей правопорядка, разгуливание по городу в тягчайшем состоянии алкогольного опьянения, – принялся загибать пальцы самый низкий.

– Но я ведь ничего... – выпучил глаза Вито.

– Забейся, стукфар, – повторился темнокожий полицейский.

Брин молчал, держал пальцы на рукояти расчехлённого болтострела, вглядывался в лицо Вито, словно пытался его вспомнить.

– Эх, дружище, да у тебя здесь полный букет, – сочувственно покачал головой низкий полицейский. – Ну и вонь от твоей ябранки. Где ты её откопал?

– На свалке, гэ-гэ-гэ! – пробасил брин и зашёлся отвратительным смехом с прихрюкиванием. Его товарищи только переглянулись, мол, смеяйся себе, дурачина...

– А что это с ней? – продолжил низкий. – Чего она не поворачивается к нам лицом? Перекушали грибочков или ширькой перекололись? Ну-ну, поверни её к нам. Это, кстати, ещё одна статейка...

Вито стоял, как вкопанный. Не мог пошевелиться. Его сознание так и кричало: отдав её им, брось в их лапы. Но все мускулы предательски задубели, отказывались слушаться. Ой, что же сейчас будет...

– Я кому сказал? – в голосе прозвучала угроза.

Вито молчал.

– Ты ещё и сопротивляться при аресте будешь? Ох-хо-хо! – низкий повернулся к коллегам, – друзья, да здесь больше, чем мы с вами думали...

– Я заплачу, – еле выдавил из себя Барон Отрицательный, поскольку Вито не мог сказать и слова.

– Ну конечно же ты заплатишь, куда же ты денешься? – ухмыльнулся второй темнокожий.

– Только лицо её покажи нам, – сказал низкий, – а там и о цене поговорим...

Вито опять впал в словесный ступор (на этот раз и Барон проглотил язык).

– Ну, не хочешь показывать, я сам посмотрю! – потерял терпение полицейский и потянул руки к Миррил (которая вообще не понимала где находится, ничего не слышала кроме собственного пульса, и даже не подозревала, какая опасность над ней нависла).

Вито зажмурился, покрепче прижав к себе девушку. Это конец...

– А! Вспомнил, где я эту рожу видел! – оглушил прокуренным басом толстяк брин. Темнокожий отдернул руки от плеч Миррил и повернулся к толстяку.

– Что ты мелешь, придурок? – раздражённо спросил он.

– Этот хмырь – Барон Отрицательный, стихоплёт и шут. Посмешище, – принялся объяснять брин. – Я был охранником на их долбаном съезде литераторов. Вот ведь насмехался, когда этот тормоз начал выть про «грядущую войну», а потом его забросали овощами, он всех послал и сфарлился.

– Ух ты, так мы на знаменитость напоролись? – повеселел низкий. – Тася, чего же ты молчал?

– Я только щас вспомнил, – понурил голову толстяк Тася.

– Стих нам сочини! Про нас! – у второго темнокожего загорелись глаза.

– Да, я не против, но вот вначале только пусть заплатит за все нарушения... – согласился низкий.

– Ребят, это всё, что есть, честно, – пришёл в себя Вито, протягивая кошелёк. Другой рукой он всё так же прижал к себе Миррил: девушка еле стояла на ногах, и основной вес её тела пришлось держать самому; к тому же от неё невыносимо смердело канализацией.

Низкий темнокожий патрульный (по серебряному жетону власти на его груди Вито сразу понял, что он главный в отряде) выхватил кошелёк и в считанные секунды выпотрошил его, бросив пустышку обратно хозяину:

– Эх, дружище, не густо, ох как не густо...

– Обыскивать будем? – спросил второй темнокожий.

– Воняет от них, не хочу пачкаться, – ответил ему низкий. – Ты как, Тася?

– Пусть лучше стих про нас придумает! – махнул жирной рукой брин.

– Ну что ж, писака, давай, – согласился командир патруля. – Но если фигня какая-то будет – мы по тебе и твоей пещатне дубинками пройдёмся...

Целый день прошёл в творческих мучениях, которые, увы, ничего не принесли. Вряд ли что-нибудь путное сейчас родится. Но аргумент «дубинками пройдёмся» действовал потрясающе.

– Ты, кто хранит наш покой, – начал Барон Отрицательный и задумался в поисках подходящего продолжения.

– Дальше! – потребовал брин.

– Ты, кто не дремлет на страже, – выдавил из себя Вито и побледнел – дальше ничего толкового не придумывалось.

– Ну? – нетерпеливо спросил второй темнокожий.

– Ты, кто преступную вошь подавляет ногой... – Барон в сердцах выругался. – Нет, не так. Подождите, немного... подождите... Ты, кто...

– А мне нравится про вошь, – смущённо перебил его Тася.

– Да, преступная вошь – нормально, – согласился второй темнокожий. – Сержант, как думаешь?

– Вошь сойдёт. Не нужно менять, – одобрил низкорослый.

– Но ведь оно убого звучит! Дёшево и нескладно! – возразил Барон.

– Заткнись и сочиняй дальше! – отрезал сержант.

– Ты, чьё лицо вечно в саже! – фыркнул Барон Отрицательный.

– Чего? – хором спросили патрульные.

– Как чего? – завёлся Барон. – Сажа – символ кропотливого труда, символ титанических усилий, символ!..

– Уймись ты наконец! – перебил его сержант. – Откуда нам это знать? Какие-то там символы. Плевать на них я хотел, на символы твои. Давай такое придумывай, чтобы народ понимал, а не ты один.

– Да, нормально давай придумывай, – поддакнул второй темнокожий.

Тася промолчал (видимо пытался осознать всю глубину фразы с сажей)...

– Ммм... – пожевал губами Барон. Ничего не придумывалось и он решил ляпнуть первое, что подвернулось на язык: – Ты, кто воспитанный даже.

– Хм... – почесал затылок Тася. – Я воспитанный, да.

– Сойдёт, – кивнул сержант. Давай дальше.

– Ребят, может, отпустите уже? – взмолился Вито.

– Я сказал: давай ещё... – спокойно произнёс низкорослый, но лучше бы он эти слова прокричал – так зловеще они прозвучали...

И тут Барона понесло:

Ты, кто в夜里 совершает обход
По местам, что страшны и опасны,
Ты, кто спасает банкиров доход –
Их труды далеко не напрасны...

Ты, сохраняешь людей, не себя.

Что ни заданье – рискуешь.

Нет, это делаешь всё ты не зря...

В сумраке бед ты ночуешь!

Думая только о близких судьбе
И подставляя плечо всё из стали,
Ты, полицейский, в жестокой борьбе,
Что никогда мы не знали...

Гордо стоишь ты, ни шагу назад,
Наш ты покой охраняешь!
Злостных хулигов гонишь парад,
Фальшь и обман презираешь...

Барон выдохся. Барон не хотел больше давить из себя и строчки. Барону было отвратительно и паршиво на душе. Барон заставил себя породить то, что так свято ненавидел. Барону пришлось пойти против себя. И от этого хотелось блевать...

Полицейские какое-то время молчали. Наконец гнетущую тишину нарушил сержант:

– Можешь идти. Но если этого стихотворения не будет в твоём новом сборнике или где ты там печатаешься, запомни – мы тебя из-под земли достанем и ноги переломаем.

– Всё сделаю, ребята, – услужливо закивал Вито, пятясь боком, обходя патрульных, волоча за собой еле перебирающую ногами малышку Миррил.

– И смотри там, не хулигань, – кинул в спину второй темнокожий.

– Мне понравилось... – пробасил вслед Тася.

Остаток пути к дому удалось преодолеть без новых происшествий. Одноэтажный ветхий коттеджик из захудалых кирпичей, облицованных дешёвой штукатуркой. Располагался домик в бедном Южном районе Мистора. По соседству – такие же домики, порой встречались и деревянные (от убогости которых захватывало дух). Многие – заброшенные, давшие приют бомжам и бродячим животным. Среднестатистический мисторец мог позволить себе жильё куда более солидное. Здесь же жили полные лентяи, неудачники, изгои или, как в случае Вито, мало-признанные представители богемы.

Первым делом Барон затащил Миррил в ванную и как следует помыл. Уж слишком опротивел ему запах нечистот. Да и какой бы дурак отказался от удовольствия натирать вспененным мылом ничего не соображающую, потерявшуюся в пространстве и времени красавицу? Нужно было делать это аккуратно, нежно обходясь с ушибленными местами. Барон прекрасно с этимправлялся. Упругие груди, плотные соски, покрытая синяками попка, светлые короткие волоски на лобке, изящное влагалище... Барон как следует натирал ВСЕ места. О да, его возбуждению не было предела. Он буквально разрывался от страсти. Но... Нет, не сейчас...

Вымыв девушку, замотав её в махровое полотенце, Вито отвёл её в спальню. Состояние Миррил можно было назвать «сон на ходу», но в настоящий сон она провалилась именно сейчас: не дойдя до кровати, она отрубилась подчистую. Вито только успел подхватить её обмякшее тело и положить на кровать.

Разумеется, следом за Миррил, тщательным и нежным водным процедурам был предан шёлковый пиджак...

Себе поэт постелил старый матрас на полу гостиной (служившей кабинетом). Простыни и одеяла нашлись, а вместо подушки пришлось нагромоздить тряпок, в

изобилии валявшихся в гардеробе. Если бы не нужда, эти тряпки так и остались там лежать – старая, заношенная одежда, которую руки никогда не доходят выкинуть.

Глава 20: *Тревожная весть*

Арчибальд возвращался в главную цитадель Ордена Восьми Старейшин со странными вестями. В кleşне он держал лист бумаги, края которого дрожали на ветру. Да, погода была не из лучших – солнце сменили предгрозовые тучи, поднялся ветер, воздух был плотным, наэлектризованным. Вскоре должен хлынуть холодный ливень, чьи вспенившиеся реки потекут по водосточным желобам улиц – прямиком в канализационные стоки...

Охранники у входа в цитадель отлично знали Арчибальда, но всё равно потребовали у него пропуск. Таковы правила. Всем ведь известно, что исключения могут привести к анархии.

Петляя по бесчисленным коридорам, залам, поднимаясь по винтовым и обычным лестницам, пред-адепт добирался до пункта назначения. Он постучал в дубовую дверь с золотыми и серебряными вставками.

Грубый бас приказал убираться к Святой Ненависти.

Арчибальд не растерялся и назвал причину своего визита.

После некоторой паузы, дверь отворилась.

Горколиус был одет в красный шёлковый халат с вышитой золотом эмблемой ордена на спине. Его глаза-бусинки злобно сверкнули:

– Она здесь? В городе?

– Да, – кивнул Арчибальд и протянул руку учителю.

Йорк выдрал из кleşни объявление и вгрызся глазами в весьма достоверный портрет Миррил и расплывчатый портрет Дирока.

...РАЗЫСКИВАЮТСЯ... ...ОСОБО ОПАСНЫ... ...Ответственная за смерть...
...опасного сообщника... ...в их поимке будет вознаграждена...

– От этой дуры я ожидал очень многое, – растерянность и злость странным образом переплетались внутри Горколиуса. – Много! Но НЕ ТАКОГО! На что она надеется? Её ищет весь город – рано или поздно поймают. И вздёрнут на виселице, или отрежут голову на гильотине, – йорк подошёл к бару, достал бутылку виски и плеснул в бокал. – Будешь?

– Учитель, я бы с радостью, но мой рабочий день ещё...

– Заткнись и пей, – отрезал Горколиус и протянул Арчибальду бокал. Себе он налил в новый.

– Дура, нет, ну дура ведь тупая, – пробурчал йорк и сделал смачный глоток виски. – Ну, действительно дура. Даже нет – умалишённая. Чего же она всё-таки хочет?

– Может, хочет вернуть магический дар? – Арчибальд, молодой ифр, принятый (нужно отметить, за большие деньги с его стороны) на испытательный срок в Орден, мог думать лишь об одном. О том, что когда-то он докажет свою лояльность, и Горколиус примет его в Орден адептом. Но главное – учитель наделит достойного ученика тем, ради чего Арчибальд так усердно лизал Горколиусу задницу – магическим даром. Да, магическим даром, который был отобран у Миррил и ждёт своего нового хозяина в церемониальном львином жезле.

– Хм... – Горколиус почесал пунцовую бугристую голову и допил виски. Налил новую порцию. – А что, это мысль...

Арчибалд молчал, задумчиво рассматривал свой бокал.

– Когда крысу загоняют в угол, она может прыгнуть в лицо, надеясь выгрызть глаза прежде, чем ей скрутят шею... – пробасил Горколиус. – Очень даже может быть, что эта кобка решила пойти ва-банк. Но ничего, всё равно у неё нет и малейших шансов на успех.

Да, всё бы ничего, вот только Горколиус не до конца верил своим словам. Ему вспомнился старый фарк по имени Сик – бывший архимаг Видринского крыла Ордена. Горколиусу довелось пересечься с ним три раза на съездах Ордена. Первые два раза – ничего запоминающегося. Но третья встреча въелась йорку в мозг на всю жизнь.

Старик фарк попросил у «Великого Одного из Восьми, совсем немного внимания». Наедине, разумеется.

Горколиус помнил, как сейчас. Они зашли в зал – один из тысяч залов Главной цитадели Ордена. Внутри не было людей. Скупой свет двух магических ламп выхватывал из темноты дубовый стол, несколько стульев и часть книжного шкафа.

Сик сразу же перешёл к делу. Он поинтересовался у Горколиуса, что тот думает про сложившуюся ситуацию между Промышленной Картелью и Орденом Восьми Старейшин. Обычно такие вопросы не предавались обсуждению, но и не запрещались. Хотя поднять нечто подобное, а, тем более, поддержать в беседе – было признаком дурного тона. Всё же, Горколиус посчитал нужным высказать свои мысли, чтобы они засели благодатным зерном в голове провинциального архимага, а потом проросли и принялись плодоносить в Видринском крыле Ордена. Виконт заверил Сика, что все эти «предпосылки к войне» – лишь пустые разговоры, расходящиеся с действительностью. Восточный Феникс никогда не осмелится вступить в открытые боевые действия с Чикрогом. С обеих сторон всё противостояние обходится лишь мелкими партизанскими вылазками, направленными на подрыв поставок магония. И будет обходить дальше. Ведение войны – экономически нецелесообразное занятие. Восточному Фениксу, допустим, не составит особого труда завоевать отсталое Демократическое Государство Римбаран. Но совсем другое дело – вести полномасштабную войну с Чикрогом. Затраты с обеих сторон превзойдут любую выгоду от победы. И поэтому-то войны никогда не будет. Пора бы уже давно выбросить эти вредоносные мысли и направить свой разум во благо Ордена!

Сик слушал внимательно, время от времени кивал. Когда Горколиус закончил, фарк выждал нужную паузу и заговорил. Видринский архимаг согласился, что полномасштабная война между сверхструктурами приведёт к губительным последствиям. По большому счёту, от проигравшей страны останутся одни лишь дотlevающие руины. Стране победителю тоже не сладко придётся. Не секрет, что основными точками для ударов неприятеля окажутся склады и заводы магония – это ослабит войска, нанесёт сильный урон экономике и посеет панику в сердце врага.

Но всё же...

Война возможна. И это не простые слова. Из стопроцентно достоверного источника, Сик узнал, что Промышленная Картель ведёт работу над созданием Магониевой Бомбы – оружием, с помощью которого будет одержана победа при минимальных потерях со стороны Восточного Феникса, чьё руководство подчиняется Картели. Мало того, эта работа продвигается успешно. Магоний уже сам по себе

взрывоопасен, но если достичь его критической массы – можно добиться воистину колоссальных разрушений. И учёные Картели вскоре добываются поставленных целей. Видринский архимаг Сик здесь видит лишь один выход: ради блага всех граждан Чикрога (да и соседних государств тоже), Орден Восьми Старейшин должен пересмотреть свою политику и пойти на уступки Промышленной Картели, уступив ей часть магониевого рынка.

Смешавшийся Горколиус долго находил подходящие слова. Про себя он всё гадал «какая грёбаная крыса настучала этому толстому провинциальному ублюдку про Магониевую Бомбу»? Да, это было правдой – учёные Картели действительно работали над таким оружием и получали весьма многообещающие результаты. В свою очередь учёные Ордена тоже занимались подобной проблемой, но пока ничего путного их отчёты не сулили… В конечном итоге он выдавил из себя несколько скромных слов, мол, это всё глупости, ничего подобного нет, и Орден, конечно же, никогда бы не пошёл на компромиссы…

Сик возразил, что лапшу себе на уши вешать не позволит. И заявил (весьма даже в угрожающем тоне), что если Верховные Ордена – Одни из Восьми – настолько принципиально тупы, то выхода у него не остаётся – Сик сам найдёт выход из сложившейся ситуации всеми доступными ему методами…

На этом разговор был окончен. Горколиус развернулся и вышел из зала. Злой и полный решимости испохабить жизнь этому «провинциашке». Да как тот недостойный вообще посмел разевать свой вонючий рот на него? Одного из Восьми! Под конец разговора Виконт думал даже закрыть видринскому архимагу пасть при помощи магии. Навсегда закрыть… В своём успехе он не сомневался – что тот провинциалишка способен сделать Великому? Да ёщё и в совершенстве владеющему боевой магией? Но не сомневался он и в том, что их магический бой вызовет куда больше шума, чем это следовало бы…

О нет, Горколиус не станет караулить старого пердуна архимага где-нибудь в тёмном переулке, чтобы расчленить его любимым заклинанием «Алмазные ножницы». И даже не будет нанимать для менее красивого, но так же верного решения проблемы головореза. Если кто пронюхает, что за убийством Сика стоит Горколиус – не видать больше виконту наивысшего поста Одного из Восьми как своих ушных впадин. И так на его место уже с сотню мисторских архимагов метят, следя за каждым шагом, мечтая, что он (или кто-нибудь из семи других «Одних») допустит ошибку.

Пусть Сик живёт… Но его карьера в Видринском крыле будет зарублена. Горколиус сделает всё для этого.

Но сделать по этому поводу он ничего не успел. Вскоре по прибытии в Видрин, Сик ни с того ни с сего передал свой магический дар ученице. И, как полагал Горколиус, перестал представлять собой опасность. Старый пень, разбрасывающийся пустыми угрозами перед пенсией – вот как охарактеризовал Виконт старину Сика. Но, отдавая дань своей феноменальной предосторожности (которая позволила ему добиться столь высокой должности, а главное – второй десяток лет удерживать её), Горколиус приказал узнать имя перенявшей магический дар ученицы.

Mirrill…

Через полгода проблема отпала сама собой – Сик скончался от тяжёлой хвори.

Правда, когда на плечи Горколиуса легло распорядиться судьбой ученицы врага, он никак не раздумывал. Маги имеют право на одно предупреждение. Давать это

предупреждение или нет – решает выбранный для этого Один из Восьми. Судьбу Миррил должен был решать Марконий Трипар Виктос – Верховный маг, славящийся покровительством молодого поколения. Он уже принял решение о вынесении предупреждения магине, не смогшей за положенный срок обуздать зверя в магических недрах. Но Горколиус оспорил его решение и отобрал у Миррил единственный шанс исправиться. И собственоручно отобрал у неё магический дар. По старой памяти о грубоosti её учителя...

Так Горколиусу было спокойней.

И вот Миррил, вопреки любому здравому смыслу, вернулась в Мистор. Вернулась забрать СВОЙ магический дар – в этом не было и малейшего сомнения.

От этого становилось не по себе.

Может быть, это и есть часть таинственного плана покойного архимага Сика?..

– Бери бумагу, ручку и пиши, – вышел из мрачных раздумий Горколиус. На его счету был уже седьмой бокал виски.

Арчибалльд сел за свой стол (да, в кабинете, рядом со столом учителя, стоял стол ученика) и напрягся, в надежде различить каждое слово выпившего патрона.

– Трипарону, капитану седьмого полицейского участка Мистора. От Верховного мага Ордена Восьми Старейшин, Виконта Карманарана Пиркона Горколиуса Восемнадцатого Великолепного. Дорогой друг, ты поймал эту блакнью Миррил один раз. Ты просто ОБЯЗАН поймать её повторно...

Глава 21: Гильотина

Миррил открыла глаза. Над ней стоял человек. Где-то она его видела... но где? Ах, точно, это его руки вырвали её из смертоносных объятий канализации. Он был невысокого роста, худощав, с непропорционально раздутым животом (должно быть, фанатичный любитель пива), болезненно белый цвет лица, впалые щёки, чёрная густая щетина, тонкие бледные губы, тонкие брови, высокий лоб, короткие смолянистые волосы с пролысинами – мужчина не был красавцем (хотя, если сравнивать его и Дирока, то этот куда симпатичнее...). Единственное, к чему не придерёшься, так это глаза. Большие, снежные белки и аметистовые зрачки. Такого цвета у людей Миррил ещё не видела. Или видела? Но где? Где... Светлый фиолетовый цвет очаровывал, в нём была невероятная глубина, чистота и в то же время порочность. Эти глаза способны свести с ума любую женщину...

Мужчина молча глядел на Миррил. Время от времени он размыкал губы и набирал в лёгкие воздух, словно хотел что-то сказать, но каждый раз выыхал без единого слова. Он был в нерешительности. Он не знал, что нужно делать. А знала ли Миррил?

Стоп! Не его ли грязные пальцы мацали Миррил, натирали мылом?

Он ведь насильник!!!

– Не приближайся ко мне! – завопила Миррил и вскочила с кровати. Избитое в канализационном потоке тело дало о себе знать – заныло, да так заныло, что девушка чуть не потеряла сознание от боли. Но удержалась.

– Я ведь стоял на месте, – выпучил аметистовые глаза мужчина.

– Не приближайся ко мне! – ещё громче завыла Миррил и попятилась, нервно оглядывая комнату. Выход находился за спиной мужчины. Другого выхода не было. Разве что в окно. Но оно уж слишком маленькое...

— Успокойся, не надо нервничать, — мужчина выставил вперёд руки, зашевелил ими, словно гладил невидимую строптивую кобылу.

— Да пошёл ты, извращенец! — запищала Миррил (да, именно запищала). И побежала к двери, по дороге оттолкнув мужчину в сторону. Вито задел стул и повалился вместе с ним на пол, а Миррил оказалась в гостиной (кабинете), потом в крохотном тамбуре, а там, недолго повозившись с собачкой дверного замка, и на улице.

Дикий зверь необоснованного страха овладел Миррил. Это чем-то было похоже на Обращение. Миррил осознавала, что поступает неправильно, нерационально (может быть, даже глупо), но ничего поделать не могла. Её тело подчинялось первозданному существу, жившему внутри. Существо чего-то испугалось и спасалось бегством. Влекло свою оболочку к мнимой безопасности.

Со стороны это выглядело так: обеденное солнце лениво заливает ярким светом город, абсолютно голая девушка с мальчишечьей прической бежит вдоль улиц, проносится мимо шарагающих прохожих, её глаза горят дикостью, её тело всё в синяках и ссадинах.

Разумеется, долго так шустрить по Столице и обычному сумасшедшему не дозволено. А уж тем более преступнице, разыскиваемой за тяжкие преступления, при этом ещё с кровавым клеймом УБИЙСТВО НЕ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

Самые сознательные граждане города — двое ханыг жупатов — набросились на девушку, связали ремнями и поволокли брыкающуюся голышку в ближайший полицейский участок. Они так и потирали своими нижними приростками, в ожидании награды. По дороге встретился патруль, взявший их под конвой.

Ханыги жупаты получили щедрое вознаграждение, а власти — получили в лапы злостную правонарушительницу. Если верить молве, приблизительно через неделю этих ханыг нашли мёртвыми в одном из наркоманских притонов. Видимо, тунеядцы решили попробовать новых ощущений (деньги-то позволяли) и поймали передоз, из которого никто их не счёл нужным вытянуть...

С первых же минут начался ад...

Зверь безудержного страха вновь вернулся в пещеру подсознания. На смену ему пришёл страх осознанный. И он просто зашкаливал. Миррил прекрасно понимала, что спасения ждать не от кого; знала, что вскоре её казнят. Может быть, отрежут голову, а может, четвертуют. Всё зависит от приговора.

Вот была ты себе живой, дышала воздухом, боялась, думала, мечтала. И в одну секунду — раз, и всё. Твоё изящное тело, способное сводить с ума мужчин — теперь не что иное, как кусок безжизненного мяса, корм для червей и трупных жуков...

Патрульные отвели Миррил в, как они сами называли, «кабинет для допросов» и оставили там. Массивная, обитая кожей дверь хлопнула за их спинами, отрезав окружающий мир. Вскоре так отрежут Миррил голову (или ещё какую-нибудь часть тела).

Наступило гнетущее ожидание. В комнате не было ничего — ни скамейки, ни стула, ни стола, ни лежака. Только унитазное очко, если его можно считать атрибутом мебели. Голая комната с тёмными стенами и приглушённым светом красной газоразрядной лампы. Миррил могла бы голову дать на отсечение (хотя это сравнение сейчас не очень уместно), что тёмные пятна на стене — пятна крови.

Шло время, а ничего не происходило. Только и раздавалось громкое тиканье, хотя часов нигде не было. Это тиканье приводило в ужас. С каждой отчеканенной секундой, оно напоминало о том, что ровно на эту секунду меньше оставалось жить...

Проклиная свою опрометчивость (а ведь могла сейчас продолжать себе лежать в постели. Пусть тот мужчина и изнасиловал бы её, зато бы жить осталась. Да и с чего, Святая Ненависть всё изрежь, она взяла, что он насильник?!?), Миррил колотила по двери, по стенам, разбивая кулаки в кровь. Выбившись из сил, она повалилась на пол.

Бетонный пол был холодным.

Тикали проклятые невидимые часы.

Ничего не происходило.

Со временем Миррил начали посещать галлюцинации. Если это были галлюцинации, конечно... Ей казалось, что в приглушённом красном свете что-то шевелится у неё за спиной. Она нервно оборачивалась, но, то ли это «что-то» пряталось от её глаз, то ли не было этого «что-то» вовсе. Святые Уродцы всё испепели, когда же проклятое тиканье прекратится?

Оно сводит с ума...

Мерзкое хрюканье. Эта тварь играется с Миррил. Да убей же ты её, перестань мучить! Прекрати!

— Ябранка фарлиная, тварь, дрянь! — нервы Миррил совсем сдали. — Убогая кобка! Шкурля! Сгинь! Сгинь отсюда, стукфарка! Пропади ты пропадом! Не стой за моей спиной! Перестань! Убей меня! Пропади! Пропади! Пропади-и-и-и!!! — Но мерзкая дрянь даже не думала прекращать. Она вилась за спиной девушки, похрюкивала на ухо. Миррил даже время от времени чувствовала затылком её горячее, смрадное дыхание: — За спиной! Оно за спиной! Ах, прекрати уже! Ну хватит мучить...

Тиканье часов...

Похрюкивание твари...

Сколько времени всё это длилось? Минуты? Часы? Сутки? Если бы не постоянный страх, девушка бы давно вспомнила о дикой жажде и невыносимом голоде. Но ей было не до этого. Тварь копошилась за спиной, в любое мгновение готовая наброситься, разорвать несчастную Миррил на крошечные кусочки.

Святые Уродцы, до чего ведь холодно здесь. Эти ублюдки полицейские не дали ни одежды, ни захудалого пледа даже. Как была Миррил голая, так её и заперли здесь. Они до последнего издеваются, втаптывают самолюбие в пол. В этот дрянной бетонный пол. Да, это они лучше всего умеют делать.

Невыносимо болят ушины и ноют ссадины. Миррил нужно сейчас лежать в лазарете, а не находится здесь, медленно сходить с ума. Ведь по уставу положено больных заключённых держать в лазарете. Ведь положено! Почему её держат в этой фарлинской комнате?

В соседстве с хрюкающей тварью...

По телу бегали ледяные мураски. Миррил еле доползла до стены (переживания выели из неё почти все силы) и села, опёршись спиной. Так можно будет увидеть тварь. Так не будет страшно. Так лучше...

А тварь всё равно была за спиной!

Всё равно мерзостно похрюкивала!

Смрад и жар её дыхания жёг шею сильнее, чем когда-либо.

— Старина Сик, где же ты? Почему ты бросил меня на растерзание этим мулёкам? Ты отдал мне свой магический дар. Неужели ты не мог догадаться, к чему это всё приведёт? Не сделай этого, ты бы был сейчас жив, а я была бы в безопасности. Под твоей защитой, под твоим заботливым крылом. Ах, старина, старина, разве мог ты всё это знать?

— Да, девочка моя, я знал это, — отвечал старина Сик. Он был так же неуклюж и нескладен на вид, только лицо казалось бледнее прежнего (а прежнее было цвета мела). Хотя в этом тусклом освещении не грех и ошибиться. — Я знал, на что обрекаю тебя.

— Ты знал? — выпучила глаза Миррил.

— Конечно же, знал. А как ты думаешь, зачем я подобрал с улицы нервную и злую девчонку? Мне нужно было передать тебе магический дар. И не просто передать, а с конкретной целью — обречь тебя на гнев Ордена. Прости, моя дорогая, но так нужно было...

— Что ты городишь, Сик, что ты, блак, мелешь? — по щекам Миррил текли слёзы. Такие горькие и горячие, что были способны прожигать плоть.

— Мне очень жаль, худышка, но это правда. Ты думаешь, Обращение случалось только у тебя? Ох, моя дорогуша, знала бы ты, скольких людей мне довелось уничтожить в облике отвратительного чудовища. Знаешь, у каждого это происходит по-разному. Обращение — сложный процесс, выплескивающий потаённую сущность мага сквозь дыры сознания. Рано или поздно, она, эта чудовищная сущность, вырывается наружу — таковы излишки волшебного дара. Лишь слабохарактерные, недоделанные хлюпушки и ничтожные личности, обладающие магическим даром, не способны на это. Импотенты одним словом. А так — каждый колдун хотя бы один раз за жизнь совершают Обращение. По статистике, на руках девяноста девяти из сотни магов есть кровь. Много крови... Знаешь, моё чудовище было похоже на медведя с громадными крыльями, как у летучей мыши. Так мне говорили...

— Стоп-стоп-стоп, помедленнее! Если у всех этих кобковых магов «рыльце в пушку», почему они забрали у меня дар? Зачем, чтоб они сдохли, объявили охоту? Ты посмотри к чему это привело: меня вскоре казнят, если хрюкающая тварь не перегрызёт горло перед этим...

— Увы, вышло всё не так, как я рассчитывал, — развёл руками Сик (да, дажеrudimentарной).

— Чтоб ты в гробу перевернулся! А как ты предполагал?

— По всякому, но уж точно не так. Да, насчёт магов — «рыльце» почти у каждого «в пушку», но вот знает об этом да-а-алеко не каждый простой смертный. Мой крылатый медведь, к примеру, вылетал из дома глухой безлунной ночью и рвал своих жертв как можно дальше от Видрина. Тот же Арчибалд-Тим, ты должна его помнить, превращался в червеподобное чудище, рыл землю и заползал в металлургические шахты. Там он совершал злобные дела с приступившими к ночной смене шахтёрами, а потом устраивал обвалы, чтобы обезопасить своё доброе имя. Ты ведь ни разу не слышала плохого слова об Арчибалде, верно? «Мистер безупречность» — так его все называли...

— Тим...

— Да, он самый.

— Зачем они...

— Вот это и было моей задумкой. Понимаешь, я специально искал того, чей зверь внутри слишком неуправляем. Мой выбор пал на тебя. Думаешь, я случайно проходил тогда мимо мусорных баков, в которых ты искала себе пропитание? Да я к тебе месяц как присматривался! Твоя потенциальная агрессия, твой феноменальный запал злости — сделали тебя идеальной кандидатурой. Я оказался прав — ты не смогла управлять зверем, и наломала ой как немало дров. Шишки Ордена, в особенности одна, будь проклят этот йоркский слизняк, просто не могли тебя не заметить.

— Зачем, Сик, зачем тебе это всё понадобилось? — Миррил склонила голову набок и задала этот вопрос спокойно и тихо. Так некоторые способны говорить после того, как из-за одного неумелого движения рушится весь их карточный домик идеалов и ценностей. Старина Сик — единственный образ светлого и доброго во мраке этого жестокого и уродливого мира...

— Должно быть, ты считаешь меня чудовищем? Пожалуй, я заслужил... Вряд ли смогу убедить тебя в обратном. И даже не буду пытаться. Признаюсь, я поставил свои замыслы выше твоей жизни. К тому же, у меня была надежда, что защитник, которого тебе выделит Орден, справится со своей задачей. Увы, этого не случилось... Но самое ужасное — не осуществился и мой замысел... Я оплошал. Прости меня, худышка, хотя извинения тебе уже не помогут.

— Если бы у меня были силы встать с места, я бы задушила тебя, — призналась Миррил.

— Я уже давно мёртв, не забывай об этом, — парировал старина Сик.

— Сволочь...

— Я заслужил это прозвище.

— Сик, я помню, как ты смотрел на меня время от времени. Скажи, старый извращенец, ты хотел трахнуть меня, да? Я всё время мучаюсь этим вопросом.

— Да, худышка Миррил, ты даже не представляешь, какие усилия я производил над собой, чтобы не допустить этого.

— А я бы тебе дала...

— Я знаю, девочка, поэтому-то я и сдерживался.

— Так всё-таки, зачем ты это затеял? Зачем, мать твою, сделал меня убийцей? Ты ведь знал, сволочь, чем это закончится.

— Ну, не всё так плохо, если ты про убийства. Если твоей совести будет лучше от этого, то вырвавшееся из магических недр чудовище убивает только тех, кто этого заслуживает. Понимаешь, есть тонкая грань между добром и злом, между Святыми Уродцами и Святой Ненавистью, если тебе так проще понимать. Как принято считать в Ордене, магия — инструмент, даруемый нам Святой Ненавистью. Как мы используем этот дар — божеству без разницы. Главное, время от времени собирать с него дань в виде злых душ. Как ты знаешь, Святая Ненависть подпитывается именно ими...

— Мне насрать на это, трибуки ты жирдяй! Я и без тебя знаю, что все мои жертвы — полные засранцы! Мало того, я прекрасно знаю, что абсолютно все люди — полные засранцы... Я тебя ещё раз спрашиваю, какого парза ты всё это затеял?

— Ну, раз ты настаиваешь... Понимаешь, всё очень сложно... Как бы тут объяснить... Наверное с самого начала надо. Задумка зародилась с тех пор, как я получил в Ордене Восьми Старейшин звание архимага и, соответственно, все знания, дозволенные для этого уровня. Я узнал о неминуемой войн...

Голос Сика заглушило громыхание засовов и следующий за ним тяжёлый скрип двери. В светлом прямоугольнике обнажившегося проёма стояла грузная фигура.

— Включить свет! — до боли знакомым голосом пробасил фарк.

Красное приглушённое освещение тут же сменилось ярким белым светом. Таким, от которого никуда нельзя скрыться, который буквально раздевает тебя (хотя Миррил и так была голая). Старины Сика нигде не было. Но мало этого, нигде не было и хрюкающей твари. Тиканье часов никуда не подевалось.

Фарк держал в руке резиновую дубинку. На груди у него бликовала серебряная девятилучевая звезда власти с дубинкой из хризолита. Лысая голова, заплывшая жиром шея, бледная кожа... он был невысокого для фарков роста. Лицо показалось Миррил до боли знакомым.

— Наша последняя встреча прошла не очень удачно... — заговорил фарк, поглаживая дубинку. — А предпоследняя — так вообще нелицеприятно. Меня зовут Трипарон, кобка, я капитан седьмого полицейского участка славного города Мистор. Узнаёшь меня?

Миррил молчала. Её лицо превратилось в восковую маску, запечатлевшую весь ужас и страх, на которые только способен человек...

— О да, кобочка, ты переложила допарза моих ребят во время первой встречи... — прошипел Трипарон, закрывая за собой скрипучую дверь. Снаружи кто-то защёлкнул засовы. — Право, я удивляюсь твоей невоспитанности: во время второй встречи ты даже не поздоровалась, предпочла вонь канализации нашему обществу... — фарк причмокнул губами, сильнее загладил дубинку. — Ты даже не представляешь, кобочка, как я переживал за тебя. Как я желал, чтобы канализационные слизни не скормили тебя своим соплям-детёнышам. И мои мольбы были услышаны! Ты здесь, у меня...

— Пошёл ты, — прорычала Миррил и попыталась плонуть, но горло было так пересущено, что ничего не получилось.

— О да, ты здесь, — Трипарон слготнул, — совсем одна, без своего защитника Дирока. Я думал, что Одноухий будет нам большой проблемой, но, как видишь, всё вышло самым наилучшим образом, — он обхватил дубинку ладонью и принялся быстро её гладить. — О да, кобочка, ты сейчас в моей власти... Ты знаешь, что папочка Трипарон сейчас с тобой сделает?

— Изобьёт меня, ведь ни на что большее он не способен? — презрительно кинула Миррил.

— Откуда ты знаешь? — растерялся капитан, и даже на какое-то время перестал дрочить дубинку. — Ну да, я не привык стандартно насиливать, как это делают мои коллеги из других участков. Но мне и так в жизни радостей хватает, кобочка. Ты у меня получишь по полной. Получишь!

— Дегенерат! — сообщила Миррил и, не без труда, поднялась на ноги, всё так же прижимаясь спиной к прохладной стене.

— Ох, кобочка, ох, кобочка, я ведь знаю, что ты ничего мне не сделаешь, — возбуждённо заговорил низкий толстяк. — У тебя забрали магию. Ты сейчас — обычная кобочка, которая должна получить наказание... Ох, как я тебя сейчас буду наказывать, как же я тебя буду наказывать!

— Да иди ты! — только и сказала Миррил.

Резиновая дубинка обрушилась ей на ключицу. Невыносимая боль, такая резкая, острая, чудовищная боль, от которой отнялась рука.

Девушка повалилась на бетон пола.

– Ох, кобочка, ох кобочка, – застонал Трипарон. – Папочка сказал лежать, кобка! Папочка Трипарон не доволен твоим поведением! Папочка тебя сейчас как следует выпорет!

Следующий удар обрушился на бедро. Он был далеко не таким сильным, как прошлый. Грузная, но сильная рука дёрнула Миррил за бок, повернув её животом к полу. Миррил даже не шелохнулась – попросту не было сил. К тому же боль в ключице оказалась настолько дикой, что глушила все мысли о сопротивлении...

– Ты была о-о-очень плохой девочкой, кобочка! – возбуждению толстяка не было предела. – Ах ты ж нехорошая, ах ты ж дрянная!

Дубинка шлёпнула по пятой точке Миррил. Больно, но не так сильно, как прошлый удар...

– Получай, кобочка, получай! – визжал от наслаждения Трипарон и шлёпал Миррил дубинкой по заду.

Миррил попыталась приподняться, но мучитель не позволил: схватил за волосы и треснул лбом о пол. Треснул так, чтобы в голове зазвенели колокола святого Клементия, а перед глазами брызнули фонтаны искр, но и так, чтобы при этом она осталась в сознании. Что тут ещё скажешь, профессионал...

– О-о-о-х-х-х! – застонал капитан. – Ты ведь очень плохой девочкой была! Ты ведь настоящая кобка! Настоящая кобочка!

Миррил взвизгнула от боли, попыталась вырваться, но грузная рука держала за волосы, прижимала лицо к полу; спину давило колено. А дубинка... Она вошла во влагалище. Резко вошла. Больно вошла. Сухая. Раздирающая. До слёз больно...

– Ох, паршивая ты кобочка, получай своё наказание! Получай! Получай! Получай! Получай! – вопил Трипарон, насилия Миррил своей резиновой подружкой.

Это было долго, это было мучительно, это было невыносимо, это было отвратительно, это было...

А насильнику этого было мало!

Сделав небольшой перерыв, дав руке немного отдохнуть, Трипарон опять взялся за дело. Только на этот раз он принялся за анус...

«Лучше бы он меня убил» – в толщи боли и страдания блестела одна лишь мысль.

Дубинка всё глубже входила, всё быстрее, всё унижительнее и больнее...

И Миррил ничего не могла поделать. Не могла превратиться в чудовище и распопрошить этого ублюдочного извращенца. Не могла снести ему голову ледяными осколками. Не могла спалить. Не могла даже содрать с него кожу заживо.

Ещё никогда Миррил так не жалела о пропаже магического дара...

Вдоволь наигравшись дубинкой, Трипарон оставил полусознательную девушку лежать на полу. По дороге к двери он нюхал и полизывал любимую дубинку.

Миррил была не права, посчитав его импотентом. Штаны фарка в области ширинки были все в сперме...

Дверь захлопнулась. Потух белый свет. На смену ему вернулось приглушённое красное сияние.

Вернулась хрюкающая тварь.

Тиканье часов не прекращалось.

Миррил наплевать на это всё. Она отрубилась.

Время нельзя было различить в этих четырёх стенах, несмотря на монотонное тиканье невидимых часов. Оно просто шло и всё. День или ночь, неделя или месяц? Всё смешалось, всё слилось в одну точку. Иногда открывалась дверь, заходил жупат в полицейской форме (которая очень несуразно смотрелась на бугристом, нескладном теле на трёх тонких, что ветки осины, ногах) и ставил на пол поднос с безвкусной едой и водой. Этот же жупат как-то принёс плед и лохмотья, которые вполне сошли за одежду.

К хрюкающей твари Миррил со временем привыкла. Тиканье часов не так раздражало, как прежде. Делать обязательные дела в очко тоже стало обыденным, не вызывающим какие-либо эмоции, делом. Пустое существование, постепенно деградирующее сознание. Даже страх смертной казни стал настолько привычным, что попросту не замечался. А иногда Миррил даже ловила себя на мысли, что с радостью положила бы голову на плаху палача, нежели продолжила вести бессмысленную жизнь в этом проклятом богами «кабинете для допросов». Хотя эти мысли были больше криками отчаяния, нежели реальным желанием.

Умирать Миррил не хотела.

Как-то, после особо омерзительного завтрака (ужина или обеда), дверь вновь открылась. Красный свет сменился ярким и холодным белым. Но в камеру вошёл не капитан-насильник, и даже не несуразный жупат, а кто бы вы думали? Сам Виконт Карманаран Пиркон Горколиус Восемнадцатый Великолепный! И не вошёл, конечно же, а вполз, ведь у йорков нет ног в классическом понимании. Их тело внизу кончается дюжины небольших щупалец, которыми они быстро и бесшумно перебирают, передвигаясь. На пунцовом коротышке красовалась дорогая чёрная мантия до пола (у йорков высших сословий принято скрывать «ноги»). На мантии кровавыми нитками была вышита эмблема Ордена Восьми Старейшин: восемь змей, пожирающие хвосты друг другу.

– Пришёл перерезать мне горло? – Миррил пыталась сказать эти слова спокойно, но дрожь в голосе выдала всё отвращение, всю ненависть к этому йорку. – Или позабавиться?

– Я вижу, Трипарон уже побывал у тебя... – пробасил Горколиус несуразным для миниатюрного телосложения голосом.

Пусть еда была холодной и отвратительной на вкус, но хоть какие-то силы Миррил она прибавила. Не проронив больше и слова, девушка вскочила с места и понеслась на паршивого коротышку, на урода, который отобрал у неё магический дар. Он должен умереть!

ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ!

Увы, размеры не главное (особенно, когда ты в совершенстве владеешь боевой магией). Мощный вихрь отбросил девушку к стене. Если бы только у неё сейчас был магический дар! Она бы попросту перевела заклинание обратно на кастующего – повернула его силу против него самого...

– Да, это я информировал Трипарона о том, что ты лишилась магического дара, – ухмыльнулся (насколько это позволяла йоркская мимика) коротышка. – Надеюсь, твой дрот не сильно зудел после его толстой резиновой дубинки? А ещё я нанял экзекутора Мора, демона во плоти отрезать тебе голову. Сказать по правде, я не сильно расстроен его неудачей. Тебя ждёт более страшная участь...

– РОДАС ФАРЛИНЫЙ! – лицо Миррил застыло в звериной маске ненависти.

— Зачем я сюда пришёл? — сам у себя спросил Горколиус. Миррил больше не могла говорить и шевелиться — из очка выросли смердящие водоросли, туго обвили её, забили собой рот. — Я пришёл поделиться радостной вестью: состоялся заочный суд над тобой! Каждый полицейский участок не преминул повесить на тебя с дюжину нераскрытий дел... В общем, тебя признали виновной и приговорили к смертной казни через гильотину. Ах-ха-ха-ха!!! — коротышка зашёлся таким зловещим смехом, от которого даже у мертвцев забегали бы мурашки по коже (ну, или костям). — И самое смешное, ты сама припёрлась к нам в лапы! Вот ведь идиотка!

По лицу Горколиуса прошлась задумчивая тень. Он щёлкнул щупальцем, словно что-то вспомнил:

— Да, я принял решение отдать твой магический дар своему новому ученику. Плевать на правила. Арчибальд доказал своё право стать магом! Я собираюсь сделать это сегодня же! Да, хочешь щемящее чувство в груди? Хотя у тебя там и без этого достаточно деръма... Но всё же, хочу сделать тебе ещё хуже. Представляешь, львиный жезл с твоим даром лежит на кровати, на которой лежала ты во время нашей встречи. Помнишь ту шкуру медведона? Да, по глазам вижу, что помнишь. Вот в этом участке, в коридоре, по которому тебя вели сюда, лежит похожая шкура, — глаза йорка блестели злобным торжеством. — Если бы ты стала на неё и произнесла про себя заклинание «чикакор мильтак филистиций» — оказалась бы в той комнате. Представляешь, ты бы без проблем могла взяться за жезл и влить в себя обратно магический дар. Я уверен, что тебе без него очень парзово! — забрызгал слюной Горколиус. — Пусть мысль, что ты всё это время находилась в такой близости от спасения, сводит тебя с ума! А ещё больше будет сводить то, что ты никогда не сможешь воспользоваться этой возможностью! Ты сдохнешь фарлинской простолюдинкой! Падшей магиней, чьё тело никогда больше не познает божественного прикосновения магического дара! Пусть это сверлит тебя! Такова истинная расплата за порочение Ордена!

Горколиус замолчал. Он быстро дышал, лицо его разрезала, чуть ли не напополам, язвительная ухмылка. Потирая щупальца, он закончил уже более официальным тоном:

— Я жалею лишь об одном: что твоя смерть будет быстрой и не такой мучительной, как надо.

На этой ноте он развернулся и вышел из камеры.

Дверь за ним захлопнулась. Яркий свет вновь сменился приглушённым.

Вернулась хрюкающая тварь.

Всё то же грёбаное тиканье часов.

Водоросли из очка обмякли, и Миррил с невероятным облегчением высвободилась из них (особенно было хорошо выпихнуть их языком изо рта).

— Чикакор мильтак филистиций, — прошептала она и зарыдала. — Чикакор, блак, мильтак кобковый филистиций!

Миррил разбудил скрип двери. Она почему-то знала, что это не жупат с очередной миской отвратительной еды. Время смерти пришло...

— Заключённая, на выход, — приказал Трипарон.

— Нет, я не пойду, нет! — завопила Миррил, прижавшись спиной к стене. Девушка упиралась ногами, ей хотелось исчезнуть, стать невидимой, слиться с этой долбанной стеной... — Нет! Не надо, пожалуйста! Я сделаю всё! Жирный ты ублюдок, я стану

чехлом для твоей грёбаной дубинки! Я отсосу у вас всех! Ну пожалуйста, ну пожалуйста, я прошу вас, не надо, не надо! Не надо...

— В наручники её, — приказал Трипарон.

Двое долговязых бринов схватили Миррил, заломили ей руки за спину и надели наручники, парочку раз стукнули по голове — чтобы не брыкалась.

— Ведите её, парни, — приказал Трипарон. — Да, и заткните ей чем-нибудь рот, а то он всё не закрывается.

Брин оторвал с лохмотьев, что были на Миррил, лоскут и забил им ей рот. Заодно влепил смачную оплеуху — чтобы отбить желание кусаться.

— Эх, я бы ей чего-нибудь другого в рот вставил, — поделился мыслями второй брин и заржал, что лошадь.

— Пошли, — повторил приказание Трипарон.

Миррил взяли под руки и вывели в коридор. Потащили к выходу, мимо спасительной шкуры медведона. Как бы ни пытались девушка вырваться и хотя бы одной ногой стать на неё — конвоиры крепко держали, не позволили этого сделать. Словно знали, что, наступив на шкуру, их пленица может исчезнуть...

Всё было как в дурном сне. На взлётной площадке полицейского участка их ждал крупногабаритный паровой флаер. Обеденное солнце слепило Миррил, отвыкшую от него. Сколько было насмешки и рока в этих лучах живительного света. Вот они, так близко, так ярко светят. Миррил умрёт, а они всё по-прежнему будут светить. Да что там Миррил? Будут гибнуть целые поколения, будут умирать государства, на смену им будут создаваться новые, а потом тоже умирать, будут меняться ландшафты, горы будут погружаться в океаны, из морской пучины взойдут острова, материки поменяют формы... а солнце всё так же будет светить...

Внутри флаера находились и другие заключённые. По их лицам можно прочесть разные эмоции: страх, безразличие, раскаяние, злость, ненависть... Но объединяло их одно — всех сегодня должны казнить.

Миррил пристегнули к сидению кожаными ремнями. Рядом сидел точно так же пристёгнутый фарк с уродливым розовым шрамом от уха до подбородка. Он смотрел в одну точку и что-то бормотал себе под нос — какую-то молитву, то ли Уродцам, то ли Иисусу...

Что чувствовала Миррил, когда флаер поднялся в воздух? Да ничего она не чувствовала. Она впала в ступор, и всё происходящее казалось ей настолько кошмарно нереальным, что мозг отказался что-либо испытывать. Пусть другие боятся или рыдают. Пусть тот же фарк с уродливым шрамом молит своих богов подготовить для него укромное местечко в загробном мире. Миррил не способна сейчас связно мыслить. И это хорошо, так проще...

Флаер приземлился на центральной площади. В Мисторе показательные казни устраивались каждый месяц и всегда собирали десятки тысяч зрителей. Сегодняшний «праздничный день» исключением не стал. За металлической оградой и оцеплением полиции стояли люди. Они вдосталь наелись хлеба. Теперь им нужно было зреши...

И щедрые власти Мистора с огромной радостью удовлетворят потребности своих подчинённых!

На радость толпе, заключенных вывели из флаера. Распределены в зависимости от вида казни. На гильотину отвели только Миррил и фарка с уродливым шрамом. Остальных приговорённых — на виселицу, дыбу, электрический стул и кол.

Миррил и фарку надели на голову мешки. Было тяжело дышать, но разве это уже важно? Толпа кричала от удовольствия, заглушая предсмертные крики приговорённых.

«Я прожила эту жизнь зря, – понёсся поток мыслей в голове Миррил. – Да, зря... Чего я добилась? Кто будет вспоминать обо мне после смерти? Ну да, родственники убитых мной людей... А кто ещё? Меня не будет оплакивать муж и дети, поскольку у меня нет ни того, ни другого. Дирок? Пожалуй, он тоже не будет меня оплакивать... Я никому не была нужна, кроме старины Сика. Который, кстати, оказался ещё тем мулёком... Бессмысленная жизнь. Сама жизнь – набор бессмыслия. Глупое, хаотическое метание, постоянный ответ на вопрос: ты жив? Отвечать можно только да/нет. Пока отвечаешь «да» – значит, ты существуешь. Но нужно ли это существование Миру? Нужен ли Мир тебе? Святая Ненависть всё изрежь, как же хочется продолжать дышать...»

Миррил ощутила толчок в спину. Потом несколько пар чьих-то сильных рук схватили её, уложили грудью и шеей на что-то твёрдое, повторяющее контуры тела. Сверху опустилось такое же твёрдое, прижало так, что невозможно было шевелиться.

До боли знакомый голос (чтоб ты сдох, Трипарон) зачитывал все злодеяния Миррил: совершённые ей и вдобавок любезно повешенные добросовестной полицией с целью повысить уровень раскрываемости тяжких преступлений. Хотя и настоящих злодейств на счету Миррил было предостаточно, чтобы заслужить смертную казнь. Какая теперь разница...

Современная гильотина отличалась от средневековой предшественницы. Вместо стального ножа, острого как бритва, использовался лазер, остree которого ничего ещё не придумано. Да, это дорогое удовольствие, но в Мисторе – одном из самых богатых городов Мира – на цены не смотрят.

Миррил услышала характерный для работающих лазерных установок гул. Вначале она почувствовала боль во лбу – от удара о пол. Потом уже в шее... Заторможенная предсмертная реакция.

Как неприятно во второй раз лишаться головы. Самое ужасное, осознавать этот чудовищный факт. Голова уже отделена от тулowiща, но ещё не мертва. Вскоре осознание развеется, как сигаретный дым. Вместе с жизнью...

Глава 22: *Неприятное знакомство*

Дирока разбудил шум капель, бьющихся о сталакиты, растущие из стенок пещерного чрева уродливыми паразитическими наростами. Во рту стоял металлический привкус страха, смешанный с солёным привкусом крови – воистину гремучая вкусовая смесь. Пульсирующая боль в носу напомнила о недавнемувечье. В спину и ногу упиралось что-то твёрдое и колючее.

Дирок открыл глаза. Ему показалось, что веки слиплись, и их попросту не удалось разлепить. Почудилось, что открыл глаза, а на самом деле – не открыл. Но очень скоро телохранитель бывшей магини Миррил понял в чём дело. Вокруг темнота. Настолько непроглядная, что вводит в заблуждение...

Вместе с болью в носу, пульсировали и образы недавних событий: прохладный ручеёк, резиновая дубинка, кровь... Дирок попытался встать, но стукнулся головой о каменный потолок пещеры, покрытый склизким слоем извести. Каждому вшивому наёмничку известно: в какой бы безвыходной ситуации ты не оказался, места для паники

нет и не может быть. А что уж говорить про Дирока? Опытного, матёрого, за свой век хорошоенько нюхнувшего пороху, палёной плоти и выпотрошенных кишок. И всё же... стукнувшись о потолок, да ещё и в полной темноте, с разбитым носом, в глубине фарлинской пещеры, которой, можно спорить, ни на одной карте нет... Дирок был на грани нервного срыва. Он готов закричать. Завизжать, что дрянная бабёха... Прямо как Миррил... Странно. Её психозы имеют воистину заразительный характер. Ещё некоторое время общения с ней, и Дирок уж точно превратился бы в истеричку.

— Ох, бедняжка, что сейчас с тобой? — Дирок поразился своему голосу. Даже не хрипоте и сухости, а тому, с какими душевными переживаниями слова сорвались из пересохшего горла. — Девочка Миррил, аппетитная задница, дурочка... Ты ведь могла *навсегда* остаться в канализации... Что же мне без тебя делать?

Невыносимое чувство жалости к самому себе внезапно перебросилось на жалость к предположительно печальной участи Миррил. И это помогло. Подкатывающая истерика отхлынула, заполнив сердце тоской и желанием непременно выяснить, что же на самом деле произошло с бывшей магиней. Покоится ли она в канализации, объедаемая крысами или уродливыми детёнышами не менее уродливых чёрных бугристых тварей? Выбралась ли она на поверхность? Если да, то наверняка поймана цепкой лапой закона. В какой камере её держат? На какой виселице её хотят повесить? На какой дыбе её разорвут на части? На какой гильотине срежут голову лазерным лезвием?..

Ох, Миррил. Голубоглазая глупышка Миррил...

Сеанс жалости помог прийти в себя. Дирок принялся ползти на коленях, шаря перед собой руками. В кромешной темноте пальцы натыкались на острые края камней, на вязкую известь, на холодные лужицы в углублениях, на скальные трещины. Дирок неоднократно пытался выпрямиться, но всякий раз натыкался на потолок. Высота в пещере не превышала полутора метров. А в некоторых местах приходилось даже ползти на брюхе, еле протискиваясь в щель между полом и потолком, царапаясь спиной и задом.

Гением не нужно быть, чтобы прийти к выводу: Дирок ползает по кругу. Сия замкнутая пещерная полость — ничто иное, как тюремная камера. В этом, собственно, сомнений с самого начала не было, но всё же... попробовать выбраться стоило. Увы, эта попытка ничего, кроме стёртых рук, живота, спины и ног не принесла. К тому же, отхлынувшая было волна обречённости принялась накатывать вновь. Нет, это совсем уже не дело — кто Дирок, в конце-то концов такой? Жестокий и беспощадный наёмник. Нервы из стали и всё такое. А ну перестать поддаваться панике!

Самое худшее, что может случиться — мучительная смерть от голода. Ну, или ещё мучительнее, от чего-нибудь менее банального. Ну и что? Хороший наёмник всегда готов встретить смерть с достоинством. Он не боится её! Вернее, боится, ведь всем живым существам свойственно бояться. Но боится её так ничтожно мало, что по сравнению со страхом простых людей — это даже не страх. Так, лёгкое переживание, похожее на волнение за выскочивший на лице прыщик.

О нет, старина Дирок, не всё так просто. За свою шкуру ты давно не боишься. Ты боишься за Миррил. Боишься, что умерев — лишишь её, пусть и мизерного, но шанса на жизнь...

Нужно занять чем-то мысли. Удар резиновой дубинкой. Дирок не видел нападавшего. Всё, что он помнит: как оторвался от живительной воды холодного ручейка. А потом удар. Точный. Выверенный. Рассчитанный на то, чтобы выбить с

первого раза. Что ж, удар удался... Но что можно сказать про нападавшего? Он умеет перемещаться беззвучно. Как бы Дирок не был занят, что бы он ни делал – начиная от питья из ручья и заканчивая трахом дешёвой ябранки из Римбарана – он никогда не теряет бдительности. Всегда держит ухо востро (эта пословица отлично подходит к наёмнику, поскольку второе ухо у него отрезано отцом-деспотом). И рост, скорее всего, низкий. Чем глубже, тем меньше пещера балует своих посетителей высотой потолка. Йорк? Может быть...

Дирок уже начал представлять, как вцепится пальцами в скользкую тонкую шею йорка, сломавшего ему нос. Как сладостно будут трещать ломающиеся позвоночные хрящи. Как приятно будет отрывать мерзостные щупальца, что у йорков вместо рук. Потрошить бугристый живот, выворачивая из него сложную систему органов пищеварения. Или нет, лучше всего обездвижить точным тычком в верхнюю часть спины. Если правильно попасть в нервный узел, то йорк парализуется на несколько часов, оставаясь при этом в полном сознании. Да, болевые рецепторы при этом не отключаются... Ох, сколько всего можно сделать... От банального сдирания живьём кожи, до более изощрённых методов, о которых даже думать – страшно...

Эти приятные раздумья потихонечку успокоили заметавшуюся в тревоге душу Дирока. Ни клаустрофобии, ни страха темноты, ни боязни смерти – одна радость, да и только!

Раздался каменный скрежет. В стене появилась вертикальная линия света. Она росла,ширилась. В её ослепляющем свете зияли чёрные пятна. При всём желании, Дирок не смог бы определить, какому живому (или неживому) существу принадлежат эти силуэты.

Наёмник отполз подальше от света. Хоть какой-то, но шанс напасть незамечено...

– Мы хорошо видим в темноте, – гробовым эхом разнёсся шипящий голос.

– Да, хорошишь, – подтвердил другой, более мерзкий.

Дирок лёг на бок, так как в полный рост встать не позволял низкий потолок. В этой, казалось бы, безвыходной позе умелый боец способен наносить смертоносные удары.

– Расслабься, дружок, – раздался первый голос. – Мы тебя уже тысячечку раз могли бы убить...

Чересчур зловещее шипение в слове «тысяча» ни на секунду не позволяло усомниться в серьёзности этих слов.

– Что вы от меня хотите? – прогундосил Дирок, не обращая внимания на разбитый нос.

– О нет, дружок, здесь вопросы задаём мы, – донеслось в ответ.

– Да пошли вы, родасы кобковые! – тут же нашёлся с ответом наёмник.

– Я бы на твоём мессссссте выбирал ссссс слова, – сообщил более мерзкий голос.

– Я бы на твоём месте забился в нору, из которой выполз, и не парздел, – прорычал Дирок. – Никто мне не указ!

Чёрные силуэты в слепящем прямоугольнике света зашевелились.

– Карг, не надо, мы всегда успеем его убить, – донёсся первый голос. После некоторой паузы, он обратился к Дироку: – Ты наш пленик. Ты будешь отвечать на наши вопросы. Или тебе мало сломанного носса?

«Мало, ох как мало, кобочье ты отродье» – подумал Дирок, но ничего не сказал.

– Зачем ты нарушил наши владения? – спросил шипящий голос.

— Я отказываюсь отвечать тому, кого не вижу, — признался Дирок.

— Ты можешь выйти к нам, — разрешил голос. — Но не надейся на побег. Ты будешь мёртв прежде, чем попытаешься дёрнуться.

Чёрные фигуры исчезли, оставив цельный прямоугольник ослепительного света. Дирок размышлял недолго. Единственный выход из этой пещерной тюрьмы — через тот прямоугольник. Здесь, внутри у Одноухого нет и малейшего шанса. А снаружи? Там, пожалуй, тоже нет... Но почему бы, Святые Уродцы всё изрежь, не попробовать?!

Из пещеры он выполз на четвереньках. Чтобы вползти в пещеру побольше. Освещаемую обильными грозьями люминесцирующих грибов, растущих из щелей в полу, стенах и даже потолке. Сколько Дироку за свой наёмничий век довелось повидать люминесцирующих грибов, такой яркости он не видел.

Но яркость яркостью... Его окружали существа. Чёрные с едва различимыми красноватыми пятнами, чешуйчатые, худосочные, высотой не больше пятилетнего человеческого ребёнка (ну, или взрослого йорка). Их члены, расположением похожие на человеческие, были лишены суставов, словно тела змей, только венчались они не хищными пастьями с ядовитыми жалами, а трёхпалой конечностью. На ногах эти конечности были значительно длиннее и соединялись чешуйчатыми перепонками. У сиих мерзких созданий была округлая голова, без шеи врастающая в костлявое тело. Из тощих задов торчали «обрубки» хвостов — короткие и явно бесполезные. Широкие пасти то и дело открывались, высвобождая в разных направлениях четыре раздвоенных языка. На голове чёрными жемчужинами блестели три широких глаза, под каждым из которых зияли две дыры дыхательных отверстий.

Они вызывали отвращение.

От их тел шёл противный запах, похожий на вонь тухлых яиц. В верхних конечностях многие держали оружие: резиновые дубинки, мечи, нечто похожее на древние пневматические мушкеты, но явно приводящееся в действие не силой сжатого газа, а силой взведённых вдоль ствола пружин. На большинстве существ не было одежды, только ремни вдоль пояса или груди, на которых крепились ножны, крючки для дубинок и застёжки, как видимо, для мушкетов. Несколько уродцев носили набедренные повязки или шорты из тёмной материи. «Что там скрывать? — подумал Дирок. — У них и так ничего не видно...»

Разумеется, стволы странных пружинных мушкетов были устремлены на Дирока. Тварей было много: не меньше дюжины. Они обступили наёмника неровным полукругом.

— Кто вы, блак, такие? — Дирок не выдержал буравящих немигающих взглядов тройных наборов чёрных глаз.

— Заткнисссся, — прошипело существо с белым пятном на чёрной груди и взмахнуло резиновой дубинкой.

— Карг, наберись терпения, — осадило его существо с обвисшей кожей на руках и груди, — он всё ещё нужен нам. Пока ещё нужен...

— Надо было ему не носить, а череп рассекрошишить, — пробурчал Карг и опустил дубинку.

— Так это ты мне разбил нос? — холодно спросил Дирок.

— А кто ж ещё? — улыбнулся мерзкой мелкозубой улыбкой Карг.

В одно мгновение, чешуйчатый коротышка повалился на землю. Из его носовых отверстий хлынула багряная кровь.

— Сстоп! Не стрелять! Не стрелять! — засуетилось существо с обвисшей кожей.
Никто не посмел ослушаться.

Дирок поглядел на свой кулак, так удачно врезавшийся секундами ранее в лишенную шеи голову уродца. Ухмыльнулся и сказал:

— Я не знаю где там у него нос, но больно ему я сделал.

Карг тихонько шипел, истекая кровью. Двое соплеменников подхватили его и унесли куда-то.

— С сделал, будь уверен, — в голосе обвисшекожего читалось что-то вроде злорадства. Видимо, у него с Каргом были какие-то свои личные счёты.

— Я повторю свой вопрос: кто вы, блак, такие? — холодно и сухо произнёс Дирок.

— Ты узнаешь... с со временем, если доживёшь... — ответил обвисшекожий. — Меня зовут Масстой — это всеё, что тебе надо ссейчас знать. Прежде чем что-то говорить, ответь на мои вопросы. Но обдуманно ответь, не ссмей врать. От этого зависит твоя жизнь.

— Ну? — поднял бровь Дирок.

— Мне нравится твоё хладнокровие, — одобрил Масстой. — Ты близок нашей рассе по духу.

Дирок с отвращением глядел на раздвоенные змеиные язычки, так и вырывающиеся из пасти уродливых созданий. Прикидывал шансы в вероятном бою. Если вырубить вон того, с прищуренным третьим глазом, завладеть его мечом, то можно взять с собой в лоно смерти ещё полдюжины уродцев... Но всё равно пуля (или болт, или ещё чего) из странного пружинного мушкета настигнет — не может быть, чтобы они не умели стрелять в движущиеся мишени. Да, если дойдёт до столкновения, нужно будет умереть достойно, а не как трусливая челядь. Но пока до этого не дошло. Нужно выжидать и надеяться на капризного мистера по имени Фатум.

— На северо-западе есть город... Вы называете его Мисстор, — зашипел Масстой. — Скажи, как ты относишься к нему и к его жителям?

— Никак, — не задумываясь, ответил Дирок.

— Почему?

— Да мне до них дела нет просто. Мне вообще все люди безразличны... — здесь Дирок задумался, вспоминая Миррил. — Ну, почти все...

— И тебе всеё равно, умрут они или нет? — с интересом спросил Масстой.

— Да пусть себе дохнут на здоровье, — ухмыльнулся Дирок. — Мне-то какое до них дело? Мисторцы, правда, денег много могут заплатить — я ведь наёмник, в конце-то концов. Но и заказы у них специфические, трудновыполнимые. Мне больше по душе глубинка — там всё просто и ясно, как слеза девственницы. Морду кому-нибудь набить, эскорта, запугивание и тому подобная честная работа.

— То есть, ты не желаешь им зла? — во всех трёх глазах Масстого блеснуло любопытство.

— По большому счёту, нет, — сказал Дирок и покосился на чешуйчатого, нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу. Как показалось наёмнику, пальцы уродца так и чесались нажать на спусковой механизм.

— Это очень плохо, — вздохнул Масстой.

«Фарлить тебя в рот! Отсоси у меня сбоку!» — подумал Дирок.

— Это как? — спросил Масстой.

— Что как? Я ничего не говорил... — по спине наёмника потёк холодный пот.

— А зачем говорить? Я ведь Масстой — это не имя. У меня уже давно нет имени. Это прозвище тех, кто умеет читать чужие мыссли.

«Вот блак!» — подумал Дирок.

— Именно, — подтвердил Масстой.

Наступило молчание. Дирок осмотрел затравленным взглядом чешуйчатых существ. Ох и зловеще выглядели их пружинные мушкеты...

— Стоит мне щёлкнуть пальцем, и твои кишшки вытекут быстрее, чем ты успеешь сссказать «мама», — признался Масстой. — Но пока что ты был сс нами чесстен. Твои мыссли не расходились сс ответами. И кто эта, чёрт подери, «аппетитная задница»?

— Значит, вы верите в христианство... — подумал вслух Дирок, поскольку это уже не имело принципиальной разницы.

— Во что мы верим — не твоё дело, — отрезал мыслечтец. — Кто эта «Миррил», о которой ты так часто думаешь?

— К тому же, любопытство вам тоже не чуждо... — дополнил наблюдения Дирок.

— Отвечай! — в голосе Масстоя отчётливо читалась угроза.

— А если не отвечу? Ты щёлкнешь своими пальчиками и выпустишь мне кишки? Ха-ха, — смех был сухим и жалобливым. Так смеются у себя на похоронах... — Тебя это не касается. Я не собираюсь отвечать на твой вопрос. И вообще ни на какие больше не буду отвечать.

— Что ж... Ты доказал, что можешь быть чесстен... — сказал Масстой. — Но раз не хочешь по-хорошему...

Дирок уже изготавливался для прыжка на одного из чешуйчатых, чтобы отнять оружие и дать хороший предсмертный мастер-класс на тему: «Как я умею убивать». Но тут же ощущил чудовищную боль в голове. Невыносимую, жёсткую, всепоглощающую. Одноухий повалился на землю, содрогаясь в конвульсиях. Чьи-то лапы небрежно продырявили его череп, вонзились когтями в мозг. И принялись копаться.

Копаться...

КОПАТЬСЯ!

— Ах вот оно что, — ухмыльнулся Масстой.

Глава 23: *Есть есть?*

Миррил открыла глаза. Над ней стоял человек. Где-то она его видела... но где? Ах, точно, это его руки вырвали её из смертоносных объятий канализации. Он был невысокого роста, худощав, с непропорционально раздутым животом (должно быть, любитель пива), болезненно белый цвет лица, впалые щёки, чёрная густая щетина, тонкие бледные губы, тонкие брови, высокий лоб, короткие смолянистые волосы с пролысинами — мужчина не был красавцем (хотя, если сравнивать его и Дирока, то этот куда симпатичнее...). Единственное, к чему не придерёшься, так это глаза. Большие, снежные белки и аметистовые зрачки. Такого цвета у людей Миррил ещё не видела. Или видела? Но где? Где... Хм... Светлый фиолетовый цвет очаровывал, в нём была невероятная глубина, чистота и в то же время порочность. Эти глаза способны свести с ума любую женщину...

Мужчина молча глядел на Миррил. Время от времени он размыкал губы и набирал в лёгкие воздух, словно хотел что-то сказать, но каждый раз выдыхал без единого слова. Он был в нерешительности. Он не знал, что нужно делать. А знала ли Миррил?

Стоп! Не его ли грязные пальцы мацали Миррил, натирали мылом?

Он ведь насильник!!!

Насильник? Срань Святой Ненависти! Это всё был очередной сеанс предвидения. Будь оно всё проклято! ДО ЧЕГО ЖЕ БОЛЬНО УМИРАТЬ! ВО ВТОРОЙ РАЗ, МАТЬ ВАШУ! ВО ВТОРОЙ РАЗ!!!

— Я... — набрался смелости мужчина.

— Чикакор миртак филистиций, — выплюнула Миррил.

— Хм... Вообще-то меня зовут Вито. Вито Шипнар.

— Да мне насрать, как там тебя зовут, — отмахнулась Миррил. — Чикакор миртак филистиций.

— Ну знаете ли... — возмутился Вито. — Я тут её от властей спас, понимаешь ли, а она...

— Да замолчи ты, — осадила его Миррил. — Дай бумагу и лист. Хоть бы не забыть. Чикакор миртак филистиций. Хоть не забыть.

Казалось бы, что поэту — бумага и ручка? Ну, с бумагой ещё куда ни шло. А попробуй ручку найти во всём этом творческом хаосе. Разбросанные по комнате вещи, скомканные исписанные листы, чашки с недопитым чаем на столе, стульях, полках, пустые бутылки из-под пива, нашедшие пристанище в различных уголках пола.

Вито забегал в поисках ручки. Чуть не упал, наступив на пустую бутылку. Куда же он её мог положить? Миррил всё подгоняла. Барон не привык к такой спешке. Вернее, он не привык к *навязываемой* ему спешке. Но возражать прекрасной гостье он не хотел (к тому же, Вито чувствовал себя виноватым за то, что позволил себе раздеть и помыть её, не дождавшись, пока она придёт во вменяемое состояние).

— Да скорее же ты, скорее, — требовала Миррил и расправляла скомканный лист бумаги. Одна сторона была измарана какими-то убогими каракулями. Вторая — чистая. На ней-то и можно записать заклинание.

— Не подгоняй меня, — огрызался Вито. — Сам знаю.

На какие-то секунды Миррил переключила полное внимание на мужчину, так отчаянно рыщущего по своей квартире в поисках простейшей ручки. Судя по бардаку в комнате, можно сделать однозначный вывод: холостяк. А скомканные листки, конечно же, ярко кричали о творческой профессии мужчины. Учёный, либо писака. Миррил, в принципе, всё равно...

Попытавшись мысленно вернуться к заклинанию, девушка ужаснулась: слова перемешались, исчезли. Мирратракор филиртам чиций? Нет. Нет! НЕТ! Это единственный шанс. Единственный и больше такого никогда-никогда не будет, мать вашу! Чикатак филистикор мириций? Да провались оно, да провались!

Миррил разрыдалась. Почему-то её слёзы каким-то образом задели дремавшие пласти памяти Вито, и он вспомнил, что ручка лежит у него в кармане пиджака. И вправду, в левом боковом кармане нашлась шариковая ручка с полустёртым изображением голой женщины. Ох, сколько приятных и не очень приятных случаев в жизни были связаны с этой ручкой... Но сейчас не до них. Красавица не может больше ждать.

— Не плачь, вот, я нашёл, — Вито протянул всхлипывающей девушке ручку.

— Да пошло оно всё! — взвизгнула Миррил и ударила по протянутой руке. Описав дугу, ручка приземлилась на груду скомканной бумаги.

— Не пойму ничего, — задумчиво почесал за ухом Вито.

— Пока ты там бегал, я слова забыла, — сказала Миррил и разрыдалась пуще прежнего.

— И делов-то? — ухмыльнулся Барон. — Чикакор мильтак филистиций?

— Как ты сказал? Повтори, — Миррил подняла заплаканные глаза на незнакомца. В них сверкнули искорки надежды.

— Как, как, чикакор мильтак филистиций, — повторил Барон Отрицательный. — Ох уж эта девичья память...

Миррил вскочила с кровати, подбежала к груде скомканной бумаги, откопала в ней ручку и попросила повторить заклинание.

— Чикакор мильтак филистиций, — устало повторил Барон. — На странные слова у меня память цепкая. Профессия, так сказать, не позволяет расшвыриваться...

Миррил перечитала записанные на наспех развёрнутой бумаге слова и мысленно поблагодарила судьбу за то, что послала ему этого прекрасного человека с аметистовым взглядом.

— Как тебя зовут, говоришь? — спросила она.

— Барон Отри... тыфу ты, Вито Шипнар я. К вашим услугам, мисс, — Барон учтиво, даже с излишним пафосом, поклонился.

— А я Миррил, — представилась бывшая магиня, вглядываясь в лицо мужчины, словно пытаясь что-то вспомнить. — Фамилию свою я давно не помню, поэтому — просто Миррил.

— Очень приятно познакомиться, — признался Вито. — Ваше имя мне известно — на каждом столбе вместе с вашим портретом расклеено. Я знаете, очень большой риск на себя взял...

— Ты со мной нежна, моя магиня! — резко перебила его Миррил. — Я ж с тобою буду грубым волком... Да?

— Ты теперь моя всегда, отныне, — подхватил Барон Отрицательный. — Не сбежать тебе, моя красотка. Вместе радость мы разделим, выпив на двоих бокал вины... Эй, там ведь не магиня была, а богиня!

— Мне с магиней больше нравится, — призналась Миррил. — На книжке другое имя было написано.

— Мой псевдоним «Барон Отрицательный», — признался Вито. — И как вам это произведение?

— Честно? — спросила Миррил, чувствуя, как начинают напоминать о себе ушибы и ссадины.

— Хотелось бы вкусить крупицу правды в сухой пустыне лжи и притворства, — ввинтил Барон.

— До безобразия слабо и безвкусно, — призналась Миррил.

— Я знаю, — вздохнул Вито.

— Мне никогда этот стих не нравился, — добавил Барон.

Миррил лежала на диване (на котором не так уж давно лежал поэт Барон Отрицательный, глядел на трещину в потолке и не мог ничего путного придумать) теребила в руках серебряную статуэтку арфы на аметистовой подставке. В аметисте

была выгравирована надпись: «Барону Отрицательному, победителю XXII Всечикрогского фестиваля поэзии «Серебряная арфа». Мистор, 7523 г.». Вито копошился на кухне, наспех жарил яичницу на постном масле. Других продуктов у него не было, а обворожительная гостья просто умирала с голода. Было немного стыдно, что угощение будет столь убогим: ни тебе трюфелей, ни икры глубинной рыбы Сеоотр, ни экзотических красных грибов (от которых чувствуешь приятную лёгкость в голове), ни тебе запечённой с яблоками утки, ни рагу из дикого трехпалого корлика, ни марочного вина в хрустальных бокалах на тонкой ножке...

До чего же Вито устал жить на грани нищеты! Он великий поэт Барон Отрицательный! Оплот и надежда всего мира на литературное наследие этого времени! Угощает очаровательную гостью (которая выползла из канализации, была вся покрыта ушибами и ссадинами, но при этом не потеряла шарма) какой-то убогой яичницей из трёх яиц! Ведь в грёбаном холодильнике больше ничего не было, кроме этих самых яиц, пустой коробки из-под майонеза, огрызка засохшей колбасы и бутылочки с постным маслом на дне.

Да, в хлебнице доживал свой час подсохший ломтик ржаного хлеба, который прекрасно дополнил *вкусное угощение*. Сам Вито решил ограничиться чаем. Яиц попросту на него не хватало...

Барон Отрицательный жил милостью своих любовниц. Гонорары за сборники стихов были настолько малы, что вызывали не то, что недоумение, а даже нервный смех. Хотя будь у Барона полно денег, он всё равно бы голодал, не окажись рядом верной подруги, подносящей ко рту заветную ложку с едой. Всё та же миловидная официанточка Ирэн из его любимого паба «Бравый жеребец» приходила к нему раза два в неделю. Получая причитающуюся порцию звериного траха, Ирэн начинала хозяйничать в доме любовника. Стирала грязное бельё, мыла пол, вытирала пыль, готовила еду. Да, приходила она к нему всегда с корзинкой, полной продуктов, поскольку знала, что если не принесёт их, то Вито так и останется голодным (разве что его не накормит какая-нибудь залётная ябранка).

Из женской одежды у Вито в шкафу лежало лишь старенькое домашнее платье Ирэн. Такое, голубое с выцветшими вязанными розами на плечах. На Миррил оно было слега большое в талии и груди, село плохо, не подчёркивая стройную фигуру. Но, Святая Ненависть всё изрежь, это лучше, чем сидеть в доме незнакомого мужчины голой!

Перед тем, как отправиться на кухню вести неравный бой с яйцами, Вито отыскал для Миррил мазь «Спасатель» и порекомендовал втереть её в ушибы и ссадины. Девушка приняла из его рук тюбик и попросила покинуть комнату, так как собирается раздеться, чтобы обработать травмы. Часть Вито (Барон Отрицательный, то есть) не хотела покидать комнату для гостей, служившую так же и кабинетом, чтобы насладиться видом на прекрасную голую девушку, втирающую густой и пахучий крем в своё тело. Но здравомыслящая и тактичная часть Вито всё-таки взяла верх и ретировала хозяина на кухню.

— Так ты профессиональный поэт, да? — спросила Миррил. Она уже давно намазала ушибы и натянула на себя платье Ирэн. Ткань неприятно липла к пахучему средству, втёртому в кожу, но это была приятная неприязнь. Девушка чувствовала, как по телу растекается теплота. Она знала, что эта теплота — действие лекарственной мази. Не получив ответа, Миррил поставила статуэтку серебряной арфы на дешёвенский

пластмассовый столик, что стоял рядом с диваном, и добавила: – Ничем больше не занимаешься?

Вито Шипнар как раз сыпал молотый перец на шкварчащие на сковородке яйца. Занятие это весьма ответственное, поэтому Вито ответил лишь после того, как поперчил:

– Если человек, целыми днями валяющийся на диване, пьющий пиво или чего покрепче, время от времени пишущий весьма сомнительной рифмой какую-то ересь может называться профессиональным поэтом... то да, я профессиональный поэт...

Миррил не стала ничего больше спрашивать. Шкварчание сковородки смешивалось с голосом Вито, и было невозможно определить, шутливо он это сказал, либо был серьёзен. А находясь в чужом доме, да ещё при этом, будучи разыскиваемой властями за тяжкие преступления, не следует вести себя грубо...

Девушка взяла со столика засмотренную до дыр желтоватую бумажку со своим точным портретом и условным портретом Дирока. На этой проклятой Святой Ненавистью и Святыми Уродцами вместе взятыми бумажке жирными буквами кровоточили три слова: «РАЗЫСКИВАЮТСЯ», «ОСОБО ОПАСНЫ». Внизу чёрным шрифтом, но не менее зловещим, чем кровавые клейма, был текст: «Ответственная за смерть двенадцати граждан Мистора (включая четырёх полицейских!) преступница Миррил на свободе. В сопровождении опасного сообщника. Любая помощь в их поимке будет вознаграждена на должностном государственном уровне».

Любая помощь в поимке... Нет, Вито давно бы выдал Миррил. Она смутно помнила, но, кажется, он даже спас её от полицейских, попавшихся им на пути от канализационного люка, из которого Вито вытащил потерявшую всякую надежду на спасение девушку, до его убогого одноэтажного коттеджика. Но зачем ему взбрело в голову помочь? Ему своих проблем не хватает? Вон, потолок в трещинах, комната вся засранная, забросанная мятными бумажками и прочим хламом...

– Обед подан, – оборвал размышления Миррил Вито, входя в гостиную с подносом, на котором лежала тарелка с яичницей-глазуньей с тремя желтками, ломтик хлеба, вилка и две простые белые чашки с янтарной жидкостью в них – без сомнения, чаем.

Комната наполнил запах яичницы и крепкого чая. Вообще-то, яйца – не были любимым блюдом Миррил... Но если вспомнить, сколько времени она не ела... Нет, не хотелось вспоминать – хотелось есть. Дико хотелось. Как зверю.

Она смела еду за несколько секунд. Залпом выпила чай, несмотря на то, что он ещё не успел как следует остывать. И ощутила, что этого недостаточно. Что уродливый птенец голода только раскрыл ненасытный клюв и требует, требует, требует ещё.

– Вито, ты уже много сделал для меня, – произнесла Миррил и почувствовала, как начинает краснеть. – Но... Я так голодна, Святые Уродцы всё подери... Эти три яйца только разожгли аппетит. Я так давно ничего не ела... У тебя нет ещё еды?

Вито отстранил от губ чашку с чаем и ощущил, как краснеет сам.

– Прости, Миррил, но у меня в доме больше нет еды. Сказать по правде, я бы и сам не отказался чего-нибудь перекусить...

– Нет, это ты меня прости, – Миррил не находила себе места от стыда. – Я не должна была... Ты и так сделал невероятное. Я по гроб в долг перед тобой...

– Да брось ты, – махнул рукой Вито. – Всё равно рано или поздно придётся идти за продуктами.

Вито достал из уродливой вазы с искусственными цветами денежный свёрток (видимо, прибережённый на чёрный денёк), отсчитал несколько купюр, остаток положил на место и вышел на улицу. Вот – сразу видна душа поэта.

Не успела Миррил толком заскучать, как он вернулся с пакетами, полными еды.

– Здесь продуктовый совсем рядом, – признался Вито, выкладывая из пакетов ветчину, сыр, колбасу, яблоки, хлеб, вино... – Можешь брать, не стесняйся.

Миррил и не думала стесняться. Голод затуманил разум. Она схватила ветчину и откусила здоровенный шмат, не успев его прожевать, девушка уже впилась зубами в батон.

– Тише ты, обжорка, – улыбнулся Барон, откупоривая бутылку вина, – смотри не поперхнись. На, вот, запей, – он налил вино в пустую чашку, из которой не так давно Миррил залпом выпила чай.

Бывшая магиня схватила стакан и сделала жадный глоток.

До чего же хорошо...

– Чего уж в сторонке стоять, – весело произнёс Барон, взял головку сыра и откусил добрый шмат. Запил остатками остывшего чая, налил в опустевший стакан вина и чокнулся с Миррил: – Твоё здоровье, красавица. Пусть ни одна легавая кобка тебя не вынюхает.

Миррил кивнула в знак благодарности и допила вино. Она всё явственнее ощущала сытость. Винный хмель разошёлся по крови, вскружив голову. Вместе с сытостью и хмелем возникло дикое желание выкурить сигаротту. А почему бы и нет? После всего деръма, что приключилось с Миррил, не грех и покурить.

– У тебя есть сигаротты? – с надеждой спросила Миррил. Она сидела на диване, откинувшись на спинку. Рядом пристроился Барон Отрицательный.

– Дешёвенькие только – «Люмпен гольд», – виновато улыбнулся Вито и достал из нагрудного кармана круглую пачку. Крышку он открыл второй рукой, небрежно, но всё же не так изящно, как это умел делать Дирок доведённым до совершенства движением большого пальца.

Миррил взяла конусообразный конец сигаротты губами. Вито поднёс дрожащее пламя спички. Бывшая магиня затянулась и закашлялась.

– И действительно, полный «люмпен», – подытожила Миррил, но сигаротту не выбросила. Продолжила курить мелкими затяжками.

– Чем богаты, тем и рады, – пожал плечами Барон и подкурил себе.

На дешёвеньком пластмассовом столике стояла не менее дешёвенькая каменная пепельница. Миррил уже успела несколько раз сбить пепел, как её посетили вполне логичные мысли... Вито Шипнар, этот поэт, этот странный, загадочный мужчина... Он так много сделал для бедняжки Миррил. Спас от верной смерти (а ведь Миррил действительно уже собиралась отпустить руки и разбиться), отмыл от канализационной грязи, дал одежду (пусть и полнящую), накормил, выделил, в конце-то концов, сигаротту «Люмпен гольд»! Нет, Вито просто заслуживает награду...

– Вито... – начала было Миррил. Ей было несказанно хорошо: тепло от действия целебной мази, желудок был набит под завязку, вино играло в голове сказочную трель, а сигаротта завершала всю эту композицию мимолётного блаженства дымным аккордом. Миррил представила, как в знак благодарности расстёгивает ширинку своему спасителю. Как начинает нежно облизывать его член...

На этих мыслях она и отключилась. Недокуренная сигаретта вывалилась из расслабившихся пальцев на ковёр. Вито тут же затоптал бычок ногой, оставив в затёртом и засаленном ковре тёмное пятно пепла.

Не стоит забывать, что в канализации девушка потратила столько сил и здоровья, что вообще удивительно, как это ей хватило заряда так долго находиться в сознании.

А Барон всё понял...

Как же он жалел, что Миррил отключилась до того, как собралась его «отблагодарить физически»...

Миррил проспала целые сутки. Вито накрыл её плюшевым пледом и старался не шуметь. Не всегда ему это удавалось, конечно же... Но даже когда из его рук вывалилась кастрюля с картошкой (кастрюля громыхнула о дощатый пол, изрыгнув картошку по всей кухне), девушка и не подумала проснуться.

Ближе к ночи, Барон стоял над спящей красавицей и мастурбировал. В этот весьма смутный момент порочного наслаждения, смешанного с безграничным стыдом, в его голове зарождались поэтические строки. Забрызгав плед спермой, Барон Отрицательный на одном дыхании выпалил:

Вне закона!
Подобрал я тебя, обогрел,
Спас от смерти прекрасное тело!
Позабыл о других, обнаглел,
Обманул полицейских умело...

Вне закона!
Вне закона!
Нет теперь никакого канона,
Ты втянула меня в эту пропасть,
О, богиня тоски, о, Мадонна!
Я плюю в эту гнойную пасть!

Вне закона!
Вне закона!
Вне закона!
Мы с тобою навек – вне закона!
Мы с тобою навек – вне поклона!
Мы с тобой... я и ты –
Не окрепли мечты...
Но окрепнут, окуклятся,
Ввысь вознесутся!
Вне закона!
Вне закона...

С каждой строчкой он повышал голос, купаясь в озере творческого экстаза, к середине стихотворения и дальше – Барон просто кричал. Закончив, он вытер пот со лба и поглядел на Миррил. Она преспокойно себе спала. Из такого глубокого сна и пушечный грохот не вырвет, что уж говорить о крикливом баритоне поэта?

Пока стих не выветрился из головы, нужно его записать на бумагу. Но перед этим, следует поменять плед...

Миррил снился обыкновенный сон. Он был коротким и простым. Чёрный волк бежал по следу. Запах. Столь очевидный, столь простой и приятный волку. Запах страха. По нему очень легко выслеживать. Благодаря ему очень легко убивать...

Лес молчал. Лишь иногда постанывал треском сломленных веток и шуршанием травы. Жертва выдавала себя. А волк мчался беззвучно. Он любил нападать неожиданно. Он не любил лишнего шума.

И вот, момент истины. Затравленный зверь спотыкается, падает. Подняться ему не суждено – волчьи клыки впиваются в горло, высасывая через рваные раны жизнь...

Миррил проснулась от сосущего в животе чувства. Опять этот проклятый голод. Кто его вообще придумал?..

Вито сидел на пошарпанном кресле, читал какую-то книгу в чёрной матовой обложке. С большим трудом он оторвал глаза от желтоватых страниц и поглядел на девушку отрешённым взглядом. Да, такой взгляд бывает лишь у людей, отправившихся в путешествие по мирам грёз и фантазий. По этим долбаным, никому не нужным мирам, как была твёрдо уверена прагматичная Миррил.

– Я хочу есть, – как капризный ребёнок заявила девушка.

Туман в глазах Вито постепенно рассеивался.

– Есть? – спросил он, словно вспоминая, что означает это слово.

– Да, есть! – Миррил сама удивилась своему нахальству, но сбавлять обороты не собиралась.

– Ах да... есть... – промямлил Вито, положил книжку на дешёвый пластмассовый столик и исчез в дверном проёме, ведущем в крохотную кухню.

Накормив девушку варёной картошкой, сыром и ветчиной, Барон собрался было вновь погрузиться в чтение, но Миррил окликнула его, поломав все планы на остаток дня.

Да что там дня?

Этим окликом она изменила всю его жизнь!

Глава 24: *Неблагоприятные соседи...*

Дирок сидел за столом. Ну, не то, чтобы сидел в классическом понимании этого слова. Слишком низко для него было, поэтому он пятой точкой соприкасался не с кожаной подстилкой на каменном стуле, а с полом. Разумеется, подложив под зад кожаную подстилку, стянутую со стула. Даже в таком положении, стол был для него маловат, но тут уж ничего не поделаешь. Лучше так, чем никак.

В тарелке наёмника остывал наваристый бульон, в котором плавали какие-то грибы и ломтики мяса неизвестного происхождения. Совсем не хватало соли. И не потому, что повар недосмотрел, а потому, что подзмеи попросту слыхом не слыхивали о таком диковинном явлении, как «пищевая соль». Но есть юшку можно, голод она хорошо утоляла – и на том спасибо.

Напротив сидел подзмей с белым пятном на чёрной груди и перебинтованным лицом (скорее мордой, но для подзмей, к примеру, лицо человека – тоже уродливая

морда). Карг давно доел свою юшку и сейчас потягивал трубку, дым от которой уж слишком напоминал Дироку конопляный...

Вот и Дирок управился со своей трапезой, отодвинул пустую тарелку и заговорил:

– Значит, вы всё-таки собираетесь напасть?

Карг некоторое время молчал, затем выпустил дым и коротко ответил:

– Да.

– И у меня есть лишь два выхода – либо подохнуть здесь, от ваших мелких ручонок, либо идти с вами в бой, и подохнуть от руки мисторских солдат?

– Да.

– Хм... – хмыкнул Дирок и почесал обрубок уха. – Но зачем вам тащить с собой такого ненадёжного союзника? Я ведь при первой же возможности могу переметнуться на сторону врага...

– Не переметнёшишиссся, – прошипел Карг. – Массстый никогда не ошишибаетссся.

Дирок невольно вспомнил тот ужас. Массстой пробил ему череп и принялся копаться в мозгах. Нет, конечно же, на самом деле этого не было – череп никто физически не пробивал. Но вот ментально... Мощный телепатический залп, посланный Массстаем, прошиб голову Дирока. Проник в каждую частичку, каждую клеточку мозга... и стал вытягивать, вытягивать, вытягивать...

От телепатического взора Масстая нельзя скрыться. Нельзя убежать. Дирок стоял перед ним голый. Да что там голый? Стоял перед ним без кожи, без мяса. Одни кости и сухожилья пережитых дней.

Каждое движение телепатическим скальпелем Масстая Дирок переносил с невыносимой болью. Словно и на самом деле, его мозг медленно и методично вскрывали, резали, разглядывали каждый надрез, каждую ранку, которая с новым движением скальпеля превращалась в громадную дыру, из которой вместо крови и серого с белым вещества вытекали воспоминания и мысли.

Массстой узнал о Дироке ВСЁ.

Вообще, весь этот цирк с заточением, разговорами под дулами пружинострелов был необязателен. Массстой без проблем мог бы забраться в голову пленнику, вскоре после того, как его выбил Карг точным ударом резиновой дубинки в нос. Но было решено проверить Дирока «на вшивость» ещё и устроенным «цирком». Зачем? Чтобы остальные, а не только Массстой, смогли получить хоть какое-то представление о том, с кем же они, если всё сложится как надо, будут иметь дело.

Зачем вообще им понадобился Дирок? Собственно, не зачем. Он попросту подвернулся под руку. Вначале его приняли за мисторского шпиона. А раз он им не оказался, то осталось лишь два выбора: или убить, или принять в своё общество. Отпустить на поверхность его нельзя – это поставит под угрозу готовящиеся планы вторжения...

К незваному гостю приставили Карга – ввести в курс дела, растолковать, объяснить всё, как следует. Слово Масстая весомее смерти, поэтому ослушаться его нельзя ни при каких обстоятельствах. Как бы Карг не ненавидел Дирока за разбитое лицо (которое, кстати, было разбито в отместку за сломанный нос), а ослушаться прямого приказания он не мог. Конечно, Карг в роли няньки совсем не смотрелся, и решение Масстая было крайне сомнительным для постороннего наблюдателя... Тут замешаны свои тараканы.

Как-то Карг посмел огрызнуться на приказ Масстоя. Давно это было – с тех пор воды в проточных пещерах десятки раз поднимались до краёв и опускались до крошечных ручейков. А Масстой всё продолжал мстить Каргу за его опрометчивый порыв к непослушанию...

Скрипя сотней с небольшим мелких и чрезвычайно острых зубов, Карг выполнял поручение. И, в принципе, неплохо с нимправлялся. Он, пусть и сбивчиво, но вполне внятно объяснил суть сложившейся ситуации.

А ситуация была следующей.

Саборкан – древний подземный город подземей. Первые его пещеры были заселены задолго до того, как небеса были опорочены грязью искусственных спутников (этих проклятых небесных самозваных светлячков, притворяющихся звёздами), в те канувшие в склепы веков времена, когда люди только начали ковать железное оружие, юрки только научились использовать целебные травы, а у фарков все три руки были рабочими и крепкими (рука внизу живота ещё не успела статьrudimentарным отростком).

Да, следует немного отойти в сторону и уточнить. Подземеи – раса, держащая факт своего существования в строжайшем секрете. Это и не удивительно: Дирок никогда и не подозревал об их существовании. Конечно, ходили слухи о подземных жителях, о изменившихся чертах представителей той или иной расы, проведших не одно поколение вне солнечного света... Но чтобы существовала отдельная мыслящая раса! Нет, о таком Дирок уж точно не слышал (а слышал он о многом в меру вредности профессии). На вопрос, какого, блак, фига они держат своё существование в секрете, Карг лишь мелкозубо улыбнулся (до чего же отвратительной казалась Дироку его улыбка), мол, глянь на себя, длинное млекопитающее, с тобой не то, что разговаривать – даже в одном помещении находиться отвратительно!

В общем, Саборкан находился под Ленивыми скалами задолго до того, как пришли наземные и построили свой паршивый городишко Мистор. Всё бы ничего, но в последние десятилетия город серьёзно навредил подземеям. Его заводы по производству магония (да, разведка Саборканы всегда была на высоте) сливают жидкые отходы в подземную реку Широкий Стон, которая является стратегическим источником пресной воды подземей. Долгое время саборканцы терпели, но сейчас уровень загрязнения реки превысил любые допустимые нормы.

На вопрос, пробовали ли власти Саборканы связаться с властями Мистора, чтобы решить этот вопрос, Карг дал вполне вразумительный ответ. Да, плюнув на тысячелетние принципы, подземеи пошли на отчаянный шаг и послали в Мистор дипломатическую миссию. Высокопоставленных послов приняли за диковинных зверей и убили, даже не дав возможности тем заговорить. Сейчас их высушенные, выпотрошенные и набитые соломой тела находятся в одном из музеев «Дикой природы» (опять же, разведка отлично работает). Вторую делегацию посыпать не решились. С проклятыми варварами нет смысла разговаривать.

Поскольку Саборкан был создан за многие века до появления Мистора, то подземеи принципиально не станут уступать чужакам. Никто не собирается покидать родной дом в смутных поисках нового укрытия. Если другого выхода нет... что ж... Мистору придётся сгореть в праведном огне возмездия Саборканы!

План вторжения в город планировался уже не первый год. Боевая машина Саборканы была запущена, армия приведена в полную готовность. До начала боевых действий оставались считанные часы.

Дальше Дироку не требовалось слушать Карга, чтобы ответить на мучавшие его вопросы. Да, он военный пленник подзмей. И да, перед ним стоит выбор – умереть здесь, от их рук (ведь наружу они его не отпустят), либо пойти сражаться за их грёбаный Саборкан (до которого ему дела было не больше, чем тутовому шелкопряду до законов термодинамики). Зачем подзмеям панькаться с «ненадёжным» солдатом? Ну, Масстой его как следует прощупал... Значит, не такой он уж и ненадёжный... К тому же, было бы глупо не использовать все возможные силы, ведь битва предстояла серьёзная.

Сказать по правде, Дирок был уверен на все сто, что Мистор с лёгкостью отобьет нападение, словно муху назойливую прихлопнет. Но какой лично у него был другой выбор?

Масстой правильно прочёл сущность Дирока. И Дирок это понял. Кто такой Одноухий, по большому счёту? Наёмник. Солдат, за плату выполняющий приказания нанимателя. Обычно платой служили деньги. Сейчас же, платой было право гордо умереть в великом бою, а не быть бесславно прихлопнутым змееподобными коротышками, как какому-нибудь бродячему псу...

Думал ли Дирок о побеге? Конечно же думал! Прикинув свои шансы, изучив ходы и пересчитав бесчисленную стражу – он пришёл к неутешительному выводу. Покинуть Сарбокан без разрешения подзмей невозможно. По крайней мере, живым...

Дирок принципиально не видел за что Мистор должен, хотя бы в грезах подзмей, сгореть в «праведном огне возмездия». Саборкан показался ему громадной подземной дырой с множеством петляющих туннелей и помещений, вырезанных в камне или выкопанных в земле и обложенных несущими балками. К тому же, сырой дырой, грозящей от длительного пребывания в ней как минимум воспалением лёгких. В больших пустотах встречались грибные фермы, крохотные деревянные или каменные домики, колодцы. Над каждым колодцем маячил либо красный, либо чёрный флагок. Чёрный флагок – вода отравлена отходами производства магония. Красный – вода из других подземных источников, условно ещё не загрязнённых. Но на самом деле, вся вода была в той или иной мере отравлена. Из главной реки яд медленно, но уверенно просачивался в остальные грунтовые воды.

Красоты города, о которой всё твердили жители подземелья, Дирок не понимал. Не понимал он каменных скульптур, с грубыми рублеными чертами. Не понимал фигуры обставленные разных оттенков камнями пол, стены и потолок. Его глаз не радовали разноцветные кристаллы, подсвеченные люминесцирующими грибами. А свисающие с потолка красноватые растения с мелкими тёмно-жёлтыми цветками, имеющими сладко-гнилостный запах, вызывали в нём всё что угодно, но не восхищение «красотой» и наслаждение «приятным запахом». Не понимал он всего этого, а главное – не хотел понимать.

Мысли о предстоящем бое напрочь отбили желание что-либо спрашивать и узнавать. Возникший было огонёк интереса к истории подзмей, к их языку, который почему-то ничем не отличался от Общего Наречия, к их традициям – безвозвратно погас. И никогда больше не загорался вновь.

– Карг, – позвал Дирок. Его собеседник вновь оторвался от забитой коноплёт трубки. – Я надеюсь, твоя разбитая морда – будет не единственнымувечьем в предстоящем бою.

Карг какое-то время молча глядел на Дирока, прикидывая, как воспринимать эти слова: как шутку, или как злую шпильку. Наконец-то он заговорил:

— А я надеюсь, что твой сломанный носок покажется мелкой царапиной, по сравнению с предстоящими ранами.

Вновь воцарившееся молчание нарушил Дирок. Он засмеялся так, как давно уже не смеялся: звонко и от души. Карг присоединился к нему, если те квакающе-хрюкающие звуки можно было назвать смехом.

Глава 25: *****

Что-то случилось.

Присосавшуюся в Мире Вечных Грёз к астральной копии души Дирока проекцию Мора словно током прошибло! Нет, даже сильнее. Это скорее было похоже на взрыв. Вот, Мор копается себе в бочке с взрывоопасным порошком, поскольку знает, что этот порошок не способен взорваться без искры. А этой искры нет. Не было и вряд ли будет. И вдруг, ни с того, ни с сего: БАБАХ! Что-то мелькнуло, что-то пронеслось, что-то вспыхнуло, и ослепительная вспышка сверкнула, прогремел оглушающий взрыв. Из образовавшейся дыры посыпались гробы похороненных, не пережитых воспоминаний. Стенки и крышки гробов крошились костлявыми руками мертвцев. Уродливые, полуразложившиеся трупы вырывались наружу. Чтобы причинить боль, которую не удалось причинить раньше. Они долго ждали этого часа...

Мор просто не верил своему счастью. Источник срыва захороненных переживаний был так очевиден. Он исходил из подземных пещер, что на юго-востоке от Мистора.

Это просто великолепно!

Мор перестал разделять тушку брина (которому как-то довелось побывать стервозным нанимателем Дирока), расправил углепластиковые крылья, подал магоний на стартовые сопла, и взмыл в сереющее небо.

Глава 26: *Отдаваясь в бережные руки доблестной полиции*

«Чикакор мильтак филистиций» — в который раз мысленно повторила Миррил.

— Я просто не понимаю, как ты подговорила меня на это... — сквозь зубы сетовал на судьбу Вито.

— Молчи. И веди, — отрезала Миррил.

Они шли по убогой уличке Южного района. Одноэтажные захудальные коттеджи, грязные тротуары, бордюры с выщерблами, запыленные деревца и пожелтевшая трава в овалах давно позабывших об уходе клумб. Было попросту дико лицезреть такую запущенность в одном из самых богатых городов Планеты.

По дороге встречались бродячие животные, роющиеся в переполненных мусорных баках, и редкие прохожие — в основном бомжи. Встречные выпячивали глаза на странную парочку: худощавого, невысокого аметистоглазого мужчину в сером костюме с затёртыми локтями, ведущего стройную девушку с по-мальчишечи стриженными светлыми волосами, одетую в голубое платье с выцветшими вязаными розами на плечах. Исходя из рук, перевязанных бечёвкой за спиной, девушка была пленницей мужчины.

Особенно уставились на парочку два ханги жупата. Барон помнил эти опухшие рожи: время от времени они шныряли по округе в поисках лёгкого заработка на самогон.

Ничего о жупатах он сказать не мог, так как они его не сильно-то и интересовали. Алкаши себе и всё, что на них внимание обращать?

А тем временем один жупат подался было вперёд, но второй его одёрнул за руку, мол, не надо. Не наше это уже дело.

Вито вёл пленницу в ближайший полицейский участок. Миррил вертела по сторонам головой и узнавала части пейзажа. Вот, трещина в стене дома с просевшей крышей, вот перевёрнутый мусорный бак, вот всё те же ханыги жупаты... У Миррил сжалось сердце от их зловещих взглядов. Она отвела глаза.

Сон вероятногло хода событий повторялся. Поменялись действующие фигуры, но смысл сохранился: Миррил вели в полицейский участок. Да, именно в тот, в котором она провела столько ужасных дней, может, недель или даже месяцев заточения в «кабинете для допросов». Холодный пот прошиб спину, потёк из подмышек – страх отбивал свою жуткую трель. Всё могло повториться – и голова Миррил вновь бы рассталась с телом под неумолимым лазерным резаком гильотины. На потеху толпы. Но на этот раз – всё бы произошло по-настоящему. Девушка бы не проснулась после ночного кошмара, затянувшегося в её предвидящем сознании на недели. Наступила бы полная темнота. Или нет, куда хуже – душа бы отправилась к Святым Уродцам или Святой Ненависти на растерзание. Ну, если бы эта религия была единственной верной, конечно же...

А так... Кто знает, что нас ждёт после смерти? Холод и мрак, как сказал один писатель, имя которого она забыла?..

«Чикакор миртак филистиций» – мысленно произнесла Миррил и её это немного успокоило.

До самого участка не встретилось ни одного полицейского отряда. Это, по меньшей мере, странно – к ним в лапы ведут опасную преступницу, а они не встречают!

Но вот, Вито потянул на себя массивную дубовую дверь с металлическими набойками...

И открылся вход в неизбежность!

Все, кто были на проходной, сбежались к Вито и его пленнице. Миррил, оказывается, пользовалась в полицейских кругах уж слишком большой популярностью. Один здоровенный человек с болезненно отливающей зелёным кожей протянул было руки к бывшей магине, но Барон поднял скандал, что и на шаг не отойдёт от своей заключённой, пока не получит полагающееся ему по закону вознаграждение!

Так они, всей толпой, горячо переругиваясь, что торговцы рыбой на центральном рынке, перекочевали в основной зал. Там какая-то пожилая бринша с бородавкой на лбу и фурункулами на щеках и шее уже принялась отсчитывать купюры для сознательного гражданина Вито Шипнара. Несколько полицейских взяли Миррил на мушки болострелов – на всякий случай, наверное...

Этот гам и шум был оборван в одночасье. Одним простым выкриком:

– Заткнулись все!

Смешавшиеся полицейские, Миррил и Вито обернулись на выкрикнувшего.

Это был низкорослый темнокожий человек в форме патрульного с серебряным жетоном власти на груди. Вито так и оцепенел от страха. Именно этот патрульный с двумя другими, которых сейчас в участке не наблюдалось, (высоким темнокожим мужчиной и толстяком брином по имени Тася) обчистили кошелёк Вито и заставили его сочинить про них стих. А ведь тогда Барон волок за собой находящуюся в пристрации

смертельно-опасную преступницу, которую некоторым временем ранее вытянул из канализации. Ох, и благодарили тогда Вито судьбу за то, что удалось избежать страшной участи и скрыть от патрульных лицо девушки. И вообще, за то, что столкновение с полицейскими прошло невероятно безболезненно. Видимо, судьба решила свести счёты...

— Я знаю этого типа, — заговорил темнокожий. Никто не смел его перебивать. Видимо, в участке он пользовался большим авторитетом. — Недавно мы с Тасей и Гарком делали ему «предупреждение за анти-социальное поведение». С ним была пещатня, чьё лицо мы так и не рассмотрели. От них ужасно воняло канализацией. Я бы и не вспомнил о них...

— Но позвольте, какое это имеет отношение к делу? — набрался смелости Барон Отрицательный. — Да, я тогда немного *пошалил* с проституткой, мы набрались. За это, кажется, я понёс перед вами наказание. Вы забрали у меня все деньги и заставили сочинять стих.

— Заткнись, шут, — оборвал его темнокожий. — Я сейчас вспомнил отчёт Трипарона. Там вот эта пещатня, — он ткнул пухлым коротким пальцем в сторону Миррила, — скрылась в канализации. А от этого идиота и его ябранки — смердело хуже, чем из дрота слона. Сечёте мою мысль?

Все полицейские понимающие кивнули, мол, да, сечём. Некоторые из них действительно усекли...

— Это клевета! Клевета! — завопил Барон (поскольку Вито чуть было не обделял себе штаны от страха).

— Забей рот, пока я его не заткнул дубинкой, — посоветовал фарк, что стоял совсем рядом и вертел в руке дубинку.

Вито замолк.

— Баяр, что тогда делать будем? — спросил кто-то из толпы.

— Как что? — удивился темнокожий разоблачитель. — Засадим их в «кабинет для допросов». А там уж поглядим, что делать дальше. Ябранку эту точно виселица или гильотина ждёт, а с этим мулёком... — он задумчиво почесал второй подбородок, — что же... будет нам стихи писать на стенгазеты...

Несколько полицейских громко засмеялись, толком не понимая зачем.

Фарк с дубинкой заломил Вито руки за спину и посоветовал «быть паинькой». Миррил схватил за руку здоровенный человек с болезненным зеленоватым оттенком кожи. Их повели в «кабинет для допросов».

Вели по длинному коридору. Миррил уже дважды по нему ходила. Один раз в ад всё того же «кабинета для допросов», второй — на прикосновение смерти гильотины.

Если сейчас не получится... Если сейчас не выйдет... Миррил тряхнула головой, в тщетной попытке избавиться от наплывающих воспоминаний о тиканье невидимых часов, об изнасиловании, о хрюкающей твари, которую она так и не увидела...

Миррил и Вито совсем не сопротивлялись. Волей-неволей бдительность конвоиров притупилась. Они вели заключённых молча, их лица приняли томный, скучающий вид, как, к примеру, принимает лицо плотника, вытачивающего двадцатый за день стул. Обыденность и безучастие. Словно в ужасную камеру для изощрённых психологических пыток, которую для пущей важности называют «кабинет для допросов», они каждый день водят по сотне человек.

Вито обречённо поглядел на Миррил. Она ответила ему твёрдым взглядом, который и в него вселил уверенность. «Сейчас» – беззвучно прошептали губы девушки. Она сделала рывок, вырвавшись из лапы расслабившегося здоровяка, врезавшись плечом в Вито, выбив его из рук фарка. Миррил и Вито вместе повалились на шкуру медведона. Спасительную шкуру.

«Чикакор миртак филистиций!!!» – мысленно прокричала Миррил.

Здоровяк так и стоял: выпучив глаза, не в состоянии произнести и слово.

– Что ж, блак, произошло? Фарлинный ж ты бабай! – такова была реакция фарка.

Их арестанты попросту растворились в воздухе!

Глава 27: *Началось, фарлить вас в рот, началось!!!*

Дирок сидел на корме лодки, покачивающейся на воде подземной реки Широкий Стон, отравленной отходами производства магония; разглядывал свой пружинострел. На поясе Одноухого в ножнах покоился короткий меч с зазубринами «а-ля кишкодёр». Конечно же, для подзмей меч далеко не короткий – это был образец самого длинного клинка, находящегося на вооружении многочисленной армии Саборканы. Нет, было и другое холодное оружие, гораздо длиннее меча, к примеру: копья с причудливыми серпообразными наконечниками, цепи с шипастыми краями, посохи с металлическими набалдашниками, бьющими электричеством... Но из мечей, конечно же, этот был самым длинным – как раз на замену прошлого, разбитого о металлический люк канализации Мистора.

Сейчас Дирок сидел, держась одной рукой за бортик лодки, и с недоверием рассматривал мушкет. Короткая ствольная трубка, пружинные механизмы, неудобная рукоять, рассчитанная на крохотные пальчики подзмей, но уж точно не на неуклюжие лапищи представителей других рас. Дироку вообще повезло, что спусковой крюк находился в верхней боковой части ствольной коробки, и спускать его не составляло труда – главное, снять с предохранителя. Такое расположение, да ещё и не скрытое скобой, вызывало у наёмника недоумение. Забыв поставить предохранитель, крючок можно случайно задеть и отстрелить себе яй... ну, что-нибудь да отстрелить... Дирок поделился этими переживаниями с Каргом, за что тот одарил его таким презрительным взглядом всех трёх глаз, что Королева Презрения разрыдалась бы от зависти.

Странный мушкет. На вид хлипкий и ненадёжный, а стрелял, чертяка, похлеще болтострела. Стоило лишь дёрнуть присно помянутый спусковой крючок, как пружинный механизм выстреливал из ствола свинцовый шар, набирающий достаточную скорость, чтобы прошибть череп овцебыка. Механизм был невероятно сложен и состоял из пяти отдельных блоков, каждый из которых сменял отстреливший. То есть, подряд можно сделать пять выстрелов, после чего вновь заводить пружины, раскручивая барабан с невероятно неудобными для человеческих пальцев ручками, и вталкивать пули в предствольные ложа пружинных блоков. Дирок неоднократно наблюдал за умелыми и неуловимо быстрыми движениями солдат подзмей, перезаряжающих пружинные мушкеты за несколько секунд. Увы, у Дирока на это дело уходило минимум полминуты. А ведь в бою, как правило, всё решают доли секунд...

Тысячи шлюпок различных размеров и форм плыли вверх по течению Широкого Стона. Дремавший Мистор и не подозревал, какая участь его ждёт...

Прежде чем сесть в лодку, Дирок вымотал все нервы Каргу. Они провели не один напряжённый час на стрельбищах, пока Дирок более-менее научился пользоваться пружинострелом. Карг глядел на своего ученика с безнадёгой (насколько ему это позволяли немигающие, похожие на три большие капли смолы, глаза). Терпения не хватало по сотне раз объяснять «тупоголовому гладкоожему, который высокий как дерево, а дебильный, как... ну как... дебильный и висяч» что куда вставляется, где что закрывается, куда что нажимается. Дирок, с педантичностью профессора точных наук, всё не переставал расспрашивать и выяснять. В конечном итоге, к превеликому удивлению Карга, наёмник таки научился пользоваться этим диковинным для него оружием. И очень даже не зря.

Дирока, мягко сказать, удивили численность и грозность армии Саборканы. А точнее сказать – привели в благоговейный трепет. Солдат было не счесть. Десятки тысяч? Сотни тысяч? Они буквально хлынули из нор, словно не имеющие конца полчища разъярённых муравьёв, все как один высыпавших защищать королеву от случайно заползшего в муравейник крота. Передвигались они быстро и невероятно тихо. Ни разу даже не перебросившись и словом друг с другом. Были сконцентрированы и решительны до предела.

«Молчаливая Смерть Мистора» – почему-то подумалось Дироку.

Дирок окинул армию опытным взглядом прожжённого годами наёмника. И вот, что он увидел. Больше всего было рядовых пехотинцев. Каждый имел при себе пружинострел, меч или дубинку, у некоторых холодным оружием служила цепь с шипастыми краями. На их и без того чёрных чешуйчатых телах матово чернели, словно подчёркивали мрачность намерений, доспехи: поножи, бронежилеты и каски. Другой тип войск Дирок безошибочно охарактеризовал как «снайперы». Их мушкеты отличались длиной ствола и трубчатым прицелом с приближающими линзами. Так же Дирок отметил несколько отрядов тяжёловооружённых солдат. «Микроберсеркеры» – такое он дал им прозвище. Броня на их тела значительна превосходила обычную броню громоздкостью и толщиной: кроме поножей, бронежилета и каски, у них были наплечники и наручьи. Вместо простых мушкетов – громоздкие ружья с четырьмя стволами и массивной коробкой с пружинными блоками. Чем-то их оружия напомнили наёмнику пулемёты. Кроме отрядов со стрелковым оружием, попадались и без такового, вооружённые электрическими посохами или копьями. Была и боевая техника: массивные, угловатые конструкции на трёх и пяти колёсах со стволами различных диаметров и длины. Все орудия на смертоносных вездеходах приводились в действие сложными пружинными механизмами. Как приводились в движение колёса – Дирок не спрашивал. Да и не сильно стремился заполнить этот пробел в знании.

Солдаты набивали собой лодки до отказа. Боевые машины загонялись на баржи.

Саборкан направил войско стереть с лица земли Мистор.

В точности описать испытанные чувства невозможно. Это было ощущение жара, но в то же время, ощущение холода. Это был яркий свет, пронизанный мраком. Это было необычно, но в то же время наводило на ощущение чего-то до боли знакомого. Это было похоже на сон, но явь в этом сне просачивалась сквозь дыры понимания. Понимания? Да, всё было предельно ясно, но в то же время, ясности не было...

Вито молчал. Его душа оцепенела от страха неизвестности. Зато Барон орал во всё горло. Истерия, взбурлившая в кotle трепета...

Миррил молчала. Скачок занял гораздо больше времени, чем она ожидала, но в то же время, всё произошло в один миг.

Казалось, кто-то надорвал простынь Мироздания и позволил заглянуть в образовавшуюся дырочку. И тот бесцветный и в то же время переливающийся всеми цветами радуги свет, что извергался из неё, пугал и очаровывал, манил и отталкивал.

Как яркая вспышка темноты.

Миррил лежала на Вито, вдавливая его в густую шерсть медведоновой шкуры. Перевязанные за спиной руки она освободила – Вито специально завязал бечёвку так, чтобы лишь создать видимость крепких узлов. На самом деле, от них можно было легко освободиться, что, собственно, Миррил и сделала.

– Святые Уродцы отытай Святую Ненависть! – вскрикнула Миррил, поднимаясь на ноги. – У нас получилось! Вито, мать твою, у нас получилось!

Она осмотрелась вокруг: широкая, освещаемая электрическим светом комната без окон и дверей (на первый взгляд), шкура медведона на полу, высокий ореховый шкаф в дальнем углу и гобелены с изображениями редких птиц на стенах...

Вито промямлил что-то невнятное в ответ.

Но даже если бы его бубнение имело какой-то смысл, он бы всё равно ускользнул от Миррил. Её внимание полностью поглотил один предмет, лежащий на кровати. Золотой жезл с изумрудным набалдашником в форме львиной головы. Вернее, не совсем изумрудным... Нет, раньше-то он был изумрудным, тут и сомнений не могло быть. Но вот впитав магический дар Миррил, он окрасился пунцовыми сиянием. И это сияние манило девушку сильнее, чем в запредельную древность моряков манило прекрасное пение Сирен. Ни для кого не секрет, что всех Сирен истребили лет эдак триста назад...

Но, Святая Ненависть всё испепели, сияние жезла заставило о них вспомнить!

Лев спал, если уместно такое выражение. Его морда полнилась умиротворением и наглостью.

Словно голодный хищник в беззащитную жертву, Миррил вцепилась в жезл. Её взгляд помутился. Всё вокруг перестало существовать. Только золотой жезл со светящимся магическим огнём набалдашником в форме львиной головы. С ЕЁ МАГИЧЕСКИМ ОГНЁМ!

Заполучив жезл, испытав невероятно сладкие секунды триумфа, Миррил омрачилась мыслью, что не знает, как ей поступать дальше. Как заставить эту грёбаную штуковину отдать магический дар?

Миррил прикоснулась набалдашником ко лбу. Ничего не произошло. Потёрла набалдашник ладонью. Тоже ничего. Принялась тереть им по всему телу. Но всё так же – никаких результатов. Жезл чем-то напоминал фаллос с львиной головой вместо головки. Взвесив все «за» и «против», девушка взяла набалдашник в рот, попытавшись как можно глубже затолкать жезл себе в горло. Увы, эта отчаянная попытка не принесла никаких результатов (если не считать результатом Барона Отрицательного, который от лицезрения этой эротической сцены возбудился до предела). Мысли одна отчаянней другой роились в голове Миррил. Она даже подумала, что набалдашник следует вставить себе между ног. И уж было начата задирать платье, как здравый рассудок заставил отказаться от этой идеи.

Лев не открывал глаз. Казалось, он ухмылялся сквозь сон.

Миррил повалилась на кровать и разрыдалась, срывая злость на ни в чём неповинных подушках и одеяле.

И всё бы ничего, да только раздался скрежет, и гобелен с диковинной двуклювой птицей принялся отходить от стены...

Отходы производства магония сливались в подземную реку Широкий Стон в четырёх местах, разбросанных по Мистору. Центральный завод куполообразным гнойником примыкал к главной цитадели Ордена Восьми Старейшин, которая пирамидальной громадой, похожей на исполинский наконечник отравленной стрелы, росла из самого сердца Мистора. Остальные перерабатывающие магонит заводы пустили ядовитые корни в юго-восточной, юго-западной и северной части Столицы.

Лучших точек для внезапной атаки просто невозможно было бы и придумать.

Мистор – столица могучего государства Чикрог. Государства, захватившего половину мирового рынка поставок магония. Сверхдержава. Одна из самых богатых стран. А там, где есть богатства, есть и армия, призванная защищать его от желающих силой завладеть этими богатствами. И армия, без преувеличений, была лучшей в мире. Конечно же, людской ресурс во всех странах похож. Но в Чикроге армия отличалась исключительным финансированием и продвинутостью боевых технологий. Да, именно на защитных турелях вдоль стен Мистора и других стратегически важных городов стояли лазерные и плазменные установки, создание и обслуживание которых стоили просто запредельных сумм. Даже вероятный неприятель – королевство Восточный Феникс, в своём богатстве, нажитом владением второй половиной мирового рынка поставок магония, не позволяло себе таких дорогостоящих средств защиты...

Мистор, как, собственно, весь Чикрог, был готов к любым военным действиям, предпринятым соседними государствами. Ответ был бы жёстким и сокрушающим. С возможным продолжением – форсированной экспансиией территории страны агрессора (если эта страна – не Восточный Феникс). Если же произошёл худший из вариантов, и агрессором выступила бы сверхдержава Восточный Феникс... Что ж... Длительного и кровопролитного противостояния здесь не избежать.

Казалось, Мистор блестяще был подготовлен к любой атаке. Будь то атака с воздуха, суши или даже воды (хотя нападать на город водным путём было крайне неудобно). Но кто же мог предположить, что атака произойдёт *из-под земли*?!! И атаковать будут существа, которых раньше и разумными-то не считали. Так, тупоголовыми зверо-змеями...

Сколько раз История давала людям урок: малейший просчёт может привести к губительным последствиям. Ну вот, ещё один наглядный пример...

Наступательная тактика подземной была проста, а оттого и невероятно эффективна.

Первая волна нападения накатила в начале четвёртого ночи. Когда добродорядочные мисторцы спали, недобродорядочные шныряли по питейным и наркоманским притонам, патрульные отлавливали неудачливых недобродорядочных граждан и потрошили их кошельки, а расслабившиеся часовые на заводах магония клевали носом, едва побеждая всепоглощающую дрёму. В общем, ночной город существовал своей устоявшейся веками жизнью и не подозревал, что в какие-то считанные мгновения всё круто изменится.

Синхронность и неожиданность.

В назначенный лучшими стратегами Саборканы срок, из громадных сливных труб хлынули полчища жаждущих мести воинов. Они были низки ростом, размером с человеческого ребёнка или со взрослого йорка, чёрный цвет кожи и доспехов помогал

им смешиваться с мраком ночи, их рты и носовые отверстия были перевязаны чёрной тканью, чтобы едкие пары рыхляка (так назывался лишний продукт, образовывающийся при переработке магонита в магоний) не подорвало их здоровье до того, как их клиники и снаряды настигнут вражеских тел.

Первыми шли рукопашники. Их задача проста – тихо вырезать всех, кого можно вырезать тихо. Миссия самоубийственна, но подземеи не боялись смерти. Их философия жизни проста: мы живём, чтобы умереть...

Лучшие из лучших. Они передвигались бесшумно. Были быстры, как молнии, и безжалостны, как дикие звери. Они выпускали кишки любому, кто попадался на их пути, рубили головы, пронизывали тела, да так, чтобы задеть лёгкие и не позволить сорваться с губ предсмертному крику, пробирались в казармы и тихо вырезали спящих... Зачистив внутренние территории заводов, они выссыпали на улицы всё ещё расслабленного города, растворяясь в его полумраке, тихо распространяясь по нему, словно смертоносная зараза, губя всё живое на своём пути...

Раздался отчаянный вой сирен. Мистор просыпался, приходил в себя, собираясь с силами дать отпор.

Это был знак для второй волны атаки подземей. Основной волны.

Боевые машины поползли вверх по громадным трубам, как гигантские крысы в поисках лёгкой наживы. Первыми шли тараны. Они пробивали стены, крушили, сметали на своём пути всё, давая путь стрелковым механизмам и пехоте.

В одном из стрелковых отрядов состоял Дирок. Он бежал плечом к плечу с вооружёнными пружинострелами подземеями. Его лицо скрывала чёрная повязка. Его мысли были мрачны. Он бежал убивать...

В стене находилась тайная дверь, через которую и вошёл ничего не подозревающий ифр. Был он одет в красный мундир пред-адепта с золотым гербом Ордена на груди – восьмью змеями, пожирающими друг другу хвосты. Миррил замерла на кровати, покрытой перьями из надорванной подушки. А вот Барон не растерялся. Он метнулся к незнакомцу и ткнул того в шею. Ифр только успел издать булькающий звук и тут же повалился на пол. Тем временем Вито втащил его тело в комнату и налёг плечом на потайную дверь. Без лишнего кокетства, дверь захлопнулась, вновь превратившись в стену с диковинной двуклювой птицей на gobelenе.

– Ты его убил? – прошептала Миррил. Этими словами она вырвала сама себя из зловонных лап испуга. Миррил почувствовала, как до боли сжимает ручку жезла с магическим даром и расслабила побелевшие пальцы.

– Убил? – Голос отдавал чем-то металлическим.

Вито посмотрел на Миррил. В глазах отчётливо читался испуг, лицо его было как никогда бледно, лоб и щёки покрывала испарина. Если уж сильно приглядываться, то руки поэта была мелкая дрожь. Должно быть, ему стоило невероятных усилий держаться на прямых ногах (которые тоже дрожали).

– Этих родасов так просто не убить, – признался Барон Отрицательный. – Но вырубить легче простого...

После чего он замолчал и надолго ушёл в себя, усевшись на пол в углу комнаты – как раз под gobelenом, изображающим купающихся в каскадном фонтане соловьёв, канареек и прочую птичью мелкотню – обхватив руками колени, и периодически

покачиваясь, как это любят делать утомлённые после длительного буйства душевнобольные, облачённые в смирительные рубахи.

Из короткого разговора Миррил вынесла, что у Вито, видимо, были свои особые счёты с расой ифров. Возможно, что-то связанное с неприятными воспоминаниями, может быть, даже детскими... В любом случае, сейчас этот расизм им здорово помог. Но не следует расслабляться. Девушка сняла с подушек наволочки и перевязала ими руки незваному гостю.

Вообще, название «клешни» не совсем подходит для определения конечностей ифров. Не видевший никогда ифра человек (фарк, йорк, жупат, брин) услышав слово «клешня» представит себе нечто, похожее на конечность краба или лобстера. В таком случае то, что он впоследствии увидит при встрече с ифром, сильно выбьется из рамок понимания сего слова. Да, небольшое сходство можно отметить, но не более того. Пальцы жупатов были парными: на три верхних приходилось три нижних. Они плотно прижимались друг к другу и, по первому желанию своего хозяина, разжимались, что и послужило причиной назвать шестерню ифра «клешней».

Но Миррил было не до созерцания тонких материй. Она вязала эти «клешни» наволочками. И как можно крепче, крепче, туже, туже...

— Я... что... а... — завертел головой очнувшийся пленник. Заворочался, обнаружил, что руки у него за спиной, да ещё и связаны.

— Ах! Отпустите меня! Отпустите меня, мать вашу! Отпустите! — пожалуй, такого жалкого и ничтожного скулежа Миррил ещё не слышала от мужчины.

— Забей варежку, мулёк, — порекомендовала она и, для убедительности, пнула ифра в живот. Кожа у ифров толстая и плотная, почти как хитин. Наверняка пинок доставил пленнику боли не больше, чем носорогу прут выжившего из ума пигмея... но всё же — ифр воспользовался рекомендацией и умолк.

Он лежал на полу, между кроватью и медведоновой шкурой, переводил испуганный взгляд с Миррил на ушедшего в себя Вито и обратно. Что творилось в голове пленника — лучше об этом никому не знать.

— Зачем ты сюда припёрся? — рявкнула Миррил.

Смысл слов не сразу дошёл до ифра.

— Ну?

— Зачем? — затараторил Арчибалд. — Зачем? Ну... я... я просто сюда зашёл... эм... ну...

— Хватит мычать, — прошипела бывшая магиня, подняла с пола жезл и, для профилактики, ещё раз пнула пленника в живот.

— Кто ты вообще такой? — сверкнула океанической глубины и прозрачности глазами Миррил. — Или нет, лучше скажи, как влить в себя магический дар из этого фарлинного жезла?!

— Я... я не знаю, — ифр часто заморгал, стараясь не встречаться взглядом с девушкой.

— Врёшь, собака, чую, что врёшь, — Миррил ни на секунду в этом не усомнилась. Она повернулась к Вито: — Барон, Вито или кто ты там сейчас, объясни этой шкурле обветренной, что мы с ним не собираемся шутить.

Вито поднял голову. Выражение лица уж совсем не было похоже на здоровое: было в нём что-то придурковатое, что-то психически неуравновешенное...

— Банда ифров вырезала мою семью, — заговорил он, медленно поднимаясь на ноги.
— Отца, мать и младших сестёр... всех трёх сестричек, крошечек моих, бедненьких... На моих глазах, — Вито чугунной походкой приближался к Арчибалду, — а меня изнасиловали и окровавленного бросили подыхать! Кобка ты рваная! Пришпахток и стукфар! Ты и весь твой поганый род!

— А-А-А-А-А-А-А! — завопил пленник, на которого обрушился град неумелых ударов поэта, но эти удары до того были переполнены лютой ненавистью, что ни один профессиональный боец не сделал бы лучше... — Я всё скажу, я всё скажу, перестань, переста...

— Вито, перестань, — попросила Миррил, но её слова остались без внимания.

— Я тебя урою, парз, я тебя удавлю! — брызгал слюной Барон Отрицательный.

— Вито! Барон! — Миррил хлопнула его по спине.

Вито развернулся, занеся кулак над Миррил, его глаза горели желтоватым огнём безумия.

— Нет! — пискнула девушка.

Кулак остановился в миллиметре от её носа. Вито забегал взглядом по комнате, словно человек, проснувшийся в незнакомом ему месте.

— Да что с тобой такое?! — Миррил влепила ему щёчину.

Блуждающий взгляд (казалось, что глаза бегали сами по себе, независимо друг от друга, как у хамелеона) сфокусировался на девушке.

— Я... — выдохнул Вито и посмотрел себе под ноги.

На полу лежало кровавое месиво. Назвать это чем-то, что ранее имело формы молодого ифра, не поворачивался язык. Из ран сочилась фиолетовая кровь. Да, пожалуй, лишь по цвету крови можно было делать какие-либо догадки...

И всё же, это месиво не было мёртвым. Его часть (ранее бывшая грудью) медленно вздымалась и опускалась. Кровавая куча мяса, ломаных костей и полопавшейся кожи, похожей на хитин, еле-еле, но дышала...

— Я... — повторно выдохнул Вито и отвёл взгляд от месива. — Да ну это всё к парзам собачьим, — устало произнёс он и усёлся на кровать.

Миррил села на корточки возле той части тела месива, которая раньше была лицом.

— Слушай, друг, ты ведь хочешь жить, правда?

Месиво едва качнуло головой.

— Скажи тогда, как высосать из этого фарлинного львиного жезла магию? Скажи, и мы отнесём тебя к доктору. Доброму доктору, который вылечит тебя, поставит на ноги. Да, на пианино ты уже вряд ли сможешь играть... Но я уверена, всё остальное у тебя заживёт прекрасно. Ну же, не глупи. Добрый доктор так и ждёт тебя у себя в кабинете.

Месиво знало, что эти слова ложь. Месиво знало, что доживает последние минуты, а то и секунды. Месиво всё знало... Но хотело верить в чудо. Вдруг эта сумасшедшая женщина и вправду отнесёт его к добруму доктору. Доброму, милому, умелому доктору, чьи руки в сумме со скальпелем и лекарствами делают истинные чудеса. Ох, как ведь было бы прекрасно ещё какое-то время пожить. И пусть боль, которую испытывает месиво, постепенно угасает, а всё вокруг делается холодным и тёмным... Нет, это не выход. Если вернуть боль — вернётся и рассыпающаяся, как песочная статуя от ветра, жизнь. И добрый доктор сможет помочь. Конечно же сможет...

— Р...а...с...к...р...о...й...с...я... — прошептало месиво. Из отверстия, которое раньше было ртом, вместе с буквами текла вспенившаяся кровь.

— Раскройся? Что это значит? Не дури, пришпахток, — завелась Миррил. Она хотела потрясти Арчибальда за плечо, но побрезговала.

Месиво больше не было в состоянии произносить внятные звуки. Лишь хрип и бульканье.

— Раскройся, чтоб тебя, мулёк, раскройся, блак... А хотя...

В памяти Миррил что-то щёлкнуло. Нечто смутное начало подниматься из склепа давно похороненных воспоминаний. Старина Сик. Да, этот старый подлый предатель (увы, Миррил верила своему вещему сну) учил её медитации. Да, точно. Уроки «раскрытия», если не изменяет память, а она, конечно же, может изменять, но какой есть ещё выбор? Миррил терпеть не могла тех занятий. Благо, Сик их провёл всего ничего — раза три, может четыре. Не удивительно, что девушка напрочь о них забыла.

А сейчас самое время вспомнить. Так, нужно сесть в позе лотоса, сделать глубокий вдох, выдох. Перенестись мыслями в седьмую ступень небесного познания. Да, перенестись, а не думать о крепко сжимаемом пальцами золотом жезле с изумрудным набалдашником в форме спящего льва, мерцающим пунцовыми сиянием...

Перенестись в седьмую ступень небесного познания. Отдаться ей. Познать мир и спокойствие тела. Избавиться от всего бренного, всего ненужного, вытряхнуть его из себя, превратившись в пустую чашу. Эта чаша, подобная пустому чреву зверя, требует заполнения. Кровавый отвар, сверкающий мириадами радужных бликов. Капли животного благоденства. Разошедшаяся ткань мироздания, впитывающая в разрыв остатки запредельного пространства и времени. Непознаваемое познание.

Лев проснулся.

Лев раздражённо зарычал и вонзил клыки в живот Миррил.

Лев срыгнул в рану.

Сосуд вновь заполнен...

Миррил открыла глаза. Это сказочное ощущение, которое она уже не надеялась испытать. Ощущение растекающейся по жилам магии!

— Слушай, друг, а не ты ли Арчибальд, ученик Горколиуса? — это был риторический вопрос, ведь Миррил уже знала, что это так. Непонятно откуда, но знала.

Сидящий на кровати Барон почесал затылок. Он ровным счётом ничего не понимал, что происходит, и уж тем более не знал, что будет дальше, но ему стало интересно...

Месиво перестало издавать булькающие звуки и хрип. Надежды повидаться с добрым доктором вмиг растаяли, как лёд под лучом лазера.

— Ай-я-яй, — покачала головой Миррил. — Ты устал ждать его милости, бедняжечка, и пришёл сюда, чтобы без его ведома впитать в себя магический дар. МОЙ МАГИЧЕСКИЙ ДАР!

Кровавое месиво попыталось подняться, но вышло что-то похожее на предсмертную судорогу.

Миррил захлестнула неудержимая волна злости. Опоздай она немного, и этот молокосос бы всосал в себя её магический дар. И он отнюдь не был бы рад ей с Вито появлению. Нет в этом сомнения: Миррил бы погибла от своей же магии, украденной этим уродцем ифром. Злость. Праведная злость. Раньше её бы хватило для Обращения. Но сейчас Миррил стала другой. Она лучше умеетправляться с эмоциями, её импульсивность сильно притупилась за время общения с Дироком. Зов здравого

рассудка стал слышен чётче и весомее. Поэтому нет смысла тратить столько сил на Обращение, когда можно лишь чуть-чуть выпустить магии...

Из руки Миррил вырвался красноватый вихрь, вмиг проникший в месиво через раны и то, что раньше было ртом и дыхательными отверстиями. Магический порыв сконцентрировался вокруг сердца, сдавил его, оборвав и без того угасающую жизнь Арчибальда – ученика Виконта Карманарана Пиркона Горколиуса Восемнадцатого Великолепного, будь он проклят Святой Ненавистью.

Раздался оглушающий рёв сирены, словно материализовавшийся крик души, покидающей изувеченное тело ифра.

Вито испытал трепет перед женщиной, стоявшей рядом. Он вытянул её из канализации беззащитной и растерянной. Любой мог обидеть её... Но сейчас перед ним стояла не жертва. Это был могущественный хищник, способный пустить кровь лишь по мановению мимолётной прихоти. Это пугало. До смерти пугало...

Лучше быть по одну сторону баррикады с таким могущественным человеком.

Рёв сирены не прекращался. Как кличи первых буревестников, начали доноситься приглушённые крики, лязг металла, хлопающие звуки и раскатный грохот, похожий на шум взрывов.

– Нам здесь больше нечего делать, – сказала Миррил и направилась к медведоновой шкуре.

Вито поплёлся следом. В голосе Миррил, в её властно-поднятом подбородке чувствовалась мощь, гордость и сила.

«Чикакор миртак филистиций» – произнесла магиня мысленное заклинание, только на медведоновой шкуре оказалась нога её спутника.

Какое-то время они стояли молча. Миррил раздражённо топнула.

– Что? Что такое? Почему мы не переместились? – занервничал Вито. Его порядком напрягали доносящиеся всё сильнее (а значит и ближе) звуки ожесточённой битвы.

– Было бы глупо думать, что обратный билет будет с тем же штампом... – произнесла Миррил не так Вито, как пустоте комнаты.

– Что же делать? Блак, что же нам делать? – нервно заходил Барон. Его костяшки кулаков были разбиты об Арчибальда и пульсировали болью. На сегодня хватит с поэта приключений!

– Как что? Придётся идти туда, – Миррил ткнула пальцем на стену, из тайной двери в которой на свою беду пришёл ученик Горколиуса, задумавший овладеть магическим даром вне положенного срока.

Штурм главной цитадели Ордена Восьми Старейшин оказался намного сложнее, чем предполагалось.

Из амбразур в толстых металлических стенах то и дело вспыхивали оранжевые лазерные лучи и зеленоватые сгустки плазмы. Это если не говорить про нескончаемый град болтов и пуль. Напирающие стенобитные орудия подземной попросту не добирались до ворот – были сожжены, расплавлены, разбиты.

Снайперы Саборканя времена снимали стрелков в амбразурах, но на освободившееся место тут же приходили новые. И не было им конца.

Подоспели осадные механизмы. Мобильные транспортные средства закреплялись, раскладывались, трансформировались в стационарные машины разрушения. Укрывшись

за стенами центрального завода и других близлежащих зданий, они обстреливали разрывными снарядами стены цитадели. И прежде чем стрелки лазерных и плазменных орудий вычислили их расположение и уничтожили вместе со скрывающими их стенами, в громадном пирамидальном небоскрёбе цитадели уже зияли громадные дыры, открывающие путь вглубь здания. Входные отверстия погибели Мистора...

Подземеи были молчаливы в бою. Они не издавали боевых кличей, не кричали от страха и практически никогда не вопили, находя смерть от болта, меча, лазера или плазмы неприятеля. Тихие и организованные. Даже все команды они подавали жестами и лишь в крайне редких случаях отдавали их громкими и короткими словами.

А вот Дирок не привык молчать во время боя. И сейчас, когда в дыры цитадели хлынула лавина зловеще настроенных солдат, несущая его с собой, он не молчал. Одноухий вопил что было сил, драл глотку, выкрикивая повергающий врагов в страх боевой клич древних кочевых воинов:

– УЙ-ЯХ-ХХА! ЙА-ХХА-РРА! АЙ-ЛА-ЛИ!

Клич действовал на подсознание. Сам язык, которому принадлежали слова, давно вымер, вместе с его носителями – грозными и суровыми кочевниками Железного Севера. Но генетическая память не позволяла забыть тот ужас и страх, который пришлось пережить праотцам этих мест. Чудовищной жестокости налёты, сопровождаемые воплями диких и безжалостных воинов. Северяне выжигали целые посёлки, убивали воинов, насиливали женщин и детей. Они ели сердца побеждённых врагов, вспарывали трупам животы и вытрушивали содержимое в одну кучу, чтобы предать её огню вместе с живыми детьми побеждённых. Женщин, изувеченных и изуродованных, они оставляли жить. Оставляли как свидетельство своей звериной варварской силы и жестокости.

Мощный луч лазера сверкнул совсем рядом с Дироком, на несколько секунд ослепив его. На ярко-оранжевом фоне в глазах забегали тёмные пятна. Останавливаться ни в коем случае нельзя. Нужно бежать дальше. Жаль, что под ногу что-то попало, и наёмник повалился на нечто тёплое и липкое. Зрение вернулось так же неожиданно, как и исчезло. Дирок лежал в груде расчлнённых лазером тел подземея. Лазер режет не хуже любого скальпеля. Нет, лучше – где это видано, чтобы скальпель так искусно и быстро резал кости? В телах зияли громадные дыры. Многие трупы были разрезаны буквально пополам: кого-то полоснуло от шеи до бедра, кому-то снесло половину головы, кого-то чикануло вдоль талии... Один подземей был жив. Ему лишь отрезал ноги. Он молча глядел немигающим трехглазым взглядом на Дирока. Ни слова о помощи. Глаза как бы говорили: «со мной всё кончено, друг, а ты беги вперёд, надери задницы этим родасам, отравившим нашу воду».

– УЙ-ЯХ-ХХА! ЙА-ХХА-РРА! АЙ-ЛА-ЛИ!

Дирок вскочил и помчался в бой.

Сотни, если не тысячи тел подземея лежали на подступе к цитадели. Разрезанные лазером, сожжённые плазмой, пронизанные болтами и пулями. Наступающая армия шагала по трупам сородичей. Многие падали, роднясь в смерти с павшими. Но не было счёта отборным сынам Саборканы! Они напоминали армию свирепых муравьёв, своим числом и порядком сметающих всё на своём пути. Их невозможно было остановить. Они заползали в дыры в металлических стенах пирамидального небоскрёба. Расползлись по его залам и коридорам, убивая всех, кто попадался в поле зрения.

Вместе с группой стрелков, Дирок вскочил в дыру, зиявшую в главных воротах цитадели, и попал в массивный холл. На подступе он отстрелял все пять зарядов пружинострела, убив двух охранников. Сейчас в его руке блестел холодом смерти меч, а мушкет был туго пристёгнут к спине ремнём. Окружавшие Одноухого подзмеи дали залп, повалив замертво не успевших спрятаться в укрытия охранников. Дироку это придало смелости, и он, сломя голову, устремился к навалу шкафов, столов и стульев, за которыми прятались защитники Ордена.

Из укрытия высунулся брин в чёрно-бардовой форме и пустил очередь из винтовочного болтострела. То ли руки у него дрожали от страха, то ли сам Господин Фатум был благосклонен к Дироку – все болты не достигли цели.

Дирок на бегу пригнулся и подпрыгнул: сделав в воздухе сальто, приземлился по другую сторону баррикады, за которой пряталось два брина и один человек. Несколько точных и безжалостных взмахов мечом, и жизнь вытекла из охранников через глубокие раны.

В дыру в воротах вбежала новая порция воинов Саборкана. Среди них был Карг. Он с лёгкостью опознал спину Дирока, возвышавшуюся над навалом мебели, прицелился и выстрелил...

Издав отрывистый крик, Дирок упал, как скошенный серпом колос.

Карг добросовестно выполнил прямой приказ Масстоя и во время подготовки к битве нянчился с Дироком. На этом приказ и заканчивался, о нянченье на поле брани не было сказано ни слова. Жителю поверхности трудно понять психологию подзмей. Дирок, к примеру, считал Карга своим новым другом и без раздумий отдал бы в бою за него жизнь. И любой житель поверхности на его месте считал бы точно так же. Но за приветливостью и кажущейся симпатией скрывается сложная и не поддающаяся общим канонам психология подзмей. Карг выстрелил даже не из-за мести за разбитое лицо. Нет. Это был холодный и продуманный поступок, мотивы которого могут понять лишь подзмеи.

Но долго наслаждаться своим подвигом Каргу не довелось. Ему прошило голову сразу несколько болтов в коридоре, ведущем к лифтовым шахтам...

Глава 28: *По другую сторону баррикады*

Начиная со второй половины дня, в громадном зале для совещаний главной цитадели Ордена происходил Совет Восьми, на котором пришлось рассматривать весьма животрепещущие вопросы. Участились случаи не контролированного Обращения среди членов Ордена Восьми Старейшин. Простой люд принял всё чаще роптать о нелюбви к магам. Да что там нелюбви – безудержной ненависти и злости! В открытую об этом пока заявляют лишь единицы, которые потом становятся жертвами «случайного Обращения». Остальной люд всё ещё удаётся держать в эффективной узде страха. В неконтролируемости животной сути магов (в основном молодых, не успевших найти твёрдую грань между собой и магическим даром) нет ничего странного. Раз в тринадцать лет и четыре дня луна подходит по своей сложнейшей орбите к самой близкой точке от планеты и находится там сорок часов тринадцать минут. За это время случаи неудачных попыток контролировать магию увеличиваются с пугающей тенденцией. Ну, про нападение на людей дикими и домашними животными – говорить даже не стоит. Об этом в каждой утренней газете прочесть можно. Да и сами люди

плебейской (то есть, не имеющей магического дара) крови нападают друг на друга чаще, чем обычно. И многие нападения – пусть то Обращённого мага, пусть то зверя, пусть то фарка, брина, человека, йорка, ифра или жупата – заканчиваются крайне неблагоприятно...

Сейчас луна как раз находится в таком состоянии и пробудет в нём до обеда следующего дня.

Но главным на повестке дня был, конечно же, не факт излишнего Обращения (которому было уделено не больше пятнадцати минут). Главный вопрос – целесообразность ведения военных действий с королевством Восточный Феникс. Ситуация сложилась более чем критическая и выходом из неё как раз и решили всерьёз заняться все Восемь. Больше на самотёк ничего пускать нельзя ни в коем случае.

По различным разведанным самый животрепещущий вопрос был освещён с двух противоположных сторон. Одни шпионы утверждали, что учёные Промышленной Картели создали и даже успели испытать на секретном подземном полигоне Магониевую Бомбу! И сильные тектонические толчки полугодовалой давности были далеко не природного происхождения... Другая же группа агентов, в противовес первой, утверждала, что Восточный Феникс ещё не обладает столь грозным, способным за раз сметать с карты крупные города оружием. Но работы по его созданию всё равно ведутся и рано или поздно они увенчаются успехом. Невозможно сказать какая информация была правдивой, а какая – лишь заброшенной неприятелем уткой. До боли в сердце хотелось верить во второй вариант событий. Бросало в ледяной пот от одной только мысли, что главный конкурент на рынке поставок магония уже полгода как обладает столь чудовищным оружием!

Совет продлился до глубокой ночи. Завязался горячий спор, между двумя группами Одних из Восьми. Виконт Карманаран Пиркон Горколиус Восемнадцатый Великолепный и его сторонники утверждали, что ждать – смертельно опасно; и следует начинать решительные действия. Мобилизовать армию и пойти на Восточный Феникс войной. Пойти и надеяться, что Промышленная Картель потерпела неудачу в создании Магониевой Бомбы. А надежды на это высоки – ведь лучшие учёные мужи Ордена Восьми Старейшин десятки лет бились над этой задачей и не продвинулись дальше «грязной магониевой бомбы» – взрывной смеси, лишь в пять раз превышающей по мощности пластид. Добиться критического распада ядер магония так и не удалось. На практике подтвердить «теорию магониевого распада» гениального физика Альфреда Айзенштэйна Семнадцатого не удалось. А если эта задача не по плечу великим учёным Ордена, следовательно, она не по плечу каким-либо другим учёным...

По отчётом маго-аналитиков в результате войны две трети вероятности того, что победителем выйдет государство Чикрог. Да, экономический урон обе стороны потерпят колossalный... но победитель получит в своё распоряжение весь рынок магония. Игра стоит свеч...

В противовес Горколиусу выступил граф Марконий Трипар Виктор и его единомышленники. Они крайне резко отнеслись к перспективе разворачивания по инициативе Чикрога военных действий. Если есть хоть малейший шанс избежать войны – его следует использовать на полную катушку. Первым делом, следует пересмотреть жёсткие позиции Ордена в вопросах сбыта магония и, может быть, даже уступить Восточному Фениксу несколько «стратегически несущественных» точек...

Конечно же, сторонники Горколиуса здесь забрызгали слюной: об ослаблении хватки не может быть и речи! Если сегодня ослабить, то завтра от тебя со стопроцентной вероятностью потребуют (причём в ультимативной форме) ослабить её ещё. И когда ты захиреешь до состояния, в котором перестанешь представлять собой угрозу – тебя попросту отодвинут от дел, раздавят, как назойливого клопа!

Сторонники Маркония, в свою очередь, отвергали эти опасения. Уступить «стратегически несущественные» территории влияния – не означает ослабить хватку на всём остальном рынке магония. На экономике Чикрога это практически не отразится, зато послужит отличным шагом на пути к миру с Восточным Фениксом. Не стоит забывать, что Промышленная Картель давно точит клыки на Орден Восьми Старейшин за несколько серьёзных кулаарных манипуляций, в результате которых Демократическое Государство Римбарам и Тоталитарное Государство Никорагуас расторгли контракты с Восточным Фениксом и подписали их с Чикрограм... Первый мирный шаг со стороны Чикрога мог бы значительно сгладить сложившуюся ситуацию. Нет, ДГР и ТГН никто Фениксу отдавать не станет. Но, почему бы и не отдать им обладающие плохой платежеспособностью: государство Вийтар и королевство Серебряной Стрелы? В этом случае Чикрог лишней головной боли лишится и к миру предпосылки создаст.

Выслушав эти доводы, Горколиус от лица своих сторонников высказал крайний протест. Пусть Вийтар и Серебряная Стрела обладают слабой платежеспособностью, но хоть что-то, да и платят. Тут, между прочим, не следует забывать: чем больше долгов у государства, тем в большей оно власти государства, загнавшего его в эти долги. В конечном итоге, всё сведётся к банальной аннексии. А новые земли для Чикрога никогда лишними не окажутся. Отдавать такой лакомый кусочек территориального пирога неприятелю? Это безрассудство, отдающее скудоумием...

Скудоумием, по мнению графа Маркония, является как раз разворачивание военных действий против самого грозного противника из всех возможных. Не факт, что исход войны сложится благоприятно для Чикрога. Что будет в результате поражения? Не нужно десятилетиями штудировать военные и экономические труды в Центральной Библиотеке имени Залиуса Аркарона, чтобы понять: Орден Восьми Старейшин будет уничтожен, как потенциально опасный для нового установленного порядка вещей. А порядок прост: **ПРОМЫШЛЕННАЯ КАРТЕЛЬ ВЛАДЕЕТ ВСЕМ МИРОВЫМ РЫНКОМ МАГОНИЯ!!!**

Приверженцы Горколиуса обвинили приверженцев Маркония в трусости и слабоволии. Их предложения вредоносны для Чикрога, а что самое ужасное, опасны для Ордена! За такой образ мышления не помешало бы лишить их права быть Одними из Восьми...

Приверженцы графа Маркония, в свою очередь, обвинили последователей виконта Горколиуса в грехах не менее ужасных. По их разумению, людям, готовым повергнуть страну в беспросветную войну, самое место в психиатрической лечебнице, а то и в подземелье какой-нибудь запрещённой «Международными соглашениями о гуманности» тюрьмы Тоталитарного Государства Никорагуас, славящейся «особыми» методами обращения с заключёнными...

И понеслось. Взаимные оскорблении, унижения, подколы и шпильки. Собрание сильных мира сего медленно перетекло в нечто среднее простой базарной разборке, в которой суть спора уже давно уступила место соревнованию в остроте языка. Разве что

до рукоприкладства не доходило. Ну, если не считать рукоприкладством действия барона Айгарго, не выдержавшего колкости в адрес своей стодвадцатилетней бабушки и запустившего за пазуху обидчика, пэра Гизматуса Шипко Задлиггиса, полдюжины крошечных, но очень любознательных мышей... Пэр Гизматус не замешкался и вызвал противозаклинание, растворившее магических грызунов в воздухе, что и хвостиков от них даже не осталось. Но ответную пакость пэр делать не стал. Видимо, согласился со своей неправотой: не следует так грубо про стодвадцатилетних бабушек...

Сие безобразие продолжалось бы вечно, не прими виконт Горколиус серьёзные меры. Оглушив спорщиков громким басом, он приказал всем умолкнуть. Для подтверждения серьёзности намерений, он выпустил из руки молнию, поразившую один из настенных люминесцентных светильников: вспышка, хлопок, звон стекла. Дым поднялся к высокому потолку зала для совещаний, повсюду разнеслась вонь гари.

Все умолкли, выпучив глаза на Горколиуса. В бардовой мантии с вышитым на груди золотым гербом Ордена и чёрным официальным цилиндрической формы с тройными полями головным убором, скрывающим пунцовую бугристую лысину, виконт выглядел величественно и напыщенно одновременно. На обоих щупальцах у него сверкали на свету газоразрядных ламп золотые обручи, инкрустированные рубинами и изумрудами.

Речь Горколиуса была коротка. Он призвал всех достопочтенных магов, величайших представителей своего рода, прекратить «ушедшую не в те дебри» дискуссию и поставить во всём этом нелёгком диалоге жирную точку. Ставится она очень просто: открытым голосованием. Есть два пути дальнейшей политики государства: правильная, предложенная им, Горколиусом, и не совсем правильная, предложенная Марконием. Следует учитывать, что от результатов голосования будет зависеть сам факт существования Ордена Восьми Старейшин. Это будет историческое решение, так как ещё никогда такая ответственность не ложилась на плечи ни одной из Восьмёрки предшественников!

Спорить никто не стал. Каждый по очереди начал озвучивать свой выбор. Кто с объяснениями, а кто предпочёл не утруждать себя лишними словами. В принципе, на Совете было сказано предостаточно...

По идее, результатом голосования должна была стать ничья, поскольку как у Горколиуса, так и у Маркония насчитывалось одинаковое количество приверженцев. Но произошёл весьма неожиданный поворот. Последним своё волеизъявление должен был огласить барон Айгарго. За разворачивание военной кампании против Восточного Феникса было отдано четыре голоса, за попытку урегулировать вопрос мирным путём – три. Айгарго первоначально поддерживал Маркония и результат его голосования, как казалось остальным, не вызывал сомнений. Но... Стаяясь не глядеть в глаза своим идейным товарищам, барон отдал голос за ведение военной компании. Мотивировал он это просто: всей душой он желает мирного решения конфликта, но разум ему говорит иначе. Восточный Феникс расценит уступки как слабость Чикрога и перестанет с ним считаться. Военные действия неизбежны в любом случае. Так зачем давать неприятелю больше шансов на победу? Лучшая защита, как говорится, это нападение...

Решено. В ближайшее время начнётся война. И начнёт её Орден Восьми Старейшин, руками граждан государства Чикрог.

На этом Совет Восьми был завершён. Его участники покинули зал для совещаний и направились в покой.

Уставший, но довольный, Горколиус в гордом одиночестве направлялся в свои чертоги. Он добился своего. Да, мрачная перспектива кровопролитной войны не добавляла радости. Но есть вещи в этой жизни, которым суждено случиться...

На этой мысли раздался обрёчённый вой сирены.

НА МИСТОР СОВЕРШЕНО НАПАДЕНИЕ!!!

Кто посмел? Промышленная Картель, только она!

Загремели взрывы. Черпающие силу из магониевых батарей, зажужжали лазерные и плазменные установки. Захлопали выстрелы болтострелов и огнестрельного оружия. Всё чаще, всё громче, всё зловещей...

Усталость вмиг разогнал выплеснувшийся в жилы адреналин. Горколиус побежал к ближайшему смотровому окну. Схватил бинокулярные подзорные трубы и ужаснулся.

Цитадель брали штурмом. Существа, которых раньше виконту краем глаза доводилось видеть в музее «Дикой природы». «Неужели они не простые звери, а раса, способная к осознанному мышлению?» – Горколиус ужаснулся тупости своей мысли. Эти чёрные твари сейчас прорвутся в главную цитадель Ордена, их осадные орудия вовсю бьют по стенам, а он тут об их умственных способностях размышляет...

Никаких больше размышлений! Всем магам, что только есть в этом городе: В БОЙ!

Всё шло по заранее подготовленному плану на случай внезапного нападения на Мистор. План составлялся на случай нападения войсками Восточного Феникса, но вполне годился и для данной ситуации. В точке сбора уже стояли маги всех рас и социальных положений: от простых adeptов до почтенных Одних из Восьми. Кто был одет в боевую мантию и держал в руке оружие, кто был в простой повседневной одежде с оружием или без, а на ком и вообще красовалась спальня пижама...

Прислуга подносила со складов оружие: жезлы, болтострелы, мечи, пики, булавы, боевые посохи, цепы, ружья и тому подобную радость. Маги быстро довооружились и разбились на отряды по тринадцать человек. В соответствии с планом о нападении, у большинства отрядов имелись чёткие позиции для обороны. Остальные – «мобильные» отряды, без конкретной точки для защиты. Их целью было как можно быстрее приближаться к основным очагам сражения и оказывать помощь войскам.

Горколиус стал во главе одной из мобильных групп. Каждого члена отряда он отбирал лично ещё во время разработки оборонных планов, так что в надёжности и боевой способности своих людей он ни на миг не сомневался. Да и сам виконт, по большому счёту, был одним из лучших боевых магов Ордена...

Застыгнутые врасплох, маги начали постепенно приходить в себя. Упавший ниже нулевой отметки, боевой дух начал расти. Что им, магам, хладнокровные коротышки? Даже если эти уродцы смогут прорваться в цитадель – это будет последнее, что они успеют сделать!

Да, хорошо так думать, хорошо тешить себя иллюзиями, хорошо недооценивать врага, забрасывая его шапками насмешливых эпитетов...

Хорошо, пока ты не встретишься с ним в смертельной схватке...

Неприятель пёр напролом. На место одного убитого приходило трое новых...

– Вали кобковых детей! – рявкнул Горколиус.

Здоровяк фарк высунулся из укрытия и надавил на гашетку. Из трубы вырвалась струя магония, зажжёного внутритрубными свечами. Магониевый огонь по

температуре и разрушительной моци сильнее зелёной плазмы, которая создаётся так же из магония, но не термальным, а электрохимическим путём. Зато сгустки плазмы дольше не рассеиваются и способны поражать врагов на дальних расстояниях. Но для ведения боя в помещении – лучше ручного магониевого огнемёта не найти. Единственный минус – большие габариты баллонов за спиной, затрудняющие движение.

Струя чудовищного магониевого огня лизнула с десяток-другой подзмей, оставив от когда-то живых солдат горящие молчаливые факелы, обречённо мечущиеся в разные стороны, размахивающие конечностями, падающие на пол и валяющиеся по нему, в тщетной попытке загасить пламя. Не секрет, что магониевый огонь практически невозможно потушить...

В ответ понёсся град свинцовых шаров из пружинострелов. Пули сгорали в защитной магической стене, вызываемой товарищами фарка. Сам он не отвлекался на кастование заклинаний, был полностью сосредоточен на нанесении наибольшего урона живой силе неприятеля. Но ни одна магия не способна справиться с таким напором механической силы. Оболочка защитной стены треснула и здоровяк фарк, поймав грудью и шеей с дюжину пуль, повалился на пол. Большинство пуль прошло его тело насеквоздь. Но самое досадное в этой ситуации – палец здоровьяка мёртвой хваткой обвил гашетку и не подумал разжиматься. Падая, огнемётчик обдал пламенем пятерых товарищей по отряду.

В отличие от героически молчаливых воинов подзмей, обхваченные магониевым огнём маги вопили во всё горло. Истошные крики обречённых на мучительную смерть...

«Минус шесть» – с досадой подумал Горколиус.

Два мага ринулись выдирануть из мёртвых рук товарища плюющую огнём трубу магониевого огнемёта. С этим они справились весьма удачно.

Игшир, самый молодой в мобильном отряде, не выдержал. Его захлестнули безудержные волны страха, ненависти и злости. Его тело завибрировало, покрылось волдырями, которые неизвестно раздувались, лопались, извергая липкую зелёную жижу. С Игширом случилось Обращение. На месте, где сидел в укрытии моложавый брин, появилось уродливое существо, чем-то напоминающее жабу, если её увеличить до размеров зубра, удлинить конечности, добавить торчащую из живота когтистую лапу, а голову расплющить и дать в ней пристанище четырём уродливым ртам с покрытыми фиолетовой слизью акульими зубами...

Существо издало чудовищный рёв и в один прыжок настигло вражеского пехотинца. То, что оно с ним сделало... в общем, это не умещается ни в одни рамки здравого смысла...

Прежде чем подзмеи умертвили чудовище пулями, копьями и мечами, оно забрало с собой на тот свет с две дюжины вражеских солдат.

«Неравноценный обмен» – мысленно вздохнул Горколиус, а вслух прорычал:

– Отступаем!

Маги и простые охранники бились отчаянно. До последнего держали каждый сантиметр здания. И... гибли... Не знающие жалости, не знающие страха, не знающие конца подзмеи расползались по коридорам и этажам главной цитадели Ордена Восьми Старейшин, уничтожая всех на своём пути, словно эпидемия чумы.

По всему Мистору дела обстояли не лучше. Полчища страшных, низкорослых солдат убивали любых жителей, включая женщин и детей, палили дома, крушили стены, рвали электрические провода, взрывали телеграфные столбы. С каждой секундой шансы на спасение столицы государства Чикрог таяли, как дрейфующий айсберг, попавший в струю горячего течения.

Месть Саборкана была ужасной, жестокой, безжалостной.
Хладнокровной, как и сами подзмеи.

Вокруг торжествовала смерть.

Горколиус отступал. Нет, он спасался бегством. Все в его отряде нашли мучительную смерть в бою. И не только в его отряде... Цитадель кишила подзмеями, добивающими крошечные остатки уцелевших.

Битва проиграна.

Подзмеи завладели цитаделью.

Подзмеи завладели Мистором...

Горколиус бежал в свои чертоги. На открытой посадочной площадке (именно на ней в своё время состоялся разговор Горколиуса с Мором), примыкающей к кабинету, стоял паровой флаер. Ну, по крайней мере, он там был, когда виконт последний раз его проверял. Что же до сейчас... Что ж, за эту последнюю соломинку лучше ухватиться, нежели быть до смерти затыканым электрическими палками кровожадных чернокожих чешуйчатых коротышек.

Радовало лишь то, что встречающихся по дороге подзмей Горколиус отправлял к праотцам с особой жестокостью. То кипятил им кровь, то превращал в кучу зловонной жижи, а то и вообще – выворачивал наизнанку... Но на этом радость и заканчивалась. Каким бы не был Горколиус великим боевым магом, а на всю вражескую армию его не хватит. Магические силы были уже на исходе. При самом благоприятном стечении обстоятельств, виконт не сможет выдержать больше получаса боя.

Вот и заветная дверь в кабинет. Дверь выбита, чему не следует удивляться. Настороженный, Горколиус шагнул внутрь. Он ожидал нападения, но ничего подобного не последовало. Ночная магическая лампа тускло освещала кабинет. Следы борьбы: перевёрнутый стол ученика, разбросанные бумаги и перья, пропаленный ковёр, полдюжины изувеченных трупов подзмей... Опытым глазом Горколиус тут же отметил, что тела были изуродованы необычным (если это слово уместно в этом случае) способом, словно их выкрутили, как мокре бельё. Да, это мог сделать только маг...

Безрезультатно борясь со страхом того, что его опередил кто-то из коллег, Горколиус помчался на посадочную площадку.

Помчался, чтобы удостоверится, что да, его действительно опередил более расторопный коллега по магическому ремеслу. Но кто это был! Кто это был, мать вашу! Ученица Сика, единственного архимага в Ордене, даже после смерти наводящего на Горколиуса необъяснимый страх.

ЭТО БЫЛА МИРРИЛ!!!

В открытую кабину уже успел влезть какой-то мужчина, не внушающей доверия внешности. Миррил как раз опустила ногу на бортик, чтобы последовать за ним.

– Стой, кобка драная, куда ты собралась? – выдавил из себя опешивший Горколиус.

Словно пойманый за поеданием запретного варенья ребёнок, Миррил резко повернула голову на голос. Глаза её сверкнули ненавистью, страхом, злом, испугом,

превосходством, желчью, торжеством, подавленностью, растерянностью, отрешённостью, собранностью – да чем они только не сверкнули.

Тело Миррил взбугрилось, разорвав одежду. Дрожь прошлась по трансформирующейся плоти. Красивое тело уродовалось, грудь вздулась, соски удлинились, превратившись в покрытые слизью щупальца. Подобные щупальца отвратительными пучками рвались из пупка, влагалища, исполненного воплем боли рта. Из ушей и глазниц белёсыми змейками выползли щупальца поменьше. Тело скрючилось, приняв S-образную форму. Руки и ноги гнулись в тех местах, в которых должны были трескаться кости. Но характерного треска не слышалось. Зато слышалось тяжёлое, ледяное дыхание возникшего на месте Миррил чудовища.

Вито, сидящий в кабине паравого флаера, так и застыл от страха.

Миррил Обратилась.

Но прежде чем чудовище Миррил полностью пришло в себя и напало на заклятого врага, случилось совсем неожиданное. Горколиус никогда не переоценивал свои силы. Справиться с Обращённым при помощи тех скучных магических сил, что в нём остались – было задачей невыполнимой. Зато выполнимо самому Обратиться...

Выжав из каждой клеточки крохотного материального, но невероятно громадного нематериального тела все возможные силы, виконт Карманаран Пиркон Горколиус Восемнадцатый Великолепный начал Обращение.

Его маленькое йоркское тело вздулось, словно воздушный шар. Нет, не воздушный шар, скорее как рыба-ёж, поскольку из тела выросли чудовищного размера иглы, смазанные чёрной маслянистой жидкостью. Что-то подсказывало Вито, дрожащему от страха, словно мокрый котёнок, что эта чёрная жидкость – невероятной силы яд. Тем временем из вздувшегося тела возникали пятисуставчатые отростки с громадными крюкоподобными когтями на концах. В верхней части вздувшейся массы начала трескаться кожа, и из образовавшихся дыр попёрли змеевидные конечности, с почкообразными отростками в конце. Отростки раскрывались, словно экзотические бутоны. Только вместо цветка, они давали жизнь уродливой вытянутой голове со слюнявой пастью и светящимся кровью глазом.

Вито не потерял сознания от вида этого запредельно ужасающего чудовища лишь потому, что безудержный страх уже никогда не очнется удержал от этого.

Горколиус совершил Обращение. Чудовище, вырвавшееся из его магических недр, было раз в пять больше чудовища, вырвавшегося из Миррил. Но дело не только в размере. Оно буквально светилось неудержанной мощью и ископаемой злобой. Должно быть, такими были древние существа, населявшие планету до Великого Вулканического Взрыва, чьи окаменелые остатки времена от времени находят экспедиции отчаянных археологов.

Но чудовище Миррил не стало мешкать. Издав оглушающий боевой клич, оно помчалось на врага.

Здесь Вито лишился на время здравого рассудка. Зато Барон, живший в его голове и явно не склонный к этой распространённой для впечатлительных людей напасти, продолжил наблюдать за происходящим.

Это был танец самой Смерти. Два кровожадных, не знающих страха и жалости монстра схлестнулись в фатальной битве. Их удары и укусы могли раздавить, переломить, разодрать на мелкие кусочки любого. Но друг другу они наносили лишь незначительный урон. Чудовище Миррил было быстрее и проворнее своего противника,

но в силе значительно уступало ему. Свирапости в каждом из монстров – несусветное множество. Казалось, эту свирапость можно было увидеть, пощупать, попробовать её гнилостный, смертоносный вкус. Воздух застыл от страха, наэлектризовался, сделался плотным и тягучим. Даже природа боялась сражавшихся монстров...

Одна из пастей чудовища Горколиуса впилась длинными, как кинжалы, зубами в бок врага. Чудовище Миррил издало безудержный вопль, от которого лопнули газоразрядные лампы на стенах. Посадочная площадка погрузилась в полуумрак, едва разбавляемый слабым светом вечерней магической лампы, расширяющимся четырёхугольником ложащимся на середину площадки.

Тут скорлупа твёрдого характера Барона Отрицательного дала трещину... Он зажмурил глаза и принял молиться Святым Уродцам. Молитва выходила невнятным мычанием – мешал большой палец, который Барон запихнул себе в рот, словно младенец.

Сквозь темень замкнутых век доносились душераздирающие вопли чудовищ, возня, глухой стук ударов и громкий топот.

Сердце Барона билось сильнее, чем бьётся в руках пойманная ночная бабочка. Он буквально влип в сиденье парового флаера. Всё тело взмокло от ледяного пота. Каждый вопль боли чудовища Миррил отдавался в нём порывами невыносимого ужаса. Если только представить, что Миррил падёт... Что тогда это громадное многоголовое существо сделает с крохотным и беззащитным Вито?..

Барон открыл глаза и ужаснулся.

Его страхи оправдались...

Чудовище Горколиус выглядело потрепанным. Часть его голов отсутствовала, на их месте мёртвыми отростками свисали обрывки змеевидных шей. Несколько пятисуставчатых лап перебиты. Некоторые шипы на округлом теле были надломлены, а то и вовсе оторваны. В коже виднелись многочисленные надрывы, выпячивающие чёрную, как нефтяное пятно, плоть. Но эти повреждения не помешали чудовищу удачным взмахом лапы повалить чудовище Миррил на пол.

Самое ужасное, что удар пришёлся по чудовищу, но, описав в воздухе дугу, на пол рухнула уже Миррил. Обычная Миррил. Стойная девушка; сейчас даже беззащитней, чем когда Вито вытащил её из канализационного люка. Она была без сознания.

Барон зажмурился вновь. Он не хотел видеть того, что чудовище Горколиус сейчас сделает с красавицей, в которую с первого взгляда влюбился Вито. А Барон влюбился чуть позже...

Шум боя, как в самой цитадели, так и за её пределами постепенно угасал. Какое-то время Барон его даже не слышал. Поэтому-то он невероятно удивился, когда услышал глухое хлопанье пружинострелов и боевой клич:

– УЙ-ЯХ-ХХА! ЙА-ХХА-РРА! АЙ-ЛА-ЛИ!

Вито раскрыл глаза и огонёк надежды вновь разгорелся в его сердце. Голая, но нетронутая монстром Миррил без сознания лежала на полу. Ну, Вито хотелось верить, что она без сознания, а не мертва...

Из двери, ведущей в кабинет, высypали подзмеи. Барон уже успел познакомиться с этим видом, когда Миррил при помощи магии делала с ними кое-что нехорошее... Будь Вито в здравом уме, то должен был бы впасть в ещё большую панику. Ведь подзмеи – виновники всей этой кровавой сечи в городе. Но почему же он тогда ликовал? Может

быть, всё дело в высоком худом мужчине, выкрикивающем странный, но почему-то пугающий боевой клич?

Солдаты Саборканы обступили чудовище Горколиуса и принялись его расстреливать из пружинострелов. Попадая в здоровую кожу, пули отскакивали рикошетом, либо превращались в свинцовые блины. Но каждый раз, как пули попадали в раны на его теле, полученные в бою с Миррил, монстр ревел от боли. Но эта боль лишь драконила его, и он бросался на подзмей, раздирая их передними конечностями, откусывая головы и руки уцелевшими после прошлой битвы пастями.

Одноухий человек вертелся возле чудовища Горколиуса и наносил удары мечом по лапам и головам. С нечеловеческой ловкостью, свойственной, разве что кошачьим, высокий мужчина уходил от свирепых ударов и выпадов монстра. Но как бы не был искусен Одноухий с мечом, его старания не приносили результатов. В очередной раз удачно отпрыгнув от смертоносной лапы, мужчина скрылся в двери, ведущей в кабинет.

Вито испытал ужас, который до этого ещё никогда не испытывал. Он до боли сжал кожу спинки кресла и один из рычагов управления. Казалось бы, куда уже страшней? Так нет. Подзмеи не издавали и звука. К тому же, чудовище Горколиус перестало издавать вопли. Оно тихо и методично убивало врагов, которых было в достатке. Подзмеи, в свою очередь, обстреливали его из пружинострелов, выстрелы которых сопровождались негромкими глухими хлопками, били мечами и цепями, тыкали копьями и палками, сверкающими электрическими змейками. И всё это происходило в полумраке. Время от времени мелькало в четырёхугольнике света, идущем из распахнутой двери кабинета.

Шум смертельной возни и молчание...

Барон наконец-то понял, что значит выражение «тихий ужас», которое так часто швырял в свои стихотворения, даже не подозревая, какая в нём таится чудовищная сила.

Вернулся худой человек. На спине его было что-то похожее на два газовых баллона, в руках он держал какую-то трубку, шлангом присоединённую к ёмкостям за спиной.

— Разойдись! — рявкнул мужчина и направил трубку на монстра. Подзмеи, тыкающие чудовище копьями и электропалками разбежались в стороны. Горколиус помчался на высокого мужчину, издавая истощенный вопль, от которого, возможно, слабонервный человек отдал бы богам душу.

Но для Горколиуса всё уже было решено. Дирок надавил на гашетку. Струя магониевого огня брызнула в громадное тело монстра. Вмиг занявшееся пламенем, чудовище пронзительно завопило. Так, что из ушей Барона потекла кровь. И в этом вопле читалась одна безнадёжность.

Обезумевший от боли монстр помчался к краю посадочной площадки и...

сбросился вниз...

С высоты сотого этажа...

Победители столпились у края площадки, чтобы насладиться видом громадного огненного шара, бьющегося о стены пирамидального небоскрёба, коим являлась главная цитадель Ордена Восьми Старейшин. Это было воистину завораживающее, но и пугающее зрелище. Вместе с последним Одним из Восьми, падала последняя надежда Ордена на существование. Падала власть над Чикрогом. Падал прошлый устой жизни государства в целом и каждого его гражданина в частности. И наивно надеяться, что новый устой будет чем-то лучше...

А тем временем Вито Шипнар выбрался из укрытия во флаере и подбежал к Миррил. Пошупал пульс: есть, но очень слабый. Поднял девушку на руки, хоть всё тело и ослабло от испытанного им страха, а волосы – так вообще покрылись проседью. Но всё же, он нашёл в себе силы понести её к флаеру.

Если бы не Дирок, то подзмеи убили бы Вито, а вместе с ним и Миррил. Но наёмник вовремя успел их остановить. Насчёт убийства какого-то незнакомца, несущего Миррил, его малышку, красавицу Миррил, Дирок не возражал. Но пули могли бы задеть девушку. А поскольку незнакомец не проявлял агрессии к ней, то наёмник решил сперва во всём разобраться, а потом уже решать – жить этому странному мужчине с аметистовым взглядом или нет.

Дирок позвал Вито, но тот не обернулся. Это разозлило Одноухого, он подбежал к нему и похлопал по плечу. Вито дрогнул, но Миррил не уронил. Обернулся. Дирок понял, почему незнакомец не услышал его. Они стояли на свету, падающем из двери кабинета, поэтому Дирок с лёгкостью разглядел струйки начинающей запекаться крови, берущие начало из ушей странного, невысокого мужчины. А ещё Дирок понял, что Миррил жива. Она дышала, хоть и очень слабо.

– Мы с Миррил хотели улететь отсюда на этом флаере, – громко сказал Вито, так как не мог расслышать своих слов. – Но я не умею им управлять… Нас убьют твои друзья, да?

Дирок отрицательно покачал головой. Затем он жестом показал Вито направиться к паровому флаеру и, насколько хватило воображения, жестами приказал ждать там.

Вито утвердительно кивнул и направился к флаеру.

Дирок вернулся к подзмеям. То, чего он боялся, не случилось. Сыны Саборканы с лёгкостью согласились отпустить Дирока вместе с двумя людьми. Битва закончена. Мистор взят и от наёмника больше не требуется никаких услуг. А раз он сам просит об услуге сохранить жизнь существам, которые ему дороги… Что ж… Услуга за услугу. Дирок мужественно сражался и заслужил это право.

Не искушая больше судьбу, Одноухий направился к флаеру. Сел в кабину. Вито с Миррил находились в пассажирском отсеке. Наёмник ужаснулся от мысли, что Миррил бы была сейчас мертва, не будь на Дироке бронекостюма из Республики Теней. Та пуля, пущенная в спину Каргом, наверняка бы убила его…

Дирок не был асом полётов. Предпочитал твёрдую дорогу воздуху. Но, как и каждый высококвалифицированный наёмник, умел пользоваться любым транспортом. Немного помешкав какой рычаг управления дёргать первым, Дирок всё же принял верное решение. Зажужжал магониевый двигатель. В памяти тут же всплыл весь немногочисленный опыт управления флаерами. Ещё несколько выжатых до упора рычагов, и дюзы летательного средства выпустили мощные струи пара.

Флаер медленно поднялся вверх а потом вбок. Набрав высоту, Дирок помчал воздушную машину прочь от Мистора.

Вито выглянул в окно. По всей территории отдаляющейся Столицы разгорались пожары. Даже громадный пирамидальный небоскрёб цитадели Ордена, непоколебимым наконечником стрелы торчащий из центра города, начал заниматься сотнями языков пламени. Вначале небольших, но стремительно разраставшихся, плавящих метал. Такой разрушительный огонь может возникнуть лишь при сжигании магония. Очевидно, подзмеи добрались до стратегических запасов магония и разбрзгали его повсюду. Подожгли.

Сердце Столицы Чикрога разгоралось прощальным пламенем.

Подзмеи жгли Мистор дотла. В назидание другим представителям наземных рас. Чтобы никто и никогда больше не захотел строить города, отравляющие жизнь Саборкану...

Часть 3. Метаморфозы

Глава 29: *По следам*

Мор чувствовал себя хорошо. Действительно хорошо. Такое с ним бывало лишь в очень редких случаях. Когда где-нибудь поблизости проливалось много крови. Очень много...

Он парил высоко в небесах, седлая северный ветер углепластиковыми крыльями. Одежда экзекутора покрылась тонкой коркой льда, лицо замёрзло, ресницы белели от инея. Он еле дышал, извергая изо рта тут же рассеивающийся в стремительном встречном воздухе пар. Мороз обжигал пальцы, то и дело примерзающие к металлическим ручкам управления магониевыми соплами. Жгучая боль доставляла удовольствие Мору, и он невольно задумался о жизни. Вернее о предстоящей жизни. Полню денег, уже заплаченных Горколиусом за голову Миррил. Но самое главное – в кармане лежит жетон на пожизненный запас магония. То есть, на остаток своих дней... хотя нет, не так долго, но на лет сто-двести беззаботности хватит. Может поменяться власть в Чикроге, которая аннулирует все прошлые договоренности, может попросту жетон потерянется, может взять и рассыпаться от времени, да всё что угодно способно произойти. В мире людей нет ничего постоянного из-за их ничтожной суэтливой натуры. Они бегают, мельтешат, паникуют, пыхтят, пердят, пищат, грызут друг друга, словно стая напуганных крыс в заброшенном амбаре, полагая свою жизнь «удачной» и «счастливой». Ничтожные мелочные твари. Как же Мор ненавидел их! Он давил этих козявок не за деньги... Жетон экзекутора помогал ему лишний раз избегать вопросов и трений с их не менее ничтожными властями. Но с недавнего времени Мор перестал получать большое удовольствие от убийств. Слишком много их произошло за короткий срок в шкуре при жизни Проклятого. В этом было стыдно признаваться самому себе, но Мор действительно начинал холодеть к убийствам. Он попросту пресытился ими, как группа молодых тигров пресыщается кровью, убив сверх необходимости с десяток-другой козлов во время очень удачной охоты. Сейчас Мору было гораздо приятнее лететь в вышине, над всей этой суэтой жалких, ненавистных им существ, считавших себя мыслящими расам, но на самом деле – тупых, недальновидных и ограниченных животных. Не способных вырваться из созданных самими же себе клеток лишений и запретов. Тишина и спокойствие, единение с собой, отшельничество. Мор с радостью обоснуется где-нибудь в пещере, высоко-высоко, там, где нет никого. Да, это было бы прекрасно... Но вначале надо отработать те средства, которые помогут вести одинокую, аскетическую жизнь, полную столь радостной боли и невероятно приятного для слуха молчания...

Миррил! Эта в дрот выфарленная макропещатня! Это она блакским валуном легла на пути счастья Мора! Сколько уже можно ей жить? Пора в этом деле ставить жирную точку. Жирную, кровавую точку...

Мор пролетел Мистор, в котором кипела чудовищная бойня. Чёрные чешуйчатые существа атаковали Столицу. Ох, не будь экзекутор так занят, он бы здорово порезвился... Но нельзя. Никакого веселья, пока он не выполнит контракт с Горколиусом.

Целью полёта Мора было ущелье в скалах, расположенных на юго-востоке от Мистора. Он летел в то место, где образовалась громадная брешь в сознании Дирока, и захороненные трупы воспоминаний попёрли наружу...

Мору не составило труда отыскать отверстие, ведущее вглубь подземных пещер, предусмотрительно кем-то прикрытое широким камнем, слившимся с пейзажем скалы. Камень без особых усилий был повален на землю, и экзекутор оказался внутри крутой пещеры. Громоздкий ранец с углепластиковыми крыльями пришлось оставить между навалом камней и сталагмитовыми образованиями, поскольку с ним за спиной невозможно пролезть между сузившимися стенами тоннеля. Ничего, Мор подхватит его на обратном пути.

Каждый Проклятый (при жизни ли, или уже после смерти) прекрасно видит в темноте, поэтому Мор вполне обходился без услуг люминесцирующих грибов, но не отказывался от их помощи, если таковая предоставлялась. Перебираясь из туннеля в туннель, Мор приближался к цели.

За спиной крался чёрный чешуйчатый коротышка, точно такой же, как и те, что напали на Мистор. Мор продолжал движение, делая вид, что не замечает преследователя. В ни чем не подсвеченном месте, коротышка бесшумно (так ему казалось) подполз к незваному гостю по каменному уступу в стене и замахнулся резиновой дубинкой. Но не успела дубинка обрушиться на затылок, как Мор сшиб с ног незадачливого часового хлестким и невероятно сильным взмахом руки. По характерному хрусту Мор с удовлетворением отметил, что у нападавшего сломано минимум с десяток костей.

Подзмей лежал на земле. Его грудная клетка была неестественно искажена, а левая змееподобная рука повисла, как плеть. Ни одного лишнего звука не издавал его мелкозубый рот. Лишь злобное, исполненное ненависти и гнева шипение...

Мор подошёл к нему вплотную, поймал руку с дубинкой (даже искалеченным, чешуйчатый коротышка не выпускал из рук оружие, пытаясь нанести урон врагу), придушил конечность и выхватил дубинку. Впихнул её боком в пасть коротышке, сделав таким образом своеобразный кляп. Подзмей пытался высвободиться, но экзекутор прижал его голову к камню. Из уголков рта, разорванных давящим «кляпом», засочилась багряная кровь. Свободной рукой Мор прикоснулся к голове пленника и попытался прощупать его душу. Странно, несмотря на явную принадлежность к виду мыслящих существ, у подзмей не было души. Или, вернее, то, что было у него вместо неё – не поддавалось какой-либо характеристике. Много душ Мор перещупал своей астральной проекцией в Мире Вечных Грёз. Много метафизических структур повидал. Но с подобной столкнулся впервые. Ничего похожего на те разновидности душ, отмечающие свои деяния на Камне Вечности. Словно после смерти они направлялись не к Святым Уродцам и Святой Ненависти. Смешно! Нет другого пристанища для душ!

Или есть?..

В любом случае, вывод прост: Мор не сможет получить интересующие его данные, убив коротышку и направив астральную проекцию поджидать душу убиенного в Мире Вечных Грэз. Придётся выбивать данные старыми методами...

Мор помахал свободной рукой перед тремя немигающими, похожими на капли нефти глазами коротышки. Экзекутор ни на секунду не сомневался, что его пленник способен видеть в темноте, в которой они с ним, собственно, и находились всё это время. Чтобы нападать во мраке, нужно в нём видеть – логика крепче алмаза. Два глаза остались неподвижны, третий же невольно проследил за рукой. Значит, для темноты у этих гадов специальный глаз отрос... Мор спросил на всеобщем языке жестов (правда с применением одной руки, что могло затруднить понимание) не было ли у них в подземелье на днях непрошенных гостей? И где сейчас эти гости находятся? Пленник проявил полнейшее безразличие, хотя Мору почему-то показалось, что коротышка прекрасно понимает язык жестов, пусть даже с одной руки. И Мора это разозлило. Ещё некоторое время безрезультатных допросов, и экзекутор потерял над собой контроль окончательно. Когда же он пришёл в себя – допрашивать было некого...

Ну и ладно. Мор уверен, что чем глубже он спустится в подземные туннели, тем больше будет материала для допросов.

И эта непоколебимая уверенность оправдалась. Впрочем, как и всегда.

Туннели привели Мора в нечто, что можно назвать подземным городом. По дороге к которому пришлось, не без наслаждения, убить в пытках с дюжину чёрных чешуйчатых коротышек.

В городе оказалось веселей, чем в дороге. Кроме постылых чёрных мужчин, попадались ещё дети с серой, иногда отливающей зелёным кожей и рыжие женщины. Мора поразило упрямство этих существ. Они никак не хотели идти на сотрудничество, молчали, не проронив и крика, когда их пытали (от чего слегка смазывалось удовольствие от пыток). Доходило до того, что матери молчали даже под страхом смерти своих детей.

Но и без допросов было ясно, что город пустовал. Так много жилищ, и так мало обитателей. Причём подавляющее большинство – дети и женщины.

Так вот откуда выползли все те уродцы, рушащие сейчас Мистор!

На Мистор Мору было наплевать. Пусть себе горит, если настолько слаб, что не способен отбить нападение каких-то змееподобных лилипутов. Но экзекутору не было наплевать на Миррил, которую следовало убить. А найти её можно лишь через Дирока, её телохранителя, ведь у бывшей магини слишком сложная душа, которую, при всём умении и мастерстве, астральная проекция Мора не смогла прощупать.

Мор добрался до площади, размерами в несколько раз превышающей самые большие помещения подземного города, в которых уже довелось побывать экзекутору. В конце площади стояло вытесанное из камня здание со странными красно-синими орнаментами на стенах. Вероятно, это здание служило чем-то вроде ратуши. Из распахнутых настежь ворот высыпал отряд коротышек, принявшийся обстреливать вторженца из странных пружинных мушкетов. До этого все встречавшиеся Мору чешуйчатые мелкачи если и были вооружены, то только холодным оружием. Поэтому свинцовые шарики, со столь сладостной, но в то же время и горестной болью впивавшиеся и пробивавшие навылет тело, более чем удивили Мора. Он рухнул на каменный пол, истекая густой зелёной кровью, больше похожей на гной, нежели на кровь...

Держа пружинострелы наготове, солдаты осторожно направились к телу сражённого врага. Тем временем на балкон третьего этажа вышел подзмей. Он выглядел значительно старше остальных: дряхлый, потрёпанный жизнью, обвисшая кожа... Наверняка он занимал какую-нибудь высокую должность в этом городе, если не самую главную. Он глядел на подбирающихся к телу вторженца солдат, но вместо ликования всё никак не мог избавиться от тревожного чувства. Настолько сильного и необъяснимого, что оно пугало больше, чем сам факт вторжения в Саборкан. Должно быть, такие чувства испытывает заключённый перед тем, как ему отрежут голову лазерной гильотиной.

Один солдат изумлённо вскрикнул. Его крик подхватили остальные. И из изумления, крики постепенно перетекли в ужас. Раны затягивались на теле сражённого врага, словно уродливые, существующие лишь в воображении психопатов цветы, почуяв вечер, принявшиеся закрывать свои бутоны. Срастающаяся плоть выталкивала застрявшие в ней пули. Мор вскочил с земли, выхватив из ножен в жилетке два воронёных кинжала. Он, в принципе, мог бы и не падать от тех крошечных царапин, что оставили в его теле залпы мелких чёрных солдатиков, но решил, что так будет гораздо веселее. Дать надежду этим ничтожным уродцам, а потом в один миг забрать её, вместе с их жизнями...

Подзмеи открыли огонь, но шающие насеквоздь или застревающие в плоти пули не могли остановить врага. Прежде чем стоящий на балконе Масстой смог что-либо сообразить, Мор искусно и, если такое сравнение не кощунственно, красиво перерезал солдат. Всех до единого.

Чтобы войти в ментальный контакт, нужно находиться на сравнительно небольшом расстоянии. Поэтому Масстой не предпринимал никаких действий. Просто стоял на балконе, выжидая пока Мор его заметит.

При жизни Проклятый не заставил себя долго ждать. Покончив с элитным отрядом подзмей, он тут же приметил новую жертву. Стоявшего неподвижно (конечно же, от страха) коротышку с обвисшей кожей. Стариан. Жаль. Убить его не будет весело, ведь какое он сможет оказать сопротивление? Ну ничего. Удовольствие от убийств Мор сейчас получал значительно меньше, чем раньше. Так что расстраиваться особо нечего.

Экзекутор нехотя поплёлся к громадному зданию, на третьем этаже которого, как вкопанный, стоял древний чешуйчатый коротышка.

Внешность обманчива... Выглядящий дряблым и хилым старик подзмей оказал Мору сопротивление в десятки тысяч раз большее, чем все его чешуйчатые собратья до этого. Стоило лишь экзекутору подойти достаточно близко, чтобы оказаться в радиусе телепатического воздействия, как Масстой не упустил свой шанс. Он направил мощнейшую ментальную волну, влившуюся в мозговые волны Мора, смешавшуюся, установившую связь между ними и собственными волнами, сделав их единым целым.

До этого момента Масстой никогда не встречал соперников, сила мозговых волн которых могла бы тянуться с его мощью. Любой, на кого оказывал телепатическое воздействие, Масстой подавлял своими волнами, ошарашивал, выуживал из парализованного мозга нужные сведения, а то и уничтожал его, если возникала такая необходимость. Подобное он недавно проделал с Дироком Мистафилиусом. Поразил мозг наёмника ментальной волной и вытянул из него всё, что только захотел. Это, собственно, и прорвало стену склепа захороненных воспоминаний Дирока, что так хорошо почувствовал Мор и пришёл в Саборкан.

Масстай понял, что сам позвал в город Мора. Но старец не испытывал досады. Наоборот, он всегда знал, что рано или поздно его телепатический дар послужит причиной его гибели. Что ж, остаётся надеяться, что это произойдёт не сегодня...

Ментальная схватка очень похожа на схватку в реальном бою, но, в то же время, не похожа ни на каплю. Каждый удар, каждый взмах клинком мысли мог нанести урон, мог послужить причиной смерти, но и мог обернуться тем же для нанёсшего его, стоило врагу правильно отразить этот удар. Схлестнувшиеся в такой схватке вряд ли выйдут из неё такими же, какими приступили к ней. Урон наносился не телу, а воспоминаниям, привычкам, идеалам, стереотипам... Если рана на теле могла зажить, то ментальный урон – нет. Ничего не стоит выйти из подобной схватки безумцем...

Масстай перевернул взгляды Мора прежде, чем Мор разрушил его мозг, заодно выведав все сведения, которые не смог выведать у пытаемых им подзмей. Что ж, при жизни Проклятый, демон во плоти практически никогда не знает поражений. Даже если на его пути становится такой грозный противник, как Масстай...

«Да будь ты проклят, мудрый старец, мне не нужна твоя мудрость!» – досадливо думал Мор, направляясь вон из Саборканы. За его спиной неподвижно стоял Масстай. Всё на том же балконе третьего этажа громадного здания, вероятней всего – городской ратуши. Старый подзмей дышал, но делал это ровно и меланхолично. Его мозг был разбит. Тело впало в оцепенение. Кататония. Масстай превратился в огромный мясной овощ...

Глава 30: *Правда убивает...*

– А я говорю, надо этого хлюпика высадить где-нибудь на трассе. Пусть попутку себе ловит, – Дирок произносил слова нарочито спокойно, как делал это всякий раз, когда хотел держать собеседника в напряжении.

Вито был уже не рад, что оглох от предсмертного вопля Горколиуса лишь на время. Конечно, в ушах до сих пор раздавался мерный гул, притупляющий звуки снаружи, но уж лучше так слышать, чем никак. К тому же, Барон выковырял из ушей почти всю запёкшуюся кровь. Сейчас он скривил обиженную мину и на одном дыхании затараторил:

– Ты зверь, ты зверь затравленный, ты зверь, забитый сбродом улиц, ты зверь, раздавленный судьбою, ты зверь...

– Закрой свою коробочку, – фыркнул Дирок и поддал газу. Струи пара из задних сопел увеличились. Спины всех трёх находящихся во флаере прижались к спинкам кресел.

– Закрыть? Как быть? Не жить? Не пить? Раздать? Не взять? Раздеть? Не петь? – завёлся Барон.

– Нет, ну ты реально душевнобольной какой-то, – спокойная, монотонная лента голоса на долю секунду треснула, высвободив всплеск раздражения.

– Больной? А что есть боль? А что есть жизнь, как лишь та боль... – Барон решил добить собеседника.

– Подумать только, а я ведь как-то даже взял твою книгу в руки... – Дирок уже не пытался играть роль опасного циника, сверлящего собеседника монотонным слогом, а в

открытую демонстрировал досаду и отвращение. – Правда, тут же положил её обратно на книжный прилавок, увидев на развороте твою постную харю...

– Твоё невежество смешно, твои поступки поражают, скажу тут прямо: ты – говно, таких как ты – в печах сжигают... – с невероятным удовольствием прошипел Барон Отрицательный.

Будь это не флаер, а машина, Дирок со всей силы бы дёрнул тормозной рычаг, открыл дверцу, вытолкал вон Вито, заодно надавав тому затрещин, и уехал бы себе далеко-далеко... Но, увы, в воздухе такую роскошь себе позволить нельзя. Хотя... выкинуть заигравшегося со словами поэта – что может быть прекрасней?.. При падении с такой высоты вряд ли можно выжить... Но это скорее всего не понравится Миррил. А она уже не та простачка, с которой познакомился Дирок в локомотиве. Она вновь стала магиней! Теперь её лишний раз злить не следует... И посему наёмник прибег к единственному верному в этой ситуации методу – запугиванию:

– Если ты скажешь ещё слово, я тебе яйца отрежу и выброшу в окно.

Барон крайне недовольно фыркнул, его белая кожа лица вмиг побагровела от хлынувшей в неё ярости. Ему пришлось до хруста костяшек сжать кулаки, лишь бы удержаться и не напихать в ответ сотню другую разящих, как клинок палача, метафор. Это удалось с громадным трудом.

Какое-то время все молчали. Дирок сбросил скорость до рекомендуемой для полётов на флаерах их класса и молчаливо взглядался в воздушную гладь. Надувшийся на него Вито делал вид, что заинтересованно разглядывает скучное содержимое кармана в спинке кресла, а на самом деле витал в мысленных образах жестокой физической расправы над обидчиком. Кутая голое тело в пиджак Вито, Миррил задумчиво рассматривала землю в окно. Уже как второй час она пришла в сознание. Ведь о смерти Горколиуса она восприняла без особых удивлений – раз она жива, то, конечно же, он живым остаться не мог... А то, что Мистор предали огню? Что ж, он унижал приезжих высокомерием и циничным отношением к судьбам граждан. Может, его гибель и к лучшему...

С высоты полёта флаера земля казалась крошечной, игрушечной, ненастоящей. Жёлтые прямоугольники рапсовых полей, дороги, похожие на бесконечно-тонких змей, редкие крошечные коробочки жилищ отшельников, телеграфные столбы, похожие на воткнутые в землю зубочистки, связанные друг с другом зубной нитью... Миррил и забыла, когда в последний раз чистила зубы. А ещё она забыла, когда в последний раз ощущала себя так хорошо, не смотря на боль во всём теле. Ох, и досталось ему за всё это время. Как в реальности, так и во снах возможного будущего, в которых оно вообще два раза с головой расставалось. Ничего, вскоре от всех травм – и бледных шрамов не останется! Обладая магическим даром, Миррил способна на многое. Очень многое...

Но были ли сны возможного будущего правдивы? Ведь в последнем из них не было и намёка на разрушение Мистора. Вряд ли заточение бывшей магини в «кабинете для допросов» могло хоть как-то повлиять на возможность нападения на столицу. По идее, Миррил не пришлось бы долго торчать в заточении – её бы постигло облегчение в лице смерти от лап злобных чёрных коротышек, а то и от магониевого костра, которым бы занялся полицейский участок... Так что же, все эти чудовищные, полные реальной боли сны не могли сбыться на самом деле? Были лишь чем-то вроде знаков, посылаемых кем-то или чем-то доброжелательным? Вопросы, вопросы, вопросы... На них уже никогда не будет ответа. Зато вполне ощутимо – от них начинает болеть голова. Так что лучше не

думать об этом. Забыть. Как страшный и ужасающий кошмар. И стараться никогда больше не вспоминать...

Горколиус мёртв. Миррил вновь стала магиней. И, как она сама чувствовала, магиней намного могущественнее, чем когда-либо. Оказывается, всё дело не в самом магическом даре, а в том, кто им обладает. Что-то произошло с Миррил за это тяжёлое время, полное лишений, боли, страха и ненависти. Она изменилась, стала мудрей и закалённей. Она переосмыслила многие вещи. И это повлияло на способность управлять магией. В Ордене Восьми Старейшин за такое преображение могли бы повысить в должности, а то и вообще посвятить в архимаги. Но, кому к счастью, а кому и нет, вся централизация Ордена сейчас дотлевает в пепле падшего Мистора.

Наверняка разбросанные по всему Чикрогу крылья Ордена попытаются создать новый Совет Восьми. Попытаются восстановить то, что было утрачено. Но с той же долей уверенности можно предположить, что и у этих благих намерений могут возникнуть противники. К примеру, правящие мужи каких-нибудь крыльев – да того же Видринского крыла – захотят взять бразды правления в свои руки. Ведь и во время нормального функционирования Ордена многих его высокопоставленных участников не устраивало то, что финансирование распределялось столичной верхушкой. Мисторское Главенствующее Крыло вначале выкачивало со всех районов ресурсы, набивало свои карманы до отказа, а потом уже делилось обедками с остальными. Да, крыльям экономически слаборазвитых городов это было выгодно – с них особо нечего было брать. А распределялось всё равномерно: как ущербным городам, так и прибыльным. Бросить все силы на то, чтобы опять испытывать лишения? Чтобы, к примеру, Йакаранское крыло, под контролем которого находился один из крупнейших заводов по переработке магонита, сравнивать с каким-нибудь Тапранским крылом, во власти которого кроме нескольких пастбищ скота и десятка-другого рапсовых полей ничего больше не было? Ох, дело попахивает серьёзнейшими междуусобицами... Как раз великолепная возможность для Промышленной Картели начать войну руками солдат Восточного Феникса!

Но как всё будет на самом деле – Миррил оставалось лишь гадать. Ведь, вернув магический дар, она, скорее всего, лишилась дара предвидения, точность которого после уничтожения Мистора, мягко сказать, поставлена под сомнение. Поэтому заглядывать в будущее она способна лишь зыбкими теориями и предположениями, но никак иначе. Пожалуй, это и к лучшему...

Магиня задумчиво глядела в окно. Она даже не оторвала от него взгляда во время ссоры Дирока с Вито. Не то, чтобы ей было не до них – просто Миррил почему-то знала, что ничего в этой ссоре серьёзного нет, и к плачевным последствиям она не приведёт. Со снисхождением магиня слушала столь незначительную (на фоне всех произошедших событий) ругань, словно терпеливая мать слушала перебранку детей за единственную в доме игрушку. И когда брань закончилась, она даже не вздохнула с облегчением, поскольку и не была напряжена.

Если бы флаер летел вечно, то, возможно, Миррил бы так и продолжила глядеть в окно. Глубоко погрузившись в думы: мрачные и радостные, грустные и ветреные, тяжёлые и лёгкие, глубокие и поверхностные...

Но паровой флаер не мог лететь вечно из-за простого закона сохранения энергии: ничто из ниоткуда не берётся, и ничто никуда не исчезает. Магоний в двигателе преображался в пар, мощные струи которого и держали в воздухе транспорт.

Отработанный пар рассеивался в воздухе, передавая его молекулам тепло и вступая с ним в броуновское движение. Но стоило запасу магония в топливных баках начать заканчиваться, как неизбежно принялся заканчиваться и пар. А без него, родимого, и полёт заканчивается.

Заведённый спором и, ввиду этого, утративший бдительность Дирок слишком поздно заметил тревожную лампочку на приборной панели. Поздно, но не *слишком поздно*. Пришлось совершить экстренную посадку на рапсовом поле. Дотянуть до дороги топлива не хватило. Флаер сильно тряхнуло и проскребло дном о землю, сминая корпусом ни в чём неповинные стебли рапса, поскольку неопытный лётчик Дирок забыл выпустить шасси. Но тут недостаток топлива сыграл на пользу, ведь рапс и земля смягчили удар. Соверши Дирок подобную посадку на бетон дороги, всё могло бы закончиться не столь благополучно, если вообще не катастрофой. А так – лишь испуганные возгласы пассажиров, которым довелось немного потрястись в салоне, даже не набив себе шишек.

Флаер оставил за собой длинную толстую полосу вдавленного в краснозём рапса. Какое-то время пассажиры молчали, пытались прийти в себя после шока. Пилот Дирок тоже молчал, пытаясь понять, как же это получилось, что он забыл выпустить шасси.

Нарастало гнетущее молчание на фоне мерзкого свиста струйки пара из дырочки в трубе, ведущей к соплу. Во время удара труба напоролась на камень. При других обстоятельствах, из салона нужно было бежать, и как можно быстрее – магоний в баках мог взорваться. Но сейчас в баках опасного топлива практически не осталось и риск взрыва был настолько ничтожным, что Дирок им пренебрёг.

– И что, блак, делать теперь будем? – вскрикнул Барон, порвав тем самым унылые цепи молчания.

– Что, что? А ничего! – выпалил Дирок. Он сам удивился своей несдержанности. Вито его бесил даже больше, чем в своё время бесила его Миррил. Или это просто железные нервы наёмника так сильно расшатались за последнее время?

– Пошли отсюда, – властно скомандовала Миррил и попыталась открыть дверцу, которую заклинило от удара. Лишённая магического дара Миррил тут же стала бы нервничать, а то и вообще в панику ударилась. Но новая Миррил, вернувшая назад украденный дар, была холодна – ни один мускул на её лице не дрогнул. Она просто выбила дверь мощным толчком магической энергии. И вышла наружу. Сминая босыми ногами рапсовые стебли, она направилась к дороге.

Дирок и Вито последовали её примеру. Они плелись за ней, словно побитые собаки за хозяином. Вито то и дело ёжился от прохлады, ведь его пиджак, насколько это было возможно, скрывал наготу Миррил. Дирок шёл сгорбленно, напряжённо, слегка наклонив лысую в пигментных пятнах голову набок, что не очень-то и клеилось с его не такой уж и давней гордой походкой. К его поясу были пристёгнуты ножны с длинным мечом подзмей, а также мешочек, полный пули, который наёмник попросил у воинов Саборканы перед тем, как сесть в паровой флаер. За спиной на ремешке болтался пружинострел. Перед полётом Дирок подумывал над тем, чтобы взять с собой ещё и магониевый огнемёт, которым он отправил Горколиуса в смертоносное падение, но передумал – слишком громоздкое и тяжёлое оружие, привлекающее к себе ненужное внимание.

Мужчины шли за Миррил, как провинившиеся детки за мудрой и строгой мамочкой – боясь произнести и слово. Магиня вышла на дорогу. Это была старая, судя

по отсутствию транспорта на ней – малоиспользуемая трасса, покрывшаяся пылью и выщерблинами времени. Вероятно, лишь два раза в год – во время сева и сбора урожая – по ней ездили паровые комбайны, грузовики и цокали копытами запряжённые в телеги и плуги лошади, волы и верблюды.

Немного постояв, явно что-то раздумывая, повернувшись головой в разные стороны, Миррил свернула налево и зашлётала босиком по бетону дороги. Её спутники не отставали. Солнце близилось к закату, посылая краснеющие лучи света им в спину, порождая вытянутые тени. Неестественно растянутый силуэт, неправильный отпечаток на дороге – не проклятье ли это идущего? Ты – есть ты, но остальные видят не тебя, а лишь твой отпечаток на дороге... И всё зависит от того, как будет светить на тебя солнце...

– И вот идём мы, Миррил, за тобой, – не выдержал Вито, – куда?

– Вскоре стемнеет, нам нужно разбить лагерь, – подхватил Дирок.

– Туда и идём, – буркнула под нос магиня.

– Куда? – повторил свой вопрос Вито. – Куда, туда?

– В лагерь, – всё так же нехотя ответствовала Миррил.

– Где? – не унимался впечатлительный Вито. – Мы все пережили столько дерьяма, что просто не верится, что по-прежнему живы. И ты – чудовище? Да, ты ведь стала чудовищем, Миррил. Ты видела себя? Ты чудовище! Превратилась в это ужасающее существо. Это твой настоящий облик? Я не смогу теперь спать ночами! Понимаешь, Миррил, понимаешь это? В голове не укладывается, что такая красавица на самом деле – такое чудовище! Чудовище! ЧУДОВИЩЕЕЕЕ!!!

– Заткнись, – коротко и ясно порекомендовал Дирок и влепил запаниковавшему от нервного истощения Вито смачную пощёчину. Нельзя сказать, что наёмник не получил удовольствия от этого ...

Вито пошатнулся, еле удержался на ногах. Щека в месте удара покраснела, а глаза заслезились, но поэт и не думал останавливаться:

– Миррил, прекрасная, божественная Миррил! Ты была такой красивой. Такой... Да чтоб тебя, Миррил, я влюбился в тебя, Миррил! Я обожал тебя, Миррил, я преклонялся перед тобой, Миррил! Мы с тобой так мало знакомы, но я пал к твоим прекрасным ногам, красотка Миррил. Я стал рабом твоей красоты, Святые Уродцы всё изрежь! Стал куклой в твоих прекрасных руках. И что я увидел? Что я, блак, твою мать ябранку, парздец, увидел?! Я увидел тебя такой... ТАКОЙ СТРАШНОЙ, ЧТОБ ТЕБЯ, ТАКОЙ УЖАСНОЙ, ТАКОЙ МОНСТРУОЗНОЙ!!! Что теперь мне делать, малышка Миррил, скажи мне, что мне теперь делать? Ради тебя я пошёл против закона. Да ради тебя, Миррил, я ведь поставил на кон всё! И к чему я пришёл? Я лишился всего. Блак, да мой родной город сейчас в руинах!!! Что мне делать, чудовище Миррил? Что же мне теперь делать, красавица Миррил?..

– Если б не она, ты бы сейчас изуродованным трупом валялся в своём сраном Мисторе, – счёл нужным сообщить Дирок. Руки чесались выписать ещё одну оплеуху, но он не позволил себе такой роскоши – наёмника смущало лицо Миррил. Неужели он прочитал на нём выражение вины и боли? Да нет, она не может испытывать чувств к этому постному хлыщу. Дирок отлично узнал Миррил за всё это время. Он многое пережил ради неё. И... Да, наёмник испытывает к ней чувства, которые вполне можно принять за любовь. Да, чёрт подери, он любит Миррил! И просто смешно наблюдать за

такими же чувствами вшивеньского поэтишки! На что Шипнар надеется? Наивный... Дироку даже стало его немножко жаль. Совсем немножко...

Но к глубочайшему удивлению Дирока, Миррил повела себя совсем не так, как он ожидал.

Она приблизилась к вышедшему из себя, давящемуся слезами Вито и положила руку на его плечо. И не было отвращения в этом жесте...

– Вито, Барон... – позвала она виноватым голосом, – мы *обязательно* с тобой об этом поговорим. Только чуть позже. Успокойся, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты так расстраивался...

Ничего себе! Дирок был более чем в замешательстве. Мало того, что слово «*обязательно*» Миррил произнесла настолько интригующе и, возможно даже, с каким-то эротическим намёком, так она *ещё* и не хочет чтобы эта мелкая сошка, видите ли, расстраивалась!

А Вито и вправду перестал расстраиваться. Он утёр слёзы и сопли рукавом сорочки. Преданным щенячим взглядом посмотрел на Миррил. Дирока чуть не стошило от этой сцены.

– Идём, – скомандовала Миррил. – Здесь невдалеке есть небольшая постройка. Пока мы «совершали посадку» я успела её разглядеть.

Вопросов не последовало.

Но стоило им лишь пройти несколько метров по дороге, как тишину сотряс огромной силы взрыв. Все испуганно обернулись – паровой флаер взлетел на воздух! Оказалось, что даже того ничтожного количества магония, что осталось в топливных баках, хватило для такого мощного взрыва!

Думать о том, что бы было, задержись все в салоне или поблизости флаера до этого момента – как-то не хотелось...

А ведь действительно, спустя всего полчаса ходьбы беглецы вышли к запримеченнейшей магиней постройке, обосновавшейся вблизи мелиорационного рва. Хотя постройкой это творение инженерной мысли назвать было сложно. Скорее – подстройкой, поскольку это было подземное помещение. Сверху оно походило на обычную песчаную насыпь, правда, с входным люком (достаточно неприметным, нужно отметить).

Вито с Дироком пришлось лишь подивиться, как Миррил удалось заметить это хилое строеньице и не спутать его с обычным курганом. При более детальном поверхностном осмотре Дирок обнаружил вентиляционную трубу, полузыпанную песком. Это могло значить одно – в здании давно никто не бывал и не чистил вентиляцию. Трубу очистить не составило труда: стоило лишь сгрести с неё песок. Для таких случаев на трубе стояла крышка в мельчайшую сеточку, препятствующая попаданию песка внутрь. Конечно, очень мелкие песчинки просачивались в отверстия сетки, но лучше уж так, чем без какой-либо защиты.

Петли, на которых сидел люк порядком проржавели. Также проржавел и замок, на который бережливые хозяева подземного домика не преминули запереть входной люк. Дирок уж было принялся взламывать его, но тут Миррил приказала всем разойтись. Всё так же преданно-щенячни заглядывая ей в глаза, Вито увидел в них пугающий красный блеск, словно взгляд девушки на самом деле воспламенился. Мгновением позже петли задымились и расплавились, источая отвратительный смрад. Люк упал на землю, освободив проход внутрь здания.

Это был однокомнатный подземный домик с крохотной кухонькой и кладовой. Не совсем уютный, явно рассчитанный на невысокий рост хозяев – возможно жупатов – но вполне пригодный к использованию. В кладовой Миррил разыскала наполовину заправленную керосиновую лампу. Если сделать небольшое пламя, то хватить может до самого утра. Но самое радостное, на кухоньке обнаружилась еда! Не совсем свежая... Кartoшка и зерно давно проросли и сгнили. Зато в закрытых бутылях нашлись маринованные огурцы! В настенных ящичках отыскались сухари и вяленое мясо, слегка покрывшиеся плесенью, но (если не брезговать и счистить плесень) вполне съедобные.

Выбирать еду не приходилось. Маринованные огурцы, заплесневевшие сухари и вяленое мясо – всё равно лучше, чем ничего. К тому же, рассол от огурцов вполне можно пить. Эх, жаль, что к нему не было какой-нибудь высокоградусной настойки, желательно на кактусах...

Все трое поели и только попытались расслабиться, как Дирок вдруг вскочил с места (стукнувшись при этом лысой макушкой о потолок). Да, Горколиус мёртв, а Миррил вернула магический дар. Но! Не забыли ли все о нанятом дохлым виконтом экзекуторе? О Море, при жизни Проклятом? Наверняка этому порождению зла наплевать на смерть заказчика. Он не успокоится, пока его жертва не будет мертва. Или пока сам не умрёт...

Миррил сказала, что сама умрёт, если не отдохнёт. Вито поддержал её мысль (он ведь впервые услышал о Море и толком не осознавал, какая над ними нависла опасность). Дирок не удивился их решению. Хоть сам он был ох как не прочь повалиться в отключке денёк-другой-третий, но долг телохранителя был превыше всего. Ну... это конечно не совсем так... В голове наёмника давно уже стёрлась грань между деловыми и личными отношениями с Миррил. Он уже не думал о контракте. Собственно, последний раз нанимателя графа Маркония Дирок видел в одном из залов цитадели Ордена. Вернее не самого графа, а некоторые опознаваемые части его тела... Сейчас же Одноухий просто хотел защищать Миррил по собственной инициативе. Да, защищать и любить...

Дирок выполз из подземного домика и обосновался у входа – нести вахту. Солнце к этому времени зашло, небо, словно оспинами, покрылось бледно-красными звёздами. Луны нигде не видно – это и не удивительно с её-то необычайно сложной орбитой. Дирок Мистафилиус покрепче сжал приклад пружинострела и тяжело вздохнул. Холодно, не помогал даже найденный в доме плед, в который наёмник сейчас кутался. А внизу, в комнатке – тепло. Там Миррил... наедине с этим хлюпиком, давящим на её жалость! Мало того, дикая усталость была просто невыносимой. Дирок ведь хорошо выложился при штурме Мистора. Да, отдых бы очень не помешал. Но Миррил в опасности! И Одноухий, пока жив, сделает всё, справится с любыми трудностями и напастями, чтобы сохранить СВОЮ малышку Миррил!

В жилой комнате не было кроватей – ещё одно подтверждение того, что в доме жили жупаты. Представители этой расы обычно спят на полу. Вито постелил себе тряпью и ветошь, найденные в доме. Миррил постелила себе толстый шерстяной плед. В комнате их было два, и оба лежали в деревянном ящике вместе с всевозможным тряпьём. Второй плед забрал наверх Дирок.

Керосиновую лампу было решено не выключать. Её крошечный танцующий огонёк забрызгивал комнату тусклым, слабым светом, порождая причудливую игру теней...

Вито Шипнар, известный поэт, скрывающийся под псевдонимом Барон Отрицательный, лежал в ветоши и пытался уснуть. Несмотря на нечеловеческую усталость, у него ничего не выходило. Слишком много мыслей мрачной стаей летучих мышей порхало по просторам его сознания. Он так бы и пролежал неподвижно и бессонно до самого утра, наедине со своими страхами, переживаниями, разочарованиями и болью, если бы Миррил не окликнула его.

– Вито... Я знаю, что ты из-за меня вытерпел много всего... – она говорила полушёпотом. Да будь Вито поражён Стрелами Гнева Святой Ненависти, если в голосе магини не звучала примесь искреннего сожаления и раскаяния! – Я очень признательна тебе за то, что ты спас меня тогда, в канализации... Я не говорила тебе... но если бы ты не открыл тогда люк... Я была близка к самоубийству... Можно сказать... Да какой можно? Ты на самом деле спас мою жизнь. И я вечно должна тебе...

Миррил замолчала. Не нужно быть великим знатоком человеческих душ (а Вито, в меру своей профессии, как раз и был таковым), чтобы понять: каждое слово давалось девушке с огромным трудом.

Вито тоже молчал.

– Почему ты ничего не говоришь мне? – разволновалась Миррил. – Я ведь знаю, что ты не спишь. Не спишь ведь?

– Нет, не сплю, – сухо выдохнул Вито.

– Тогда почему ничего не говоришь? Мне... мне действительно жаль...

– А что сказать? – всё так же сухо спросил Вито. – Не ты вечно должна мне, а я тебе.

– Почему, Вито, почему ты так считаешь?

Зволнованный голос Миррил слишком обнажал ранимую человеческую сущность девушки. После того, как она вновь стала магиней, Вито был просто уверен, что эта сущность исчезла, умерла, сменилась мощью и силой. Неужели с ним сейчас разговаривает живой человек, способный переживать и страдать, а не то чудовище, которое он увидел на взлётной площадке?

– Почему? Глупый вопрос... Ты разве не знаешь, что если спас кого-то от смерти, то становишься за него в ответе?

– Нет, – удивлённо ответила Миррил.

– В принципе, откуда ты можешь знать?.. Это кодекс чести древних самурийских монахов, основателей Мистора. Вряд ли сейчас кто-то вспоминает о них или их кодексе. Всем наплевать на историю. Всем нравится наступать на те же грабли. Мы ничему не учимся, понимаешь?

– Вот это я знаю, – вздохнула Миррил. – И ничего здесь не поделаешь. Народ любит быть глупым...

Вито ничего не ответил, хоть и был согласен с мыслью магини. Но всё равно он на неё был обижен. А за что? За то, что она способна превращаться в монстра, лишь одним своим видом леденящего кровь? Да, это было бы смешно, если бы не было так ужасно...

– Вито, ты опять замолчал, – жалобно, чуть ли не умоляюще прошептала Миррил.

– А что мне говорить? – завёлся Барон. – Мой дом сгорел. Моя прошлая жизнь разрушена. Я лежу в груде непонятно в чьей пещатне побывавшей ветоши, в гостиной чужого заброшенного дома. С тобой. Женщиной, которая способна одним лишь щелчком выкрутить меня, как мокрое бельё! Женщиной, которая превращается в смертоносное чудовище!

— Вито, ты говоришь так, словно ненавидишь меня... — всхлипнула Миррил.

— Ненавижу? Хм... — Вито от удивления даже приподнялся на локтях, чтобы лучше рассмотреть лицо собеседницы. — Знаешь, я ведь тебе вроде как обязан. Дирок тогда, на дороге, верно заметил: не встреть я тебя, наверняка бы сейчас был дохлым. Те дрянные чёрные коротышки спалили бы меня вместе с остальным Мистором. Но...

— Что «но»?

— Но какой смысл от того, что я сейчас жив? — Вито действительно так считал.

— Как какой? Я не понимаю тебя... — Миррил тихонько захныкала.

— Да всё ты понимаешь, Миррил, ты слишком умная девочка, чтобы этого не понимать, — Вито не доставляло радости это говорить, но раз уж тема затронута... — Ты прекрасно понимаешь, что я остался ни с чем. У меня нет дома. Мне некуда идти. Но самое ужасное — мне *не к кому* идти. Понимаешь? Все мои лже-друзья, знакомые, все мои женщины — все сейчас мертвы... — Вито некоторое время помедлил, размышляя, говорить дальше или нет. Решил говорить: — Но мне наплевать на это... Да, я циничная сволочь, подлый сын кобки. Я брал от своих знакомых всё, что мог взять — секс, бесплатный ужин в закусочной, деньги взаймы, общение... И давал им по мере возможностей взамен. Но мне наплевать на всех, понимаешь? Я уверен, что никто из них и не заметил бы, исчезни я из его жизни. Таков механизм существования современного общества — социальные взаимосвязи поверхностны и основаны на удовлетворении низменных потребностей вступающих в эти взаимосвязи индивидуумов. Всё. Если ты выходишь из игры — тебе очень скоро находят замену. И не удивляйся мне тут, малышка Миррил, я действительно не сожалею, что мои «близкие» мертвы. Я просто не ощущаю эту потерю, поскольку никогда не был с ними близок. Так же, как и они не были близки со мной...

— Ну не всё ведь так плохо в этой жизни, Вито. Ведь правда? Не все ведь такие... — без особой надежды спросила Миррил.

— Знаешь, Миррил, я хотел в это верить, — в голосе Вито отчётливо читались отчаяние и досада. — Сказать по правде, я на какое-то время даже поверил... И знаешь благодаря кому?

— Кому?

— Ты будешь смеяться, но... Благодаря тебе, Миррил, благодаря тебе!

— Мне совсем не смешно, — серьёзно сказала магиня.

— Я... — голос Вито дрогнул. Из его ametистовых глаз полились предательские слёзы. — Я дурак... подумал, что мы с тобой... Я думал, что мы с тобой... Миррил, чертовка Миррил, я ведь думал, что мы с тобой... А ты... Теперь ты такая вся сильная и... ужасная... Ты ведь монстр Миррил, страшный монстр... И теперь я один, я совсем один...

— Ты не один, Вито... — Миррил подползла к нему и обняла, прижавшись всем телом. Голым, тёплым и приятным телом...

Хоть у Дирока оставалось одно ухо, но слух у него был отменный. А наёмникам иначе и нельзя. В этой пыльной работёнке не расслышать шорох или треск ветки — может стоить тебе жизни.

Из вентиляционной трубы доносился тихий гул разговора. Ведомый простым человеческим любопытством, Дирок приложил своё единственное ухо к сетчатой крышке трубы и прислушался.

Он слышал всё, о чём говорили Миррил и Вито. Гораздо больше того, что ему хотелось бы услышать. Правда ударила в сердце сильнее любого болта или пули. Дирок Мистафилиус незаметно спустился в дом, чтобы удостовериться во всём окончательно. Миррил обнималась с Вито. Им было хорошо. А Дироку? Как ему стало паршиво в этот миг.

— Ну ты и ябранка! — взвыл Дирок. — Пусть тебя этот кобчёнок и охраняет теперь! Я снимаю с себя все обязанности! Я больше не твой телохранитель!

С этими словами Дирок Мистафилиус, известный в кругах наёмников по кличке Одноухий, выбрался из подземного дома. И побежал прочь. Чёрное небо насмешливо следило за его отчаянием мириадами звёздных глаз.

Глава 31: *Детские воспоминания*

Миррил и Вито выбрались следом за Дироком. Торжествовала глухая ночь. Наёмник растворился в темноте. Миррил приказала Вито спуститься за керосиновой лампой, а сама принялась звать Дирока, усиливая голос при помощи магии. Но никто не отзывался.

Вито вернулся с лампой, и они с Миррил отправились на поиски. Огонёк лампы пришлось отпустить на полную мощность. Они шли вдоль мелиорационного рва и звали Дирока. Время от времени Миррил вызывала магические вспышки света, но ничего кроме земли, курганов, камней, рапса и перепуганных, ослеплённыхочных грызунов обнаружить не удавалось.

Так можно бродить до самого утра и ничего не обнаружить. Но эта паршивая усталость...

— Миррил, мне кажется, он вернётся, — попытался успокоить магиню Вито.

— Вернётся? — её голос звучал грубо и раздражённо. — Что за идиотизм ты несёшь? Что за ересь? Я думала, что ты умный человек...

— Ну... Я не знаю Дирока так хорошо, как ты... — Вито пропустил грубость мимо ушей. — Но послушай меня. Это простая психология мужчины. Он ревнует...

— Ревнует?! — Миррил явно удивилась этому. — Что за бред? Дирок чёрствый и бессердечный. Вряд ли он способен испытывать ко мне какие-то чувства... — тут Миррил вспомнила, как Дирок выставил за дверь её молоденького-любовника-на-одну-ночь-Джошуа, — да нет, он точно не способен. Он ведь бесчувственный наёмник. Уверена, что все его мотивы поведения сводятся к банальной защите своего подзащитного, — Миррил попыталась повторно прокрутить в голове только что произнесённую фразу, но запуталась. Пообщайся она с Вито дольше, и не такие ужасы говорить начнёт.

— Скажи, между вами никогда не было близости? — взволнованно спросил Вито. — Хоть какой-то? Даже самой незначительной?

Миррил задумалась, а потом нерешительно сказала:

— Он... Мы с ним обнялись в канализации... У него тогда встал, я почувствовала это... Но я уверена, что возбудился он лишь потому, что давно не был с женщиной. Всё это время он почти не отходил от меня и на шаг. Простое животное желание...

— Кого ты пытаешься обмануть? — досадливо вздохнул Вито, ведь его переживания подтвердились. — Когда мужчина так эмоционально реагирует... Ты слышала, сколько боли было в его голосе? А ведь Дирок производит впечатление хладнокровного и

сдержанного человека. Боюсь, что он, как и я, попал под влияние твоих чар. Но чар не магических, а чар красоты. Он любит тебя, Миррил. И, не без оснований, приревнововал меня к тебе. Поэтому и убежал прочь.

– Дирок? – Миррил была ошарашена. – Я бы никогда не подумала… Нет, ну это же надо?

– Боюсь, это так, – Вито действительно боялся. Миррил вполне могла отдать предпочтение сильному и бесстрашному наёмнику, чем хилому телом (пусть и крепкому духом) поэту.

Миррил повернула в сторону подземного дома. Какое-то время она шла в задумчивости. Вито плёлся следом. Его распирало желание продолжить разговор, но он боялся спугнуть думы магини. Вдруг, расстроившись, она превратит его в геккона?

– Ты говорил, что он вернётся? – спросила Миррил, когда они подошли к своему домику.

– Да, – вяло ответил Вито. – Это простая мужская психология. Дирок получил сильный укол ревности. В таком состоянии люди делают опрометчивые поступки. Если честно, я чуть в штаны не наложил, когда он застукал нас… Я думал, он убьёт меня. Но, слава Святым Уродцам, этого не произошло. Поверь мне, я изучал поведение людей не один десяток лет и знаю, что почувствовал Дирок. К утру его гнев немного притупится и он вернётся. Вернётся либо чтобы убить меня, либо чтобы завоевать тебя другими способами…

– Это всё, что я хотела услышать, – сказала Миррил и принялась спускаться в дом.

Вито последовал её примеру. Они оба легли в комнатке. Порознь. Закутавшийся в ветошь Вито долго ворочался, но под утро заснул. Миррил накрылась пледом и почти сразу отключилась.

Ей приснился странный сон…

Это было похоже на детское воспоминание. То беззаботное, счастливое время, когда Сик ещё не передал Миррил магический дар. Миррил чувствовала себя в своей тарелке, значит, успело пройти какое-то время после того, как Сик забрал её с помойки. Был вечер, девочка сидела у любимого камина в гостиной уютного пригородного домика своего благодетеля и время от времени подбрасывала щепки в огонь. Ей нравилось глядеть, как они быстро занимались пламенем, чернели и превращались в крохотные угольки. Сика не было дома несколько дней – уехал на встречу архимагов Ордена Восьми Старейшин в Мистор. Миррил знала это. Также она знала, что старик скоро должен приехать: или ночью, или к утру.

В доме никого не было, но Миррил не чувствовала себя одиноко. Холодильник и погреб были забиты едой, в тумбочке, что стояла возле кровати Сика, лежали деньги, которыми можно пользоваться при необходимости, а в камине потрескивали поленья и жглись щепки. Девочка была счастлива. Настолько, насколько вообще возможно быть счастливой. Другие дети бы давно заскучали, но только не Миррил. За всё время отсутствия Сика она не выходила дальше забора их домика. И не видела в этом нужды. Её дом был здесь. В нём Миррил чувствовала себя защищено. Да, порой было скучновато без компании сверстников. Но лёгкий налёт грусти, одиночество, замкнутость – были частью характера Миррил. Поэтому она чувствовала себя как никогда здорово. Правда, уже начала скучать по Сику. Но, подобно рыжему огню из камина, девочку грела уверенность, что старина фарк вскоре вернётся. Откроет дверь

и улыбнётся с порога. Миррил выронит из рук щепки (так старательно срезанные ножом с полена) и побежит к нему обниматься. Врежется в его громоздкий живот и буквально утонет в нём, пытаясь как можно сильнее обнять старика. А он в ответ сожмёт её крепко-крепко верхними руками, а нижней,rudиментарной, будет поглаживать по спине и бёдрам...

«Кобковый ты ублюдок, Сик, фарлиный ты старый пердун, ты отнял у меня даже это! Испохабил мои единственные приятные воспоминания! Зачем ты явился мне в «кабинете для допросов»? Я ведь могла и не знать... Будь ты проклят Святой Ненавистью, я ведь могла и до сих пор считать тебя лучом света в моей грёбаной мрачной жизни!» – подумала Миррил и удивилась, что во сне может так отчётливо думать. Она посмотрела на свою руку, пошевелила пальцами. Да, полный контроль над телом и мыслями. Это какой-то странный сон. Миррил поглядела на девочку, подбрасывающую щепки в камин, потом подошла к зеркалу, что висело на стене, напротив камина, поглядела на отражение и увидела себя. Себя теперешнюю. Молодую магиню, с печатью боли пережитых испытаний в глазах. А за спиной она увидела камин и сидящую возле него девочку – Миррил прежнюю. Наивную и счастливую.

Миррил теперешняя просто не могла поступить иначе. Она подошла к себе и положила руку на плечо. Девочка вздрогнула и обернулась. Какие-то мгновения на её лице застыл испуг, но вскоре он сменился пытливым выражением.

– Ты меня видишь? – спросила взрослая Миррил.

– Ещё и слышу в придачу, – хихикнула девчонка Миррил.

– И совсем не боишься меня?

– Чего мне тебя бояться? Мы с тобой вместе жили на улице, забыла что ли? – искриво спросила девочка.

– На улице... – взрослой Миррил совсем не понравилось то, что она услышала. Насколько она помнит, ей в те злосчастные дни жизни на улице не приходилось общаться со своей взрослой копией... Но что тут удивляться? Это ведь всего лишь сон. Дурной, странный, попахивающий расстройством психики сон. Ведь правда?

– А вот ты почему-то боишься меня, – девчонка легко прочитала страх в глазах взрослой копии.

– С чего мне тебя бояться? – неуверенно пробубнила теперешняя Миррил.

– Ты мне скажи, – хихикнула девчонка и повернулась к себе спиной, чтобы продолжить кидать щепки в огонь.

Недолго помешкав, Миррил села рядом. На старенький ковёр из медведоновой шкуры. Дрожащие в голодном нетерпении языки пламени жадно глотали брошенные им в пасть щепки. Их суровая грация зачаровывала обеих Миррил.

Святые Уродцы, как же всё-таки больно всё это вспоминать!

Теперешняя Миррил еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Прошлую Миррил почувствовала это и протянула ей жменю щепок. Взрослая Миррил приняла подарок из детских рук. Принялась одну за другой бросать щепки в зёв камина. Пламя с большой благодарностью и аппетитом пожирало их.

Бросать в огонь щепки – ещё один позабытый пласт прошлого, затронутый и поднявшийся на поверхность сознания. Теперешняя Миррил и забыла, когда последний раз делала нечто подобное. По идее, ей сейчас должно было стать ещё хуже, и сдерживать слёзы – стало бы непосильной задачей. Но, как ни странно, это занятие успокаивало.

— Будешь чая? — спросила девчонка Миррил. — С мармеладом, — гордо добавила она.

Да, давным-давно Миррил обожала уничтожать запасы мармелада бережливого старишка Сика, запивая их красным чаем...

— Если честно, худышка Миррил, я не хочу чая, — Миррил была честна с собой.

— Эй! — возмутилась девчонка. — Худышкой называет нас только старина Сик!

— Я знаю, — согласилась магиня.

Немного поразмыслив, девчонка Миррил всё-таки решила быть гостеприимной:

— Так чего тебе, если чая не будешь?

— Я бы сейчас выпила чего-нибудь покрепче, — оживилась теперешняя Миррил.

Вино, муатэ, самогон, наливку, эль, спирт — да всё, что угодно, только покрепче...

— Я посмотрю, что там в погребе есть, — пообещала прошлая Миррил и вышла из гостиной.

Миррил осталась сидеть на медведоновой шкуре. Она осмотрелась вокруг: магическая лампа на потолке, белые с чёрными кляксами обои, зеркало, громадные фарфоровые красные с жёлтыми и голубыми орнаментами вазы по обе стороны камина (одну из которых Миррил случайно разбила за неделю до того, как Сик отдал ей магический дар), диван и два кресла из чёрного бархата, газетный столик возле них, подвесное овальное зеркало на стене и старенький сервант из орехового дерева, за стеклянными дверцами серванта скрывался набор хрустальной посуды... В общем — всё именно так, как было раньше. С точностью до отошедшего от стены куска обоев в нижней части левого дальнего угла, если смотреть от камина. Всё никак руки не доходили подклеить этот кобковый кусок обоев. Так он и остался. А после смерти Сика Миррил редко бывала в гостиной...

Вот взять бы сейчас клей и заклеить этот кусок!

И что изменится? Это ведь всего-навсего до невозможности странный сон...

Миррил почему-то захотелось, чтобы он длился вечно. Поселиться в доме прошлого. Общаться с самой собой, только лет на тринадцать младшей... А что? Очень даже было бы неплохо. Сколько вещей можно узнать о самой себе подобным способом. И вообще, тепло и уют гостиной — намного лучше, чем угроза смерти от при жизни Проклятого, демона во плоти...

Тем временем вернулась девчонка Миррил. Она бережно несла поднос с чайником, чайным стаканом, бокалом, розеткой, с горкой набитой разноцветным мармеладом, и бутылкой с белым вином.

«Жаль, я больше люблю красное» — подумала Миррил и усмехнулась своей мысли. Какая во сне разница? Всё равно этого ничего нет на самом деле.

Девочка поставила поднос на газетный столик и принялась молчаливо наливать себе чай. Молчала она не потому, что была молчуныей, а потому, что её рот был набит мармеладом, который она с упоением жевала. Теперешняя Миррил взяла бутылку, содрала этикетку и злобно поглядела на пробку, потом на довольное лицо девочки, которой до возникшей проблемы не было дела. Хотя, собственно, в чём проблема? Миррил ведь прекрасно знала, где лежит штопор. Переборов непонятно откуда взявшийся страх, что за пределами гостиной будет что-то другое, нечто ужасное и не поддающееся здравому смыслу, магиня направилась на кухню. Там она быстро отыскала штопор и вернулась обратно в гостиную. Все страхи были напрасными. Ничего необычного не произошло.

Штопор в умелых руках девушки быстро справился с пробкой. Вино имело кисловатый запах. Магиня наполнила бокал и отхлебнула. Тёркое и кислое, к тому же чересчур тёплое. Да, не самое лучшее вино, что доводилось пробовать Миррил. Но уж лучше такое, чем вообще никакого. И плевать, что это всё сон – ощущения в нём невероятно реальные!

Теперешняя Миррил ощутила, как на втором бокале хмель начинает приятно кружить голову. Тем временем прошлогая Миррил объелась мармеладом и осушила три кружки чая.

– И как ты не лопнешь? – не выдержала взрослая Миррил.

– Я и не так могу, ты ведь знаешь, – парировала девчонка Миррил, поглаживая свой раздувшийся животик.

– Знаю, – улыбнулась магиня, – я и не так могла...

– Давай опять кидать щепки в костёр? – глаза девочки заговорицески сверкнули.

– Ну, давай... – кивнула теперешняя Миррил и залпом осушила третий бокал.

– Только теперь твоя очередь щепки из полена нарезать, – серьёзно, даже слишком серьёзно произнесла девчонка Миррил.

Взрослая Миррил не возражала. Она взяла нож, лежавший у камина, и принялась стругать сосновое полено. Давненько она подобными вещами не занималась...

Тем временем маленькая Миррил подбросила в костёр дров. Принявшееся было угасать, пламя вспыхнуло с новой силой. Так вспыхивает наша угасающая надежда... перед тем, как погаснуть насовсем...

Щепки были готовы, пламя жаждало их принять – ничто не мешало приступить к безобидной забаве.

Обе Миррил сидели у камина, ласкаемые его теплом, зачарованные танцем огня, и время от времени подкидывали в него щепки.

Это могло длиться вечно. И теперешней Миррил начало казаться, что действительно это будет продолжаться вечно. Вечность в безмятежном созерцании подкармливаемого тобой зверя-огня...

Но нет ничего вечного.

Замки входной двери щёлкнули. В дом вошёл старина Сик. Он в считанные секунды сбросил с себя верхнюю одежду и показался на пороге гостиной.

– Сик! – радостно вскрикнула девчонка Миррил, бросила в костёр все щепки, что были в руках, и побежала обниматься.

Сик нежно обнял девочку и принял гладитьrudиментарной рукой, как и всегда в таких случаях. Его лицо расплылось в улыбке, искренней, но очень усталой. Глаза пристально глядели на теперешнюю Миррил.

– А мы тут со мной вечеринку затеяли! – радостно сообщила старику девчонка Миррил.

– Вижу, – Сик покосился на почти допитую бутылку вина, и его улыбка сошла на нет, превратившись во что-то крайне жалкое и отталкивающее.

– Присоединяйся к нам! – предложила высвободившаяся из любящих объятий старика девчонка и потянула его заrudиментарную руку к газетному столику. – Хочешь, я чая ещё принесу? Мармелад? Там, вроде, вафли ещё были...

– Нет, спасибо, худышка Миррил, я ничего не буду, – сказал Сик.

– Как же не будешь? С дороги устал, наверное, проголодался... – ледяным голосом произнесла теперешняя Миррил. Она уже не подбрасывала щепки в костёр, а

пристально вглядывалась в глаза Сика. Он, в свою очередь, не отводил настороженный взгляд от неё.

— Я хорошо перекусил в локомотиве, — сознался Сик.

— Да нет же, уверена, что недостаточно, — стояла на своём магиня. — Худышка, приготовь старине Сику что-нибудь поесть. Ты ведь прекрасно знаешь, какой он упрямый — если сама ему в рот не положишь, с голоду умрёт... Что-нибудь вкусненькое приготовь. Картошку отвари или мясо запеки. Ну, ты поняла.

— Меня только Сик называет худышкой, — проворчала девчонка и поплелась на кухню.

Теперешняя Миррил и Сик остались вдвоём. Они уселись на кресла из чёрного бархата, всё так же не сводя пристальных взглядов друг с друга. Напряжение нарастало, да до такой степени, что начинало казаться чем-то реальным, осязаемым, заполнявшим собой пространство гостиной и начинавшим давить собой на тело, мешать нормально дышать, мутить взгляд.

— Хорошо нынче в Мисторе? — спросила Миррил.

— Ты сама прекрасно знаешь, как ТАМ сейчас, — в голосе старика прозвучало нечто пугающее.

— Ну и зачем весь этот цирк? — перешла к делу теперешняя Миррил.

— Ты о чём это? — удивился Сик. — Мистор не я спалил, если ты об этом...

— Зачем ты послал в мой сон образ моего детства с тобой? Хотел лишний раз напомнить о своём предательстве?

— Ха! — Сик в гневе ударил кулаком по газетному столику. Винная бутылка повалилась набок и скатилась с него, разбившись о пол, заливая его остатками вина.

— Что-то случилось? — на пороге комнаты появилась встревоженная девчонка Миррил. Её лицо и руки были испачканы мукой.

— Всё хорошо, худышка Ми, — Сик попытался скрыть гнев за фальшивой улыбкой и нарочито приторным голосом.

— Точно? — девочка перевела взгляд на себя взрослую.

— Да, дорогая, всё просто замечательно, — улыбнулась себе магиня.

— Ну... — нерешительно ответила девочка. — Ну ладно тогда.

— Ты что-то хотел мне сказать? — спросила нынешняя Миррил, дождавшись, когда прошлая Миррил вернулась на кухню и принялась греметь кастрюлями.

— Предательство, — возмущённо пробурчал Сик. — Как у тебя язык поворачивается нести такую чушь?

— Ты разве забыл о нашем разговоре в «кабинете для допросов»? — Миррил произносила слова с крайней степенью презрительной интонации. Она чувствовала, как всё тело дрожит от адреналина. Только здравый смысл (которого становилось всё меньше) и желание выяснить правду — сдерживали магиню броситься на старика и выцарапать ему глаза.

— Физическая оболочка мешает нашей памяти, хоронит её в закромах своих потаённых страхов, — Сик всегда отличался умением запутанно говорить. — Нет, худышка Миррил, я сейчас не в той фазе существования, чтобы что-либо забывать...

— НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ХУДЫШКОЙ, ТЫ СТАРЫЙ КУСОК БЛЕВОТИНЫ! — сорвалась Миррил.

На этот раз прошлая Миррил не покинула кухни. Она смышлённая девочка и уже догадалась, что Сику и ей взрослой следует поговорить с глазу на глаз...

— Я не заслужил такое обращение с твоей стороны, Миррил, — обиженно вздохнул Сик. — Неужели такова плата за всё то хорошее, что я для тебя сделал?

— Хорошее? Да лучше бы я на улице продолжала жить, чем получила такое «хорошее»! — Миррил захлестнула злость. — Хорошее. Хорошее! Ты, старый сын кобки, ты ведь прекрасно знаешь, что мне пришлось выдержать! И это ещё не конец. За мной всё продолжает охотиться экзекутор! И ты знал. Ты знал! Ты сам признался в этом! Хорошее... — здесь магиня иссякла, вперив в Сика затравленный взгляд голубых и глубоких, как воды Бесконечного Океана, глаз.

— Ну да, я подверг тебя очень трудному испытанию, — согласился Сик. — Смертельно-опасному — да. Но ты почти прошла его. Осталось немного. Совсем немного...

Миррил подняла с пола осколок бутылки, повертела его в руках, раздумывая, не всадить ли его в заплывшую жиром шею старика? Решила, что ещё рано и спокойным голосом спросила:

— Зачем это всё?

— Понимаешь... — Сик задумчиво почесал оба подбородка, поёрзкал в кресле и неуверенно продолжил, — это было нужно... Ну, я думал, что это было нужно...

— Думал?

Из кухни начал доноситься сладковатый запах запекающегося теста. Видно, что девочка Миррил со всей ответственностью подошла к поставленной задаче «приготовить что-нибудь вкусненькое».

— Ну да, думал, — вздохнул Сик. — Ты уж извини, Миррил, но я немного ошибся в расчётах... Я не учёл неизвестную переменную — «подзмей». Но, Святая Ненависть их испепели, откуда я мог знать?!

— Не уходи от темы, старина Сик, — «старина Сик» Миррил произнесла с таким пренебрежением, что другой на месте фарка воспринял это как кровную обиду. Но Сик испытывал некоторое чувство вины перед магиней, поэтому многое ей спускал с рук.

— А что ты собственно хочешь услышать, худышка?

— Я ведь сказала тебе меня так не называть, — прошипела Миррил.

— Да какая теперь разница? Я вообще даже не существую в материальном значении этого понятия...

— Так значит, если я сейчас воткну тебе в горло вот это, — теперешняя Миррил повертела в руках осколок бутылки, — то с тобой ничего не случится?

— Как же не случится? — удивился Сик. — Я умру...

— Почему? — в ответ удивилась Миррил. — Ты ведь уже давно как мёртв.

— Да, ты права, — вздохнул Сик. — Но я ведь мёртв у вас... А здесь — в Мире Духов я жив. В мире, представляющем единое целое двух антиподов — Святой Ненависти и Святых Уродцев.

— И разве я сейчас тоже в этом мире? — Миррил действительно это стало интересно, да так сильно, что она отдала предпочтение этому вопросу, нежели прошлому, так сильно терзавшему её последнее время.

— Не совсем так, Миррил, — развёл руками Сик (дажеrudimentarnой). — Да, во время сна астральные проекции наших душ действительно направляются в частицу этого мира — в Мир Вечных Грёз, чтобы отметить все свои поступки на Камне Вечности... Но мне ведь нужна не твоя проекция. Мне нужна твоя настоящая душа.

— Я тебя совсем не понимаю, — Миррил начала злиться. А не пудрит ли ей мозги хитроумный старикан, пусть это не он, а лишь его душа или что-то вроде того? Может, действительно вскрыть ему горло осколком бутылки?..

— Да, это сложно для восприятия, — согласился Сик. — В общем, я постараюсь объяснить как можно проще. Я выстроил этот дом из наших с тобой общих воспоминаний. Долго я его строил... Строил на самой окраине Мира Духов. Так, чтобы он был как можно ближе к тебе. Сегодня я его закончил, Миррил. Теперь мы сможем каждую ночь видеться и общаться здесь. Мы втроём. Я, ты и ты...

— Подожди, подожди, — запротестовала Миррил. — Почему ты говорил, что я могу тебя здесь убить? И если это Мир Духов, то что, мать твою, здесь делает я-подросток?

— А почему ты решила, что в Мире Духов все бессмертны? — мрачно произнёс Сик.

— Здесь свои законы. Здесь тоже существует жизнь и смерть, только не совсем такие, как ты себе это представляешь...

— Ладно, проехали. Я-то что здесь делаю? Девочкой я не умирала, насколько я могу помнить...

— Да я ведь сказал, что создал этот кусочек мирка, — хмурое лицо Сика посветлело. — Я создал, вернее — воссоздал этот дом, и воссоздал тебя. Мы живём здесь с тобой. И нам так хорошо... Нам всегда будет хорошо.

— То есть, эта девочка — лишь бездумная кукла, набитая твоими воспоминаниями?

— сама мысль об этом привела Миррил в ужас.

— Не совсем так, — Сик нервно погладил шею. — Видишь ли... Я нашёл способ проникнуть к тебе в некоторые воспоминания... В общем, эта девочка — и есть ты. Вернее, твои детские воспоминания.

— Стоп-стоп-стоп, — понимание услышанного медленно приходило к Миррил, а вместе с ним, приходила и злость. — Так ты хочешь сказать, что УКРАЛ мои воспоминания, обличил их в форму меня маленькой и развлекаешься тут с ними?

Белое лицо Сика покрылось ярко-красными пятнами стыда.

— Я не украл. Я лишь пользуюсь ими, когда не пользуюсь ты...

— Пользуешься? — Миррил вскочила с кресла и попыталась пустить в лицо старика магический рой смертоносных шершней, но ничего не вышло. Видимо, в этом мире магия не действует. — Как ты ими пользуешься, старый извращенец? Ты что...

Лицо Сика покраснело ещё сильнее.

Миррил захлестнула невыносимая, дикая, необузданная злость. Мало того, что этот подлый старикан испортил ей всю жизнь, так он ещё и насиливает её детские воспоминания!!!

И тут, к своему сожалению, в гостиную вошла девчонка Миррил с шикарным бисквитом на подносе. Он пах просто божественно и выглядел так, что даже самый сытый гурман не удержался бы и слопнул слюнку.

— Хватит вам уже ссориться, — весело сказала девчонка. Конечно же, она была уверена, что сотворённый ею шедевр бисквитного искусства способен помирить кого угодно.

Вот только взрослая Миррил была так взбешена, что ни до чего ей не было дела, кроме как мести...

— Ты надругался над моей жизнью, но я не позволю надругаться над моим детством! — сквозь слёзы ярости прорычала Миррил и ударила осколком бутылки в шею девочонки.

Вмиг ослабевшие руки выронили поднос. Бисквит упал на пол.

Миррил подхватила умирающую девочку и завопила от дикой боли, пронзившей её душу.

— Что ты наделала, глупышка моя, что же ты наделала, худышка Миррил... — всё повторял схватившийся за голову, убитый горем Сик.

Вскоре жизнь вытекла из раны девочки.

У Миррил больше не осталось детских воспоминаний...

Глава 32: Конец

Миррил проснулась в холодном поту. Её сердце колотилось о рёбра так, как колотится пойманная мышка о прутья крохотной клетки. Наверняка был день, но в комнате царил полумрак. И если не крошечный огонёк керосиновой лампы, то вообще темно бы было. Ведь помещение-то подземное, без окон. Удивительно, как это лампа светит ещё? Ночью почти весь керосин был израсходован на безрезультатные поиски Дирока. Разве Вито отыскал в кладовой незамеченную ранее ёмкость с керосином и заправил лампу. Да, вполне возможно.

Вито...

Миррил лежала какое-то время неподвижно, вглядываясь в огонёк лампы. Сон ещё яркими образами стоял перед глазами. Но образы постепенно блекли, гасли, испарялись. Это был всего лишь сон. Да, как бы Миррил хотелось так считать. Очень хотелось. Но этот проклятый Сик. Он сгубил всё! Миррил так и не узнала его тайну; при этом ещё и лишилась детских воспоминаний! Лишилась? Магиня попыталась вспомнить детство. Тщетно. Пустота, пробел, белое пятно. Сик? А кто это вообще такой? Сон выветривался из головы. Выветривались и воспоминания о Сике. Какое странное имя — Сик. На языке жителей Восточного Феникса это значит «больной». Странно это всё. И глупо. Воспоминания? Какие воспоминания? Зачем они нужны?

— Миррил, ты проснулась? — донёсся голос, вырвавший магиню из размышлений.

— Вито? — отозвалась девушка и приподнялась на локтях, чтобы рассмотреть говорившего. Керосиновая лампа стояла в противоположном конце комнаты, и её света не хватало вырвать поэта из мрака. Он сидел в сгустке темноты, разве что в глазах отражался крошечный огонёк. Если бы Миррил не знала, кто перед ней — то наверняка бы испугалась до полусмерти.

— В каком-то роде, да, — хрипловатым голосом произнёс Вито.

— В каком-то роде? — удивилась Миррил и приподнялась, почему-то сев в позе лотоса. — Ах да, как я могла забыть... Барон Отрицательный?

— Нет, — ответил человек в сгустке мрака, зловеще сверкнув глазами.

— Тогда кто же ты? — пафосным тоном спросила Миррил, хоть за этой бравадой в душе начала нарастать тревога.

— Угадай, — спокойно сказали глаза из темноты.

— Вито, перестань дурить, — нарочито весело сказала Миррил и фальшиво улыбнулась.

— Угадай, — с некоторым нажимом произнёс голос.

— Ладно, если тебе так хочется играть в эту игру... — сдалась магиня. — Должно быть, это какое-то из твоих творческих амплуа. Но я, признаться, очень мало знакома с твоим творчеством, чтобы судить. Я знаю, что тебя зовут Вито. Твой псевдоним и второе «Я» — Барон Отрицательный. Но других твоих имён и обличий я не знаю. Так что намекни мне, что ли, подскажи...

— Это никак не относится к жалкому книжному червяку, о котором ты сейчас говоришь, — зловеще произнёс голос.

— А к кому тогда? — у Миррил засосало под ложечкой.

— Я думал, ты умнее, чем оказалось, — ответил голос Вито. — Думал, ты отгадаешь сразу.

Миррил щёлкнула пальцем, и темнота на миг озарилась магическим светом. О Святые Уродцы! О Святая Ненависть! О Господи! О Люцифер! Из темноты возник Вито. Он сидел на полу, но был он далеко не в лучшей своей форме. Да что там в форме — он вообще не был каким-либо... Он был, что громадная послушная кукла из плоти. А кукловод... Да, это он! Убийца из первого сна возможного будущего. Он сидел позади Вито, обхватив его живот ногами, впившись тонкими пальцами в виски. Его ужасающий взгляд. Взгляд демона во плоти, при жизни Проклятого. Взгляд чудовища в человеческом обличии. Испещрённые шрамами от укусов собственных зубов губы Мора скривились в надменной ухмылке. Эта ухмылка на бледном вытянутом лице смотрелась настолько зловеще, что Миррил лишь чудом не упала в обморок. Магическая вспышка погасла, похоронив во мраке это чудовище, вместе с его пленным.

— Э нет, грязная ябранка, не думай даже применять магию, — сказал Мор устами порабощённого им Вито. — Меня тебе никогда не одолеть. Лишь одно неверное движение, и я сверну этому хиляку его никчёмную шею.

— Мне наплевать на него, — попыталась блефовать Миррил.

— Ну тогда начинай, — сказал Мор вызывающим тоном Вито. — Я хочу посмотреть, насколько тебя хватит...

Миррил прошиб ледяной ужас. Дрожь охватила её тело, и на какое-то время контроль над здравомыслием вытеснил страх. Девушка пришла в себя от боли — с перепуга она до крови впилась ногтями себе в ляжки.

— Я так и думал, — сказали уста Вито. — Ты испытываешь к этому ничтожеству чувства и не позволишь ему подохнуть. Я бы давно раздавил этого клопа, но его рот понадобился мне, чтобы общаться с тобой. Видишь ли, сам я немой.

Миррил оглянулась по сторонам, как затравленная зверька. Нет, спасения нет, это уж точно. Главное — выжидать, удерживать себя от Обращения. Ведь тогда Вито точно умрёт. А какой есть ещё выбор? Всё закончится лишь смертельным боем. Обратится Миррил или нет. Перспективы Вито мрачны. Так же как и перспективы Миррил. Что тогда удерживает её применить боевую магию? Надежда. Надежда на лучшее. Как ведь это глупо и нелепо. Но такова уж суть человека — утопая, хвататься за всё, что только можно схватить, даже за хвост ядовитой змеи...

Миррил направила слабый сноп магического света на врага и его пленника. Силы нужно беречь для боя, но собеседника надо видеть. Придётся пойти на эту жертву. По лицу человека можно многое определить. Остаётся только надеяться, что это правило относится и к демонам во плоти...

– Почему ты молчишь? Язык от страха проглотила? Я бы тебе его сам с радостью откусил, – здесь ухмылка Мора достигла своего апогея. – Откусил и пришил себе. Может, прижилось бы? А то, знаешь ли, надоело всё жестами да жестами...

– Какой же ты больной сын кобки, – с ненавистью прошипела Миррил.

– Я больной? – удивился Мор. – Это не я прячу свою сущность за маской симпатичного личика. Ты чудовище, Миррил, но постоянно пытаешься скрыть это. А вот я нет, я не прячу своё чудовище от других. Я и есть своё чудовище. И не стесняюсь этого.

– Чего ты от меня хочешь? – Миррил собралась с мыслями. Она давно уже перестала сидеть в позе лотоса, и сидела на коленях, упёршись стопами и ладонью в пол, чтобы можно было мгновенно вскочить, извергая из свободной руки потоки смертоносной магии. – Я так понимаю, что спала, когда ты проник сюда. Ты мог убить меня во сне. Зачем ты устроил весь этот цирк?

– Зачем? – по страшному лицу Мора пробежала тень раздумий. – Да я и сам не знаю. Понимаешь... С недавних пор я изменился. Один дряхлый чешуйчатый коротышка покопался в моих мозгах...

– Ты знаешь, что Горколиус мёртв? – Миррил решила подойти к делу с этой стороны. – Ты не обязан выполнять приказания мёртвого. Ему уже всё равно. Отпусти Вито и уходи. Хорошо?

– Я никогда не подвожу своих заказчиков, мертвые они или нет, – злобно прорычали губы пленённого Вито.

Миррил попыталась взглянуться в глаза Мора и прочитать в них его намерения. Глубокие, страшные, похожие на две бездонные пещеры, исполненные чудовищной мудрости и звериной силы – глаза очаровывали и отвращали одновременно. В них ничего нельзя было прочитать, но с лёгкостью можно было утонуть и никогда не выбраться из этой бездны. Миррил с огромным трудом заставила себя не глядеть в них.

– Я... – начал было Мор, но тут же осёкся (вернее осёкся Вито, чьими губами говорил Мор). – Я... Я действительно никогда не подводил своих заказчиков. Никогда. Но благодаря этому дряблому коротышке подзмею я многое понял... Это не заказчики нуждались во мне. Это я в них нуждался. Понимаешь, тупая кобка, я намного выше вас всех. Всей этой мелюзги, бесцельно мечущейся по земле. Я парю над вашими ничтожными проблемами, как орёл, парящий над стаями трусливых мышей, которые завидев его, забивающимися в свои грёбаные подземные норки. Мне казалось, что я плюю на вас всех с вершины, но выходило ведь наоборот... Оказалось, что я никогда толком не отрывался от земли... Ты понимаешь меня, дура? Понимаешь?

– Да, я понимаю тебя, – Миррил перехватило дыхание. Даже демоны во плоти могут испытывать нерешительность и терзаться поисками вечных истин. На этом стоит сыграть. – Ты осознавал ничтожество людей, но в то же время ничем не был их лучше. Ты исполнял их прихоти, как слуга!

Тут у мора дёрнулась щека – это не ушло от внимания Миррил, и она стремительно принялась закреплять успех:

– Да! Сама мысль того, что великий демон во плоти, при жизни Проклятый служит каким-то там недостойным существам – тебе отвратительна. Но ты день ото дня жил с ней, пытался её не замечать, не видеть. И этот дряхлый коротышка подзмей, о котором ты говорил, это ведь он открыл твои глаза? Я не знаю, что там между вами произошло, но уверена, что он. Так?

Мор нерешительно кивнул.

— И вот ты стоишь сейчас на перипетии своей жизни, — Миррил была в ударе. — Тебе не так просто избавиться от своего прошлого — поэтому ты и пришёл сюда. Но не убил меня. Почему? Да всё просто — ты уже сделал свой выбор. Ты действительно вознёсся над такими ничтожными, мелочными и крошечными букашками, как я или Вито. Мы недостойны даже твоего великого, мудрого взгляда. Не говоря уже о физической расправе...

— Знаешь, ябранка Миррил, ты ведь права, — Мор вздохнул, а Вито спокойным голосом произнёс его мысли. — Я пришёл сюда не за твоей головой. Я пришёл сюда окончательно убедиться в том, что ты сейчас сказала. Да, я чувствую именно это. Мое превосходство над вами настолько велико, что я могу позволить себе не замечать вас.

Миррил вдруг испытала новый приступ безудержного страха: а что, если Мор с ней просто играет? Как касатка с морским котиком. И после того, как обнадёжит, не уйдёт, пока не метнёт одну из своих звёзд прямо в лоб Миррил? А бедняге Вито экзекутор голыми руками оторвёт голову...

— Ты родилась под счастливой звездой, Миррил, — тем временем произнесли губы Вито. — Этого нельзя сказать про твоих друзей... Прощай.

Мор отпустил Вито, который без чувств рухнул на пол. Пригибаясь, поскольку низкие потолки комнаты не могли вместить весь его рост, экзекутор направился к выходу. На пороге комнаты он повернулся к Миррил и произнёс на общем языке жестов:

Твой. Друг. Мёртв.

После этого Мор покинул подземный дом, надел ранец с углепластиковыми крыльями, оставленный у входа. И взмыл в воздух.

Парить, над ничтожностью...

Ошарашенная жестами, Миррил поборола свои страхи и подползла к Вито, пощупала его пульс. Неужели Мор соврал? Сердце поэта билось, ноздри вдыхали воздух. Абсолютная противоположность смерти...

И тут Миррил закричала:

— Дирок!

Она выбежала из дома. И обнаружила неподалёку то, что больше всего боялась обнаружить. Боялась, но знала, что будет именно так.

В раке лежало изувеченное тело Дирока...

Вито проснулся и тут же зашёлся в истошном вопле. К этому времени Миррил уже успела наплакаться и похоронить Дирока. Могилу она вырыла руками, помогая им обломком меча наёмника, найденного в нескольких метрах от тела. Конечно же, случилось так, как предвещал Вито — ревностный пыл Дирока остыл, и он вернулся к входу в подземный домик. Охранять свою любимую Миррил. До смерти...

Вместо надгробного камня, Миррил воткнула обломок меча. Она хотела похоронить Дирока вместе с его пружинострелом, но так и не нашла это диковинное оружие подзмей. Возможно, Мор забрал его в качестве трофея.

Но смерть преданного телохранителя — не единственное мрачное событие дня. Миррил вернулась в дом к волившему во всё горло Вито. Увидев магиню, он умолк и

уставился на неё. В ametistовых глазах, ранее излучавших интеллект и мощную фантазию, сквозило нечто... приурковатое... нечто безумное...

Вито сошёл с ума!

Что ж, Миррил и не подумает его здесь бросить. Она не собирается его бросать и в будущем. Всегда будет рядом. Ведь кроме неё, Вито Шипнар, поэт, известный под псевдонимом Барон Отрицательный не нужен никому...

Миррил прикинула в голове варианты, взвесила все «за» и «против». Пожалуй, стоит вновь попытаться пробраться в Демократическое Государство Римбран. Не зря ведь покойный Дирок так сильно тянул её туда? Да, им не позволили пересечь границу. Но Миррил что-нибудь придумает. Обязательно придумает!

А сейчас ей нужно сменить Вито штаны, ведь он обделался от страха...

Александр Рыжков
Февраль – Ноябрь 2009 год
Капитальная вычитка и правка:
Май – Июль 2011 год

Краткий словарь нецензурных выражений

(который культурным людям запоминать крайне не рекомендуется...)

Блак – ругательное междометие;

Блакня – женщина лёгкого поведения;

Блакский – прилагательное, характеризующее объект не с лучшей стороны;

Выфарлить – произвести половой акт в особо-грубой форме;

Допарза – очень много;

Дрот – анальное отверстие и прилегающая к нему часть тела;

Кобка – собака женского пола;

Кобковый – тот/то, кто/что имеет непосредственное отношение к собаке женского пола;

Кобочка – ласкательно-уменьшительное обозначение собаки женского пола;

Кобчёнок – щенок собаки женского пола;

Макропещатня – женщина, обладающая внушительными размерами полового органа;

Мулёк – нехороший человек;

Парз – половой орган мужчины;

Парздеть – говорить ненужное;

Парздец – всё очень плохо;

Парзово – всё очень-очень плохо;

Пещатня – половой орган женщины;

Пришпахток – очень нехороший мужчина;

Пришпахтша – очень нехорошая женщина;

Родас – мужчина нестандартной половой ориентации;

Стукфар – тугодум;

Стукфарка – тугодумка;

Сфарлиться – быстро уйти;

Фарлинько – тот, кто не очень умный;

Фарлины – тот/то, над кем/чем произвели насильственный половой акт;

Фарлить – производить половой акт;

Шкурлесос – тот, кто совершал/совершает сношение с мужскимовым органом при помощи ротового отверстия;

Шкурлесоска – та, которая совершала/совершает сношение с мужскимовым органом при помощи ротового отверстия;;

Шкурля – верхняя часть мужскогоового органа;

Ябранка – женщина, предоставляющая интимные услуги за плату.